

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Г.Г. Косач, Е.С. Мелкумян

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА САУДОВСКОЙ АРАВИИ.
ПРИОРИТЕТЫ, НАПРАВЛЕНИЯ,
ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ**

Москва 2003

Научное издание

Г.Г. Косач, Е.С. Мелкумян

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА САУДОВСКОЙ АРАВИИ. ПРИОРИТЕТЫ, НАПРАВЛЕНИЯ,
ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ
М., 2003, 236 стр.

Ответственный редактор: **А.О.Филоник**

Книга посвящена исследованию блока вопросов, имеющих существенное значение для понимания доктринальных основ внешней политики Саудовской Аравии и механизмов ее реализации на региональном и глобальном уровнях.

В монографии впервые детально рассматривается вся совокупность разных аспектов темы, что дает почти исчерпывающее представление о национальном внешнеполитическом дискурсе и взглядах саудовского руководства на характер участия королевства в процессе международного общения.

Книга рассчитана на востоковедов – практиков и аналитиков – и, как кажется, может быть полезной при исследовании саудовского внешнеполитического феномена и определении отношения к нему.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN ISBN 5-89394-092-X

ISBN 5-89394-092-X

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава I	
ПРИНЦИПЫ И ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ГЛОБАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ	9
1. Принципы внешней политики: основы легитимации	10
2. Эпоха оформления принципов внешней политики	12
3. Запад в контексте саудовских внешнеполитических приоритетов	17
4. Саудовская внешняя политика: эпоха изменений в стране и мире	25
5. Россия: новое направление саудовской внешней политики	29
Глава II	
ПАЛЕСТИНСКИЙ ВОПРОС В САУДОВСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ	41
1. Палестинский вопрос в саудовской политике: эпоха 1920–1940 гг.	41
2. Палестинский вопрос в контексте системы межарабских отношений: саудовская точка зрения	46
3. Саудовская Аравия и реалии взаимодействия с ООП: гуманитарный аспект политики	56
4. Саудовская политика и палестинский вопрос: начало нового века	61
Глава III	
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И СОВЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА	77
1. Историческая легитимация процесса создания организации	77
2. ССАГПЗ: обстоятельства становления регионального союза	79
3. Саудовская деятельность в рамках Совета сотрудничества	84
4. Саудовская Аравия как «центральное звено» ССАГПЗ	87
5. Саудовская дипломатия и ССАГПЗ: после кувейтского кризиса	90
6. Саудовская позиция по вопросу путей развития ССАГПЗ	94
7. Саудовская Аравия и ССАГПЗ: кризис вокруг Ирака	97

Глава IV	
ФИНАНСОВАЯ ПОМОЩЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ	105
1. Внешнеэкономическая помощь Саудовской Аравии: цели и задачи	105
2. Саудовская Аравия и ситуация в Боснии и Косово	111
3. Саудовская Аравия на постсоветском пространстве: финансовая помощь	121
Глава V	
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	135
1. Определение места государства в меняющемся мире	136
2. Саудовская Аравия и вызов международного терроризма	142
3. Саудовская Аравия и иракский кризис	150
4. Мир после Ирака: первоначальный набросок саудовской позиции	158
Глава VI	
МЕХАНИЗМ ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ	169
1 «Официальные» властные структуры и процесс принятия внешнеполитического решения	169
2 Религиозные деятели и механизм принятия внешнеполитического решения	180
3 «Неофициальные» структуры в системе принятия внешнеполитического решения	194
4 Реформы: сфера внешнеполитического решения	199
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	219

ПРЕДИСЛОВИЕ

Королевство Саудовская Аравия проводит активную внешнюю политику, которая оказывает воздействие как на региональном, так и на глобальном уровне. Ее внешнеполитический потенциал связан с большими экономическими и финансовыми возможностями, определяемыми положением крупнейшего поставщика углеводородов на мировой рынок. Кроме того, саудовское королевство идентифицирует себя как центральное звено мусульманского сообщества. Убедительным подтверждением этого является тот факт, что саудовский король выступает в качестве покровителя расположенных на саудовской территории святых мест ислама в Мекке и Медине, к которым ежегодно совершают паломничество свыше двух миллионов мусульман.

Другой важной составляющей самоидентификации саудовского государства является его принадлежность к арабскому миру. На арабском политическом пространстве роль Саудовской Аравии велика в силу того, что она по многим своим параметрам занимает ведущее место на этом пространстве и обоснованно претендует на то, чтобы быть центральным звеном арабского геополитического сообщества. Саудовская Аравия обладает обширной территорией, большим населением, приближающимся к 20 млн. человек, значительным объемом ВВП и высоким уровнем доходов на душу населения. Ее военный потенциал также постоянно увеличивается, благодаря закупкам самой современной военной техники и вооружения у западных стран. Саудовское королевство имеет разветвленные торгово-экономические связи с высокоразвитыми государствами мира, занимая прочное положение в мировой экономической системе. Кроме того, саудовское государство отличается социально-политической стабильностью, достигаемая благодаря гибкой системе государственного управления, в которой различные ветви власти уравнивают друг друга и позволяют учитывать интересы различных слоев саудовского общества. Постоянное совершенствование государственной системы и продуманная социальная политика создают условия как для обеспечения консолидации общества, так и противодействия оппозиционным силам или внешним попыткам изменить характер существующего режима.

Основные параметры внешней политики Саудовской Аравии были заложены основателем этого государства, которое появилось на картах мира в 1932 г. Им был Абдель Азиз Ибн Сауд – выдающийся политический деятель своего времени, пользовавшийся заслуженным авторитетом не только в арабском и мусульманском мире, но и на

Западе. Подтверждением этому является, в частности, то, что американский президент Ф.Рузвельт посчитал необходимым встретиться с ним во время Второй мировой войны для обсуждения сложившейся на Ближнем Востоке ситуации. Благодаря продуманному, гибкому курсу Ибн Сауда, Саудовская Аравия смогла еще в донефтяную эпоху укрепить свое положение в регионе, расширить связи с внешним миром и определить оптимальные направления своей внешнеполитической деятельности.

В монографии рассматриваются особенности внешнеполитической деятельности саудовского королевства - одного из влиятельных государств мусульманского и арабского мира, которое в последние годы активизирует свое участие в решении не только региональных, но и многих глобальных проблем современности. Роль Саудовской Аравии особенно наглядно проявилась после начала международной антитеррористической кампании, когда возглавившие ее Соединенные Штаты были вынуждены постоянно консультироваться с саудовскими руководителями для того, чтобы обеспечить лояльность мусульманского сообщества и найти приемлемые для арабских государств формы участия в ней.

Одной из главных задач данной монографии является анализ принципов и основных направлений внешней политики Саудовской Аравии. Исламская идеология государства определила как главенство исламских принципов во внешнеполитической практике, так и приоритетность политики, направленной на укрепление исламской солидарности и поддержку мусульманских общин по всему миру. Для реализации этих целей используются различные методы, и, в первую очередь, предоставление финансовой помощи как по государственной линии, так и по линии различных благотворительных организаций и фондов. Кроме того, королевство пытается достичь этого через Организацию Исламская Конференция (ОИК), в которой ему принадлежит лидирующая роль. Это направление саудовской внешнеполитической деятельности нуждается в углубленном анализе для того, чтобы показать, что исламская доминанта не превратила саудовскую внешнюю политику в орудие тех сил, которые стремились к утверждению исламской исключительности и превосходства, что привело бы к ее изоляции от других культурно-цивилизационных ареалов. Отстаивая права мусульманских народов на участие в решении глобальных вопросов и необходимость учета их интересов, Саудовская Аравия в то же время осознает единство мира и призывает к плодотворному сотрудничеству, направленному на всеобщее процветание.

Королевство проводит активную политику в арабском мире, внося свой вклад в решение основной региональной проблемы – арабо-израильского конфликта. Саудовские подходы к этой проблеме постоянно эволюционируют, учитывая изменение ситуации в мире и конкретные региональные реалии. Саудовская Аравия использует

свое влиятельное положение в Лиге Арабских Государств (ЛАГ), одним из инициаторов создания которой она являлась, для успешного претворения в жизнь своей политики на арабском направлении. В то же время в ее политике по отношению к арабским странам на первом месте стоят задачи по развитию и совершенствованию координации в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), признанным лидером которого она является.

Саудовское королевство также считает необходимым для реализации своих национальных интересов расширять связи с западными странами. При этом главное внимание уделяется развитию контактов с США.

Саудовскую Аравию связывают с Соединенными Штатами особые отношения. Они основываются на совпадении интересов в области нефти и в вопросах обеспечения региональной безопасности. Несмотря на противоречия по вопросу ближневосточного урегулирования и недовольство, высказываемого саудовским руководством по поводу унилатеристских тенденций, проявляющихся в американской политике, отношения между Саудовской Аравией и США носят характер стратегического партнерства и имеют долговременный характер. Кампания по борьбе с международным терроризмом поставила эти отношения в новый контекст, но вряд ли изменила их главное содержание.

Непростые взаимоотношения сложились между Саудовской Аравией и Россией. Опыт контактов между королевством и Советским Союзом, несомненно, накладывает на них отпечаток. Заинтересованность в расширении связей проявляется с обеих сторон, и в то же время, существует определенная взаимная настороженность и недопонимание основ внешнеполитической деятельности каждой из сторон. И в России, и в Саудовской Аравии сформировалось стереотипное представление друг о друге. Данная монография должна помочь созданию более объективного образа королевства в широких кругах российской общественности.

Во внешней политике саудовского королевства происходят определенные подвижки в зависимости от изменений, которые претерпевает система международных отношений в целом. Саудовская Аравия меняет свои подходы к оценке глобальных проблем современности, и этот аспект внешнеполитической деятельности должен найти отражение в монографии.

Важная задача монографии – анализ процесса принятия внешнеполитических решений в королевстве. Это государство, хотя в основе его внешней и внутренней политики лежат исламские принципы, не может быть отнесено к теократическим государствам. Верховная власть в нем принадлежит королю и королевской семье Аль Сауд, которая выбирает из своей среды наследника престола. В то же время Высший Совет улемов обладает большими полномочиями и непосредственным образом влияет на выработку внешнеполитического курса королевства. Роль Консультативного совета (*Маджлис аш-шура*) пока

еще не столь велика, но его влияние на процесс принятия внешнеполитических решений возрастает. Основное внимание будет уделено проблемам достижения консенсуса между различными ветвями власти, представленными правящей семьей, правительством, Высшим советом улемов и Консультативным Советом.

В заключении монографии представлены выводы об особенностях внешнеполитического курса Саудовской Аравии, о соотношении позитивных и негативных аспектов ее внешнеполитической деятельности и о перспективах эволюции ее внешней политики в ближайшей перспективе.

Монография написана на основе изучения прежде всего саудовских источников и работ саудовских исследователей. Очень важно получить точное представление о том, как саудовская политическая элита и научная общественность видят цели и конкретные задачи саудовской внешней политики. Такое знание будет способствовать созданию более прочных основ для развития взаимовыгодных отношений между Саудовской Аравией и Россией.

Саудовские арабоязычные исследования мало известны у нас в стране, как, впрочем, и за рубежом. Их, как правило, отличает высокий научный уровень, стремление дать объективный анализ внешнеполитической деятельности своей страны, привлечение обширного фактического материала для обоснования высказываемых положений.

Упор на саудовские издания был вполне осознанным. Он был определен не только вышеуказанными достоинствами саудовских работ, но и стремлением лучше понять саудовскую точку зрения, их особый подход к проблемам внешней политики и анализу механизмов принятия внешнеполитических решений, оценке роли саудовского королевства в системе международных отношений в целом и отдельных региональных сообществах, в частности. Анализ официальных саудовских документов, заявлений и выступлений руководящих деятелей этой страны, а также местной прессы позволяет не только дать точное представление о направлениях внешней политики королевства, механизме принятия внешнеполитических решений, но и выявить особенности, присущие внешнеполитической деятельности этого государства. Его заметная роль в мире, особое положение, которое оно занимает среди арабских и мусульманских стран, а также имеющиеся у него рычаги воздействия на ситуацию в арабском и мусульманском мире, оправдывают интерес к внешней политике этой страны.

Глава I

ПРИНЦИПЫ И ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ГЛОБАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Саудовская внешняя политика опирается на исламские принципы, которые определяют характер проводящего эту политику государства и его идеологические установки. Национальная интерпретация принципов внешнеполитической деятельности королевства лишь подтверждает это положение.

Любое саудовское аналитическое исследование, стремящееся дать оценку внешней политики королевства, будет отталкиваться от мысли, суть которой заключается в том, что это курс «консервативного государства». При этом будет подчеркнуто, что Королевство Саудовская Аравия «руководствуется идейными нормами ислама и содействует их повсеместному распространению и защите, опираясь на мирные и отвечающие духу современной эпохи методы»¹.

Если, как отмечает саудовский политолог А.Х. Ас-Суэйг, внешняя политика любой страны представляет собой производное от «высших идейных ценностей», исповедуемых ее «правлящим классом», то естественно, что «эти ценности» становятся «источником легитимации» действий этого «класса» в сфере международных отношений. В случае же Саудовской Аравии речь идет о «ценностях, почерпнутых из ислама в качестве основы, на которой базируется внешняя политика и которая определяет ее черты, направления и приоритеты»². Из этого, в частности, вытекает, что внешнеполитическая линия королевства «специфична»³.

Ее особый характер определяется прежде всего тем, что в основе этой линии лежит совокупность «неизменных принципов и норм» деятельности, начало которым было положено основателем современного саудовского государства. Но для саудовской политологии не менее существенно и то, что она видит в проводимой королевством внешней политике абсолютно последовательный и ни в коей мере не подверженный каким-либо колебаниям курс. Если воспользоваться выражением одного из саудовских авторов, представляющего Институт дипломатических исследований Министерства иностранных дел Королевства Саудовская Аравия, то возникшая в эпоху Ибн Сауда ситуация длится и сегодня, поскольку саудовская «внешняя политика следует намеченным основателем государства очертаниям и руководствуется провозглашенными им принципами»⁴.

1. Принципы внешней политики: основы легитимации

Не приходится сомневаться в том, что самоидентификация государства представляет собой едва ли не решающий фактор, определяющий его деятельность в сфере проводимой им внешней политики. Естественно также и то, что самоидентификация того или иного субъекта международных отношений (что в равной мере относится и к Саудовской Аравии) вытекает из условий его генезиса, дальнейшей эволюции и, наконец, содержания развивающихся в пределах его территории внутренних процессов. Носителем этой самоидентификации и выразителем идеи государственного самосознания является, конечно же, «правлящий класс». В свою очередь, поддержание непрерывных отношений взаимозависимости между отдельными фракциями этого «класса», легитимируемое с помощью ссылок на неизбежность общих для всех этих фракций политических принципов и установок и необходимость их совместного противостояния возникающим угрозам, в значительной степени определяет стабильность проводимого внешнеполитического курса.

Для Саудовской Аравии этот курс превращается в *миссию*, проводником которой выступает государство, стремящееся реализовать положения этой миссии в ходе своих контактов с другими членами международного сообщества. При этом, по словам А.Х. Ас-Суэйга, исламские принципы саудовской внешней политики методологически идентичны «системе либеральных ценностей, становившихся после окончания Первой мировой войны основой американской внешней политики», и «системе ценностей марксистско-ленинской идеологии», из которой «с момента победы большевистской революции черпала собственную легитимность советская внешняя политика»⁵.

Основатель саудовского королевства рассматривал созданное им государственное образование как «ведущее в окружающем его мировом пространстве» с точки зрения того, что оно играет роль «поборника ислама» и, в этой связи, «защитника независимости арабов»⁶. В силу этого обстоятельства, его понимание системы международных отношений ограничивалось, по сути дела, постановкой вопроса о необходимости развития политических связей и сотрудничества лишь между существовавшими в его время арабо-мусульманскими государствами.

Иными словами, целью внешней политики этого саудовского монарха становилось достижение максимально возможного единства арабских и исламских стран («реализации мира между государствами ислама») на основе установок исламской доктрины, предполагавших всестороннее внедрение в их политическую практику принципов солидарности, взаимопомощи и совещательности и, как итога этого процесса, отказа этих государств от силового вмешательства во внутренние дела друг друга. В свою очередь, отношения между ведущими державами мира и роль этих отношений для самих мусульманских стран имели для него меньшее значение, выдвигаясь в центр

его внимания только в силу прагматических обстоятельств или причин чрезвычайного характера (в частности, развитие событий вокруг подмандатной Палестины во второй половине 40-х годов).

Эпоха его правления (20-е – начало 50-х годов XX в.) не могла предложить иного понимания и системы международных отношений, и способов легитимации деятельности королевства в мире, и регионально ограниченной сферы саудовской внешнеполитической деятельности. Это было время формирования политических институтов государства, жесткого подавления внутренней оппозиции и инакомыслия, а также продолжавшейся территориальной экспансии, первых попыток изменения внутриэкономического положения и едва начинавшихся контактов с внешним (относительно не мусульманским) миром. Религиозные положения (а, точнее, определенная форма их интерпретации) становились обоснованием действий, направленных на обеспечение внешней безопасности страны в условиях противостояния мутаваккилистскому Йемену, нерешенности пограничных споров с хашимитскими Ираком и Трансиорданием и княжествами Персидского залива. Но, вместе с тем, эта прежде всего прагматично-инструментальная интерпретация, с помощью которой Ибн Сауд действовал в целях создания вокруг королевства пояса «дружественных» государств, становилась основой дальнейшей «исламской» позиции Саудовской Аравии как в сфере более широких международных связей, так и ее контактов с миром ислама.

Но не менее существенно и другое: королевство едва начинало свое движение по пути модернизации, обращение Ибн Сауда к исламскому миру помогало вынести за пределы собственной страны противоречия ее внутренней эволюции и минимизировать их воздействие на саудовское государство. Из этого, однако, вытекало и дополнительное обстоятельство: исламский мир должен был также пройти по пути модернизационного развития. Наилучшей гарантией успешного прохождения по нему как для Саудовской Аравии, так и для этого мира становилась «солидарность», а не вражда⁷.

Для сегодняшней саудовской политической мысли не менее важно и указание на другое принципиальное обстоятельство, определявшее политические пристрастия Ибн Сауда, включая и его обращение к исламу в качестве орудия действия прежде всего в арабо-мусульманском региональном масштабе⁸. Этим обстоятельством была атмосфера становления личности этого человека, когда едва ли не ведущим фактором его формирования выступала полная насилья политическая культура места и времени его выдвижения на роль национального лидера. Жесткие внутридинастические споры за власть в Неджде, длительное пребывание в изгнании в Кувейте и, наконец, близкие контакты с ведущими представителями клана Аль Аш-Шейх – потомков М.Абдель Ваххаба – законоучителей ханбалитского мазхаба суннитского ислама (и, добавим, ограниченность знаний о мире за пределами арабского реги-

она), – все это определяло умонастроения Ибн Сауда, его манеру действия и, наконец, предпочтения в области внутренней и внешней политики созданного им в дальнейшем государства.

Ригористичный ислам превращался в орудие создания жестко выстроенной вертикали власти, центральным звеном которой выступал король, поддерживаемый преданными ему религиозными деятелями. И он же становился орудием внешней политики, естественно сконцентрированной только на том региональном пространстве, где важнейшее средство ее легитимации могло бы стать наиболее приемлемым и эффективным инструментом действия.

В 1943 г. Саудовская Аравия выступила в качестве одного из инициаторов создания ЛАГ, региональной организации, призванной сплотить все страны (в то время лишь те из них, которые уже обрели политическую самостоятельность), провозглашающие свою приверженность идее существования арабского геополитического сообщества. Таким образом, помимо ислама, важнейшим принципом внешнеполитической деятельности Саудовской Аравии был провозглашен «арабизм» – принадлежность к единому арабскому миру, выработка единых целей, объединяющих всех арабов, деятельность, направленная на укрепление арабской солидарности и поддержку арабских интересов.

2. Эпоха оформления принципов внешней политики

Время нахождения у власти сына и преемника Ибн Сауда – короля Фейсала (1964–1975 гг.) знаменовало собой попытку выработать более широкий взгляд на окружающий Саудовскую Аравию мир, включая и геополитическое пространство арабского региона. Естественно, что эта попытка должна была предложить более весомую, но все так же подтверждающую ведущую роль страны в арабо-мусульманском мире, интерпретацию этого взгляда. В эпоху, непосредственно предшествовавшую началу деятельности Фейсала, основы саудовской политики в уже ставшем политически самостоятельным арабском мире опирались на несколько принципиальных установок.

Речь шла, в первую очередь, об «арабской солидарности» или «координации действий арабских стран вне зависимости от природы существующих в них режимов», а также, во-вторых, о «взаимосвязи между арабизмом и исламом». Обычная саудовская интерпретация второй установки заключалась в том, что вопрос этой «взаимосвязи» далек от того, чтобы, исходя из него, предполагать создание некоего арабо-мусульманского блокового объединения, но, как говорил Фейсал, «принцип исламского сотрудничества должен помочь привлечь шестьсот миллионов мусульман мира на сторону наших (арабских, – авторы) прав»⁹. Казалось бы, уже давно действовавшая ЛАГ могла стать проводником этой политики.

В начале 50-х годов арабский мир вступал, тем не менее, в эпоху потрясений и дестабилизации. Поражение в Палестинской войне

1948–1949 гг. вызвало к жизни взрыв панарабской националистической практики, создававшей в течение последующего времени мощные «центры силы», претендовавшие на роль общеарабских объединяющих начал. Ими были, в первую очередь, насеровский Египет, а также, но в ощутимо меньшей мере, баасистские Сирия и Ирак. Становление этих «центров силы», каждый из которых стремился включить в орбиту своего влияния не только государственные образования, но и политические движения, активно апеллируя при этом к внешним силам, в первую очередь к Советскому Союзу, отнюдь не способствовало успеху саудовской политики.

Напротив, акцент, ставившийся и Г.А.Насером и его баасистскими коллегами на «национальном» аспекте их деятельности, превращал саудовский постулат о «взаимосвязи арабизма и ислама в “реакционное” в стремление жить в исчерпавшем себя прошлом». В свою очередь, ЛАГ, штаб-квартира которой располагалась в Каире, во многом превращалась в орудие египетской политики. Оценивая это состояние, сегодняшний саудовский исследователь подчеркивает: «Проводившийся в то время арабскими “поборниками прогресса” курс негативно воздействовал на межарабские отношения. Его результатом становились идеологическое размежевание и холодная война между двумя группами арабских государств. Если одна из них была представлена “религиозными консерваторами”, то вторая – “радикальными националистами”»¹⁰. В течение нескольких лет, предшествовавших арабо-израильской войне в июне 1967 г., «холодная война» между арабскими «консерваторами» и «радикалами» могла перерасти в прямое вооруженное столкновение между ними. Поддержанный Египтом антимонархический военный переворот в Северном Йемене, включая и ввод египетской армии на территорию одного из ближайших саудовских соседей, становился тому убедительным доказательством.

В этих условиях Саудовская Аравия предпринимала активные действия в пользу институционализации идеи исламской солидарности. В декабре 1962 г. была создана Лига исламского мира (скорее, как шариатская юридическо-правовая ассоциация¹¹ со значительными, тем не менее, финансовыми возможностями), штаб-квартирой которой стала Мекка¹². 29 сентября 1969 г. (спустя почти месяц после попытки поджога иерусалимской мечети Аль-Акса) в Рабате состоялась первая встреча в верхах глав государств и правительств мусульманских стран, инициатором которой выступала Саудовская Аравия. Сообщество мусульманских стран, объединенных единой структурой – Организацией Исламская конференция (ОИК), начинало обретать реальные очертания. Резиденция этой организации располагалась в Джидде (вплоть до «освобождения» Иерусалима), а сама ОИК поддерживалась значительными финансовыми вливаниями Саудовской Аравии¹³.

В 70-е и 80-е годы основополагающие принципы курса страны продолжали исходить из того, что «любое внешнеполитическое ре-

шение или действие королевства опирается на то, что оно является частью арабской и исламской нации»¹⁴. Это положение статьи (опубликованной в самом начале 80-х годов и постоянно цитируемой в последующих саудовских изданиях) Н.У.Мадани, дипломата, ныне заместителя главы саудовского внешнеполитического ведомства, представляется принципиальным. Оно акцентированно подчеркивало то, что «Королевство занимает ключевое положение в исламском мире, на его территории появился ислам и на его территории находятся обе мусульманские святыни»¹⁵. Эти обстоятельства «обязывают королевство нести знамя призыва к мусульманской солидарности, предпринимая все необходимые меры ради всестороннего укрепления возможностей исламской нации».

Одновременно, «особое место королевства в арабском мире предполагает, что оно твердо стоит на защите общеарабских проблем, прежде всего, палестинской», а «саудовская дипломатия неуклонно действует в направлении сохранения общеарабской солидарности как на Востоке¹⁶, так и на Западе¹⁷ арабского региона». Иными словами, вопрос не был связан только с принципом внешнеполитической деятельности. Речь шла и об определении важнейшего приоритета саудовской политики – арабский и мусульманский мир назывался первоочередной сферой ее интересов.

Вместе с тем, для Н.У.Мадани было очевидно, что саудовская внешняя политика «опирается на морально-этические нормы благородной веры ислама и славного мусульманского наследия»¹⁸. Возникал второй принцип национальной внешнеполитической доктрины. Разумеется, он имел прямое отношение к саудовским контактам со странами арабо-мусульманского ареала. Но цитируемый автор, описывая этот принцип, подчеркивал, что его страна развивает многосторонние отношения и с западным миром. Возникал второй, параллельный и никак не менее важный для королевства приоритет его внешней политики. Мусульманские «морально-этические нормы» были существенны и для этой сферы внешнеполитического действия, где Саудовская Аравия проводит «целенаправленный и умеренный внешнеполитический курс», далекий от того, чтобы «быть двуличным, с одной стороны, а, с другой, тайным, отказываясь от выдвижения пустых, не способных накормить или спасти от голода лозунгов». Этот курс «направлен против заключения секретных соглашений», он «смел, всегда открыт и определен четкими действиями, направленными на осуществление и собственных национальных интересов, и интересов мусульманских и арабских народов, в ряду которых находится и саудовское королевство».

Религиозный «морально-этический» контекст определял для Н.У.Мадани и остальные «принципиальные основы» саудовской внешней политики. В их ряду находилось стремление королевства к «миру во всем мире в качестве основной цели его внешней политики», а так-

же его категорическое неприятие идеи «распространения оружия массового поражения», включая прежде всего его ядерный компонент. Эти же «основы» содержали положение о «справедливости во взаимоотношениях между государствами в сфере политики, экономических связей и общественных контактов», рассматриваемое творцами саудовской внешней политики в качестве «пути к процветанию, благополучию и стабильности в мире».

Для саудовского королевства, по словам Н.У.Мадани, было неприемлемо «использование силы как инструмента осуществления внешнеполитических задач», что вовсе не означало его отказа от «законной самообороны» или «игнорирования военного аспекта» защиты собственных национальных интересов. Тем не менее, «защищающая эти интересы и бдительно стоящая на их охране армия» была необходима Саудовской Аравии не для того, чтобы использовать ее в качестве «орудия нападения или агрессии». Если, подчеркивал цитируемый саудовский автор, «королевство дорожит собственными ценностями, если оно преисполнено веры в свои основополагающие принципы и стремится содействовать их воплощению в жизнь, то его приверженность праву, справедливости, миру и высшим идеалам гуманизма отнюдь не означает, что оно соглашается быть невинной овечкой в мире, где столь велико число кровожадных волков».

Иными словами, в начале 80-х годов «отличительной чертой саудовской внешней политикой» выступало «живое сочетание морали и реализма», когда «реализм» должен соответствовать «национальной традиции» или, иными словами, когда вкладываемое в этот термин содержание могло быть возведено к шариатскому праву или проинтерпретировано на основе коранических текстов и сунны Пророка¹⁹. Взаимодействие с множественностью участников международных отношений, вовсе не ограниченных лишь кругом стран арабо-мусульманского региона, требовало не только того, чтобы во внешнеполитическом курсе «исламского» государства воплощались бы «его идеология и традиционное наследие». Реализуя собственную идеологию, государство было «обязано четко следить и за правилами международной игры»²⁰.

Тем самым, его внешняя политика, «сосредоточенная в первую очередь на реализации собственных национальных интересов», была направлена на то, чтобы обеспечивать «взаимодействие с другими государствами, базирующееся на искреннем взаимоуважении и учете взаимных интересов». В рамках этой концептуальной установки «дружественным становится то государство, намерения которого заслуживают доверия», и, напротив, «враждебным – то, которое недружественно королевству, стремится нанести урон проводимой им политике, прямо или косвенно угрожает целостности его территории или безопасности».

Отсюда вытекал очевидный для страны отказ «следовать в чьем-то фарватере в силу того, что она знает, чего она хочет, демонстри-

рует и требует то, к чему она стремится, подчеркивая тот минимум, которым она не желает поступаться». Одновременно отсюда же вытекало и то, что в Саудовской Аравии называли в то время «точно-стью и взвешенностью» собственной внешнеполитической линии, основывающейся на реалистической оценке «своей силы, своих материальных и человеческих возможностей, включая и имеющиеся природные ресурсы». Иными словами, речь шла о том, что едва ли не важнейшим постулатом саудовского поведения на международной арене выступал принцип «позитивного нейтралитета».

Страна рассматривала себя в качестве части «третьего мира», являлась членом Движения неприсоединения и «провозглашала свою приверженность» принципам Бандунга. И в то же время она не хотела быть «сателлитом одного из двух военно-политических полюсов» в период двухполярной системы международных отношений. Считая, что «противоборство между Советским Союзом и Соединенными Штатами» направлено на то, чтобы включить в орбиту влияния каждой из сверхдержав страны «третьего мира», Саудовская Аравия видела свой долг в том, чтобы «удерживать арабские и мусульманские государства от участия в американо-советском противостоянии». Н.У.Мадани подчеркивал, что целью политики его страны выступает «поддержка полной независимости арабских и мусульманских стран, суть которой заключается в противостоянии вызовам великих держав вне зависимости от того, в какой мере та или иная арабо-мусульманская страна связана с каждой из них».

Но, вместе с тем проблема «живого сочетания морали и реализма» касалась и «уважения королевством международных конвенций и соглашений, а также двусторонних договоров, заключаемых с теми государствами, интересы которых совпадают с саудовскими национальными интересами». В равной мере это положение относилось и к международным организациям и объединениям, членом которых уже в то время являлась Саудовская Аравия. В их ряду Н.У.Мадани называл, ООН, ЛАГ, ОИК и Движение неприсоединения (к моменту публикации его статьи ССАГПЗ еще не был создан, – *авторы*). Действуя в этих организациях, королевство рассматривало в качестве его важнейшей обязанности противодействие «иностранному вмешательству в дела государств третьего мира». Его принципиальное несогласие с какой-либо возможностью такого вмешательства (естественно, что в Саудовской Аравии в 80-е годы в качестве примера такого вмешательства называлось советское присутствие в Афганистане) подтверждалось указанием на то, что «лучшим способом противодействия этому выступает оказание помощи подвергшемуся вмешательству извне государству». Эта помощь не только «усилит способность государства-жертвы вмешательства к сопротивлению, но и обеспечит высокий уровень координации действий и сотрудничества между теми странами, которые, как и это государства, являются частью цивилизационно единого географического региона».

Наконец, в ряду «принципиальных основ» внешней политики саудовского королевства, излагавшихся Н.У.Мадани, присутствовала и экономическая составляющая. Государство, подчеркивал он, провозглашающее, что оно строит «свою хозяйственную систему на сознательно избранном им мусульманском фундаменте», естественно, стремится к тому, чтобы важнейшие элементы этого «фундамента» воплощались и «в его международной экономической политике». Поставленный таким образом вопрос не мог, разумеется, интерпретироваться как последовательное и целенаправленное внедрение религиозных начал в мировую хозяйственную жизнь. Для страны, уже тогда активно участвовавшей в деятельности широкого круга международных финансовых организаций, среди которых – Международный банк реконструкции и развития, а также Международный валютный фонд²¹, такая постанова вопроса выглядела бы не только как неразумная, но и как неприемлемая.

Тем не менее, творцы саудовской внешней политики полагали тогда, что мировая экономика все еще далека от действительно «справедливого и свободного взаимодействия» стран и народов.²² Они видели присутствующие в ней «насилие, эксплуатацию и разнообразные формы и проявления шантажа». Поддерживая и принимая участие «во всех международных усилиях, направленных на создание условий для стабилизации основ мировой экономики», саудовское королевство исходило из необходимости «поиска новой конфигурации мирового экономического порядка, способной придать ему большую возможность реализовать справедливость и одновременно обеспечить равенство прав всех государств: как развитых, так и развивающихся». Направленность этого курса была принципиальна, – она предусматривала «созидание динамичных и взвешенных отношений между экономическим ростом и политической стабильностью всех государств и, прежде всего, развивающихся».

3. Запад в контексте саудовских внешнеполитических приоритетов

Итак, арабо-мусульманское направление возникало и сохраняло свое значение в качестве центрального приоритета саудовской внешней политики. Однако, его реализация уже при Ибн Сауде была немыслима без прагматически понимаемых двусторонних контактов между вновь возникшим королевством и немусульманскими странами. Среди них были великие державы времени первого саудовского монарха, а также государства, стремившиеся обрести этот статус.

Как А.Х. Ас-Суэйг, так и последующие саудовские авторы подчеркивают неизбежность контактов Ибн Сауда с Великобританией. Эти контакты вытекали прежде всего из необходимости демаркации границ между королевством, с одной стороны, и его соседями – государствами Залива, Ираком и Трансиорданией (бывшими в 20–30 годы

английскими подмандатными территориями или протекторатами). По сути дела, это и было содержанием того курса, который А.Х. Ас-Суэйг называл «созданием пояса дружественных государств по периметру границ королевства»²³. В период между двумя мировыми войнами это направление в деятельности основателя нынешнего саудовского государства в силу международного статуса соседей его страны могло быть успешным только при доброжелательном посредничестве Великобритании, в признании со стороны которой жизненно нуждался и сам Ибн Сауд. В 1926 г. государство Ибн Сауда и Великобритания обменялись дипломатическими миссиями²⁴. Во многом те же обстоятельства, когда речь шла об установлении связей с политическими лидерами Сирии и Ливана (в 20–30-е годы территории под французским мандатным управлением), заставляли первого саудовского монарха искать пути сотрудничества с Францией, с которой в 1931 г. им был подписан договор о дружбе.

Саудовские издания дают немало оснований считать, что установление отношений между саудовским государством и Францией было продиктовано стремлением Ибн Сауда найти противовес ведущей роли Великобритании в ближневосточном регионе в 20–30-е годы. Этому, несомненно, содействовали также и начавшиеся в то время контакты между саудовским монархом, с одной стороны, и Советским Союзом (ставшим в 1926 г. первым государством, официально признавшим его статус короля Хиджаза, султана Неджда и присоединенных территорий²⁵), Италией и Германией, с другой.²⁶ Однако кратковременность и ограниченность этих ранних связей была очевидна.

Саудовско-советские отношения были прерваны (по сути дела, по инициативе советской стороны) в 1938 г. Саудовско-германские же отношения, начало которым было положено договором о дружбе и на основе которого десять лет спустя обе стороны обменялись официальными дипломатическими миссиями, были разорваны Ибн Саудом в самом конце Второй мировой войны. Саудовско-итальянские консульские связи, установленные в 1932 г., наиболее яркой страницей которых был официальный визит в 1935 г. принца Фейсала ибн Абдель Азиза в Рим и его встреча с Муссолини, во время Второй мировой войны также оказывались замороженными. В конечном итоге, отношения с этими тремя странами, в то время предпринимавшими шаги для активизации своей роли на Ближнем Востоке, были нужны Ибн Сауду, по словам саудовского исследователя, только для того, чтобы «облегчить свободу внешнеполитического маневра» собственной страны. Но в любом случае советские, германские или итальянские возможности «оказались недостаточными для устранения всеобъемлющего регионального влияния Великобритании»²⁷. По сути дела, речь шла о том, что выходивший на международную арену саудовский монарх действовал методом «проб и ошибок».

Сегодняшние саудовские исследователи считают, что реальным и действительно эффективным противовесом региональному влиянию Великобритании стали лишь саудовско-американские отношения. По мнению профессора политологии Института дипломатических исследований саудовского Министерства иностранных дел А.С. Аш-Шамлана, эти отношения выступали в качестве «наиболее раннего примера практики международных и дипломатических связей, итогом которых стало создание **в то время эквивалентных отношений** (выделено в тексте *авторами*) между великой державой и государством регионального значения, разрушивших тем самым традиционную систему гегемонии великих держав над малыми странами. Саудовско-американские отношения, – продолжал он, – представляют собой тот тип взаимодействия между великой державой (Соединенными Штатами), имеющей все более широкие интересы в мире, и другой стороной (королевством), когда эта сторона, играющая роль региональной силы, пользуется в рамках этого взаимодействия полной свободой действия с самого момента установления между ними двусторонних связей»²⁸. Разумеется, речь идет о конечном выводе из всей истории отношений между двумя странами (коллективная монография, содержащая цитируемый раздел вышла в свет в 2001 г.), в рамках которых цитируемый саудовский исследователь выделял исходное направление, на основе которого в дальнейшем выросли многосторонние саудовско-американские контакты. Этим направлением была нефть.

В 1933 г. американская компания Standard Oil of California, несмотря на жесткую конкуренцию английских монополий, получила концессию на разработку нефти на территории саудовского государства. Комментируя это событие, А.С.Аш-Шамлан подчеркивал: «Конечно же, то, что королевство было единственным независимым государством региона, стало решающим фактором, содействовавшим тому, что конкуренция между компаниями, стремившимися получить концессию, происходила исключительно на коммерческой основе. Американская компания смогла получить контракт, выполнение которого в последующие годы показало, что разработка нефти представляет собой важнейшую сферу американских интересов в регионе без какого-либо вмешательства со стороны правительства Соединенных Штатов и в условиях, когда это правительство не имело с королевством дипломатических отношений. Однако, – продолжал он, – получение концессии создало основу для позитивных отношений между двумя странами, проложивших в дальнейшем путь к постоянно расширявшимся двусторонним связям в политической сфере»²⁹. Это важное замечание, подтверждаемое цитируемым автором ссылкой на заявление Ибн Сауда того времени: «Американские компании во многом независимы от собственного правительства. Соединенные Штаты далеки от арабских стран. В отличие от европейских стран у Америки нет политических целей».

Современному саудовскому исследователю, конечно же, известно, что в начале 30-х годов американская администрация делала только первые шаги, направленные на преодоление проводившейся ею ранее политики изоляционизма. Тем не менее, предпринятая в сентябре 1929 г. (и оказавшаяся неудачной) попытка саудовского монарха добиться установления дипломатических отношений с Соединенными Штатами оценивается сегодня саудовскими политологами как доказательство преднамеренного нежелания этой страны участвовать в «международных противоречиях ради развития собственного и идентичного европейскому влияния в регионе».

Установление в 1935 г. консульских отношений между Саудовской Аравией и Соединенными Штатами становилось итогом все более расширявшейся американской нефтяной деятельности на территории королевства. В свою очередь, создание в 1942 г. на основе консульства в Джидде дипломатической миссии США расширяло сферу саудовско-американского взаимодействия. Отныне она включала не только эксплуатацию запасов саудовских энергоносителей, но и, соответственно, технические и гуманитарные контакты между обеими странами, расширению которых содействовала трансформация деятельности Standard Oil of California, превратившейся в Arabian-American Company – ARAMCO, и распространение на королевство программ американской внешнеэкономической помощи.

Тем не менее, все это не означало, по мнению А.С. Аш-Шамлана, какого-либо сужения сферы самостоятельного внешнеполитического действия саудовского королевства: «Хотя в экономическом и техническом отношении деятельность АРАМКО на территории королевства была успешна, ее дальнейшее пребывание там полностью определялось желанием короля Абдель Азиза и его самостоятельными внешнеполитическими устремлениями. Это обстоятельство заставляло АРАМКО проводить курс активного давления на государственный департамент Соединенных Штатов в интересах установления двусторонних дипломатических отношений и укрепления связей между обеими странами». Иными словами, АРАМКО действовала, считая необходимым «убедить американское правительство в том, что полученная ею концессия представляет собой неотъемлемый элемент американских национальных интересов».

Итогом развития в этом направлении стало провозглашение уже в 1943 г. Аравийского полуострова и Персидского залива зоной «особых интересов» Соединенных Штатов (предполагавшее развитие саудовско-американских двусторонних отношений и в военной области), положительно встреченное Ибн Саудом: «Королевство нуждалось в постоянно увеличивавшихся нефтяных отчислениях и американской технологии, значение которых для страны стало особенно ощутимым в эпоху начала модернизации, когда процесс ее объединения был завершен, а стабильность обеспечена». В феврале 1945 г. произошла

личная встреча Ибн Сауда и Т.Рузвельта на борту находившейся в акватории Красного моря яхты американского президента «Quincy». Связываемая обычно с обсуждением руководителями двух стран палестинской проблемы, эта встреча была посвящена всему комплексу вопросов двусторонних отношений и дальнейших перспектив их развития.

Время правления короля Фейсала знаменовало попытку выработать адекватную легитимацию связей саудовского королевства с Западом и, в частности, с США. Вместе с тем, новый (и более широкий взгляд) на окружающий Саудовскую Аравию мир вновь отталкивался от все той же религиозной риторики. Эта риторика возвращала ситуацию, как казалось на первый взгляд, в эпоху, во многом далекую от основ современного миропорядка.

В политических представлениях Фейсала, как и в воззрениях его отца, мусульманское и арабское сообщества занимали центральное положение в мире. Но их ближайшим соседом оказывался мир «людей Писания», соответствовавший государствам Запада – США и странам Западной Европы – самому влиятельному в политическом и военном отношении блоку в системе международных отношений³⁰. Для наследника Ибн Сауда эти государства были «христианскими», их элита следовала заветам одной из богооткровенных религий вне зависимости от того, провозглашала ли она свою приверженность либерализму, демократии или светским идеалам. Более того, провозглашавшаяся одним из этих «христианских» государств – США – «моральная ответственность» в отношении «защиты свободного мира» квалифицировалась саудовским монархом как основополагающее совпадение политических интересов Соединенных Штатов и его державы в силу того, что мусульманское сообщество должно было быть составным элементом «свободного мира».

Наконец, третьим элементом современной Фейсалу системы международных отношений выступал спаянный единством целей блок «сил коммунизма, сионизма и империализма», ставящий своей задачей «разрушение исламской веры» и создание «перманентной угрозы» не только мусульманскому, но и христианскому сообществам. Система международных отношений окрашивалась в традиционные для мусульманской политической мысли оттенки, трансформируясь в «землю мира (*дар ас-салам*)» – арабо-мусульманское сообщество, «землю договора (*дар аль-ахд*)» – западное сообщество (в первую очередь, Соединенные Штаты) с которым возможно и необходимо развитие взаимовыгодного сотрудничества, и, наконец, «землю войны (*дар аль-харб*)» – лагерь безусловных противников мусульман, состоявший, прежде всего, из Советского Союза, его сателлитов и Израиля.

Конечно, эта схема была внутренне противоречивой. Достаточно сослаться, хотя бы на известную ее стороннику – саудовскому монарху советскую позицию в отношении сионизма и, напротив, теплые

отношения Москвы с немалым числом арабо-мусульманских государств, как и на не менее теплые американо-израильские связи. Более того, Фейсалу, конечно же, было прекрасно известно, что, по крайней мере, история Ближнего Востока знала немало примеров деятельности «империалистических сил», источником которых был «свободный христианский мир» Запада. Но его схема, по крайней мере, подспудно снимала эти противоречия. Основанное на солидарности, взаимопомощи и совещательности единство мусульманского мира исключило бы не только возможность успешных действий против него тех, кого саудовский лидер называл «коммунистами» и «сионистами», но и выступала гарантией предупреждения «империалистических» устремлений Запада.

Более того, Запад отнюдь не был частью «дома мира», в том числе и потому, что он оставался «христианским», местом исповедания уже превзойденной в мусульманском мире религиозной доктрины. Контакты с ним были «условны», определяясь положениями заключавшихся с ним договоров. Он был нужен как источник современных технологий и капиталов, как рынок сбыта нефти. Но, иными словами, в силу этого обстоятельства «дом мира», в пределах которого Саудовская Аравия начинала рассматривать себя в качестве важнейшего центра притяжения для своих единоверцев, и «дом договора», где такую же роль играли Соединенные Штаты, становились взаимозависимыми. Вместе с тем, эта схема международных отношений предполагала для саудовского королевства возможность действия, направленного на решение собственных задач в пространстве арабо-мусульманского мира в двух взаимосвязанных направлениях.

Во-первых, эпоха «холодной войны», стала, по замечанию саудовского исследователя, «золотым веком стратегического сотрудничества между королевством и Соединенными Штатами». Выше уже говорилось, что саудовская оценка этого сотрудничества исходила из того, что в контексте международных отношений послевоенного времени они были «эквивалентными», в наилучшей степени отвечая возможностям взаимодействия между великой державой и региональным «центром силы». Это взаимодействие должно было содействовать, в первую очередь, обеспечению саудовской национальной безопасности. Это предполагало, что оно направлено «против попыток Советского Союза и его сателлитов установить господство над регионом»³¹.

В свою очередь, провозглашение Соединенными Штатами после окончания Второй мировой войны «нефтяного региона Ближнего Востока зоной своих стратегических интересов» предполагало, что «Америка будет противостоять распространению там коммунистического влияния. Королевство же стремилось к реализации идентичной цели». Американские действия, продолжал все тот же автор, «определялись логикой “холодной войны”, в силу которой развитие отно-

шений с королевством рассматривалось американцами в качестве жизненно важного интереса Соединенных Штатов». И напротив, «укреплявшиеся отношения с Америкой заставляли в то время королевство видеть себя стратегическим союзником американской политики, направленной на недопущение советской экспансии в арабском регионе и мусульманском мире», развивать с Соединенными Штатами «отношения стратегического партнерства».

Но, становясь стратегическим партнером Соединенных Штатов в определенную историческую эпоху развития мира, Саудовская Аравия в полной мере сохраняла свободу внешнеполитического маневра, ни в коей мере не превращаясь в американского сателлита. Эта свобода обеспечивалась, в частности, тем, что, пользуясь выражением исследователя саудовско-американских связей, «Эр-Рияд не нуждался в финансовой помощи, что создавало иммунитет, необходимый для принятия им независимого политического решения»³². Иными словами, саудовско-американские связи действительно оказывались «стратегическими» и могли, если этого требовали собственные саудовские интересы, вызывать серьезные трения и противоречия во взаимоотношениях между обеими странами даже в ситуации «холодной войны», которая, казалось бы, предполагала нерушимость и совместного видения мира, и совместных действий. Это относилось и к курсу Саудовской Аравии, направленному на диверсификацию источников вооружения для своей армии, и к категорическому неприятию (вплоть до иракской агрессии против Кувейта) «настойчивого американского желания разместить в регионе иностранные вооруженные силы»³³.

Во-вторых, связи с Западом уже в эпоху правления короля Фейсала имели тенденцию к постепенному дифференцированию и последовательной диверсификации. Прерванные в 1956 г. (предлогом для этого стала англо-франко-израильская интервенция против Египта, где «революционное руководство» Г.А.Насера национализировало Суэцкий канал) отношения с Великобританией и Францией были восстановлены в 1963 г.³⁴ Развитие саудовско-французских связей стало еще более активным, когда после арабо-израильской войны в июне 1967 г. правительство генерала де Голля приняло «мужественное» решение о прекращении поставок оружия Израилю. Состоявшийся в том же году официальный визит короля Фейсала в Лондон и Париж содействовал возобновлению широкого торгово-экономического и военно-технического обмена, а также контактов в сфере политики и культуры между саудовским государством и этими двумя европейскими странами. В равной мере это относилось и к Федеративной Республике Германии, с которой в 1957 г. Саудовская Аравия восстановила прерванные незадолго до окончания второй мировой войны дипломатические отношения.

Развитие контактов с ведущими европейскими державами постоянно оправдывается в работах саудовских исследователей ссылками

на «изменение их подходов к вопросам арабо-израильского противостояния». По словам специалиста по саудовско-европейским отношениям из Института дипломатических исследований саудовского МИД М.Х. Аль-Авейди, арабо-израильская война в июне 1967 г. и «занятая в ходе нее королевством подлинно национальная позиция поддержки прав арабов определила действия короля Фейсала, направленные на оказание мощного давления на государства, влияющие на развитие конфликта (арабо-израильского, – *авторы*), в интересах ликвидации последствий агрессии и вывода израильской армии с оккупированных ею арабских территорий»³⁵.

При этом уже в начале 70-х годов анализ отношений с Соединенными Штатами в саудовских работах во все большей мере сопровождался указаниями на то, что тесные отношения с этой державой отнюдь не привели к переменам в «односторонней» американской ориентации на поддержку еврейского государства и «игнорировании» палестинских интересов. Разумеется, критика американской позиции ни в коей мере не предполагала призывов к пересмотру отношений с ведущей державой западного мира. Тем не менее, она начинала включать в список высказываемых этой стране претензий мысли о «недостаточном понимании» американскими политиками сути религиозных основ саудовского государственного устройства, как и сложившейся в стране социально-экономической системы. Речь шла также и о «недооценке» Соединенными Штатами «цивилизационных различий» между арабским миром (Саудовской Аравией, в первую очередь) и миром Запада»³⁶.

Едва начавшиеся высказываться в то время претензии к Соединенным Штатам не скрывали главного. В сентябре 1960 г. при активном участии Саудовской Аравии была создана Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК). Основной целью этой организации провозглашались «координация и унификация нефтяной промышленности стран-участниц и определение ими наилучших способов защиты своих национальных или коллективных интересов»³⁷. С точки зрения саудовского политолога Ф.Аль-Фарси, выражающего официальный саудовский взгляд на проблему, «глобальное воздействие Организации стран-экспортеров нефти отчетливо проявило себя в ходе и после окончания войны месяца рамадана 1973 г. (арабо-израильской войны в октябре 1973 г., – *авторы*), когда арабские нефтепроизводящие страны взяли курс на постепенное снижение поставок нефти в страны Запада ..., целью которого выступало достижение мирного и справедливого решения ближневосточного конфликта. Однако, решение президента Никсона оказать военную помощь Израилю ... заставило арабские нефтепроизводящие страны ввести полное нефтяное эмбарго в отношении Соединенных Штатов»³⁸. Речь шла о движении Саудовской Аравии к корректировке принципиальных основ американского направления своей внешней политики. Дальнейшее развитие событий было во многом предсказуемо.

«Начиная с 1973 г., – отмечал исследователь саудовской внешней политики, – соотношение сил изменилось в пользу нефтедобывающих государств. Действия ОПЕК, направленные на ограничение роли нефтяных компаний в сфере ценообразования и количества добываемой нефти, позволили странам-экспортерам проводить политику или национализации, или соучастия в деятельности нефтяных компаний, когда государство последовательно увеличивало свою долю в собственности и управлении нефтяными компаниями». Саудовская Аравия избрала вторую линию поведения. Договор с АРАМКО позволил ей уже в 1973 г. стать собственником 25% активов этой монополии. В 1980 г. саудовское государство окончательно стало ее владельцем, в дальнейшем же (1988 г.) на месте прежней АРАМКО возникла национальная Саудовская Арабская нефтяная компания³⁹.

По словам М.Х. Аль-Авейди⁴⁰, в этих условиях «значительный рост цен на нефть означал беспрецедентное ранее увеличение доли валютных поступлений в бюджеты стран Залива, среди которых было и Королевство». Из этого обстоятельства вытекало не только стремление его лидеров к диверсификации источников современной технологии и вооружения, но и не менее существенные политические запросы. Складывавшиеся в 70 и 80-е годы «особые» отношения Саудовской Аравии с ведущими европейскими державами позволяли «королевству, не колеблясь, использовать их в интересах решения проблем арабского и исламского мира, оказывать давление на эти державы с тем, чтобы высказывавшиеся ими намерения претворялись в эффективные позиции, вносящие свой вклад в укрепление уз дружбы между ними и арабскими странами, в целом, и королевством, в частности». Но в равной мере речь шла и о давлении на США. При этом отношения с европейскими странами были одним из методов этого давления, которым Саудовская Аравия, в частности, в области поставок вооружения, успешно пользовалась.

4. Саудовская внешняя политика: эпоха изменений в стране и мире

В какой мере события начала 90-х годов – кувейтский кризис и распад Советского Союза – корректировали «принципы и нормы» внешней политики Саудовской Аравии? Этот вопрос, конечно же, не может ограничиваться его стилистическим или терминологическим аспектом, когда из провозглашаемых доктринальных установок постепенно и естественно исчезали, например, упоминания о (рухнувшем) двуполярном миропорядке. Обращение к наиболее важным саудовским текстам конца XX и начала первого десятилетия XXI вв. может дать действительно содержательный ответ на этот вопрос. Исследование А.Х.Ас-Суэйга, связывающего этот период с личностью саудовского короля Фахда, вступившего на пре-

стол в 1982 г., – одно из них. Новая эпоха вносила в уже, казалось бы, устоявшееся миропонимание саудовских монархов и основанный на этом миропонимании внешнеполитический курс, включая и его религиозную легитимацию, существенные коррективы⁴¹. Тому было немало причин.

Король Фахд унаследовал от времени своих предшественников последствия мощных вызовов, бросавшихся королевской власти, как и всей политической системе страны со стороны внутренней оппозиции. Речь шла не только о нестабильности в населенной преимущественно шиитами Восточной провинции, но, прежде всего, о попытках формирования блока сил, действовавших под традиционными для официальной саудовской идеологии религиозными лозунгами. Захват Главной мечети в Мекке в 1979 г. был, пожалуй, наиболее ярким, но вовсе не единственным проявлением деятельности местных исламских группировок. Их становление можно рассматривать как итог ускоренной модернизации, порождавшей в саудовском обществе беспрецедентную социальную мобильность⁴². Вместе с тем, эти группировки явились в какой-то степени порождением внешней политики самого саудовского государства, в частности, его позиции по афганскому вопросу. Возникла действительно парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что живущий по шариатским законам социум вызвал к жизни, казалось бы, немыслимое для него явление – «неофундаменталистский» ислам. По мнению известного израильского исследователя саудовской проблематики М.Абира, сторонников «неофундаментализма» возглавляли представители новой группы из страты местных теологов-законоучителей, которые были не только молоды, но и лучше образованы, часто являясь профессорами исламских университетов саудовского королевства.⁴³

Саудовская контрэлита апеллировала к традиционной для «правящего класса» страны религиозной речи, жестко радикализируя эту речь и обвиняя как королевский режим, так и тесно связанную с ним и призванную быть контрбалансом его начинаниям страту улемов в отходе от «чистоты» исламского вероучения, коррупции, nepотизме и проведении отвечающего интересам Запада внутреннего и внешнего курса. Действия саудовских соседей – одним из них был постшахский Иран – вносили весомую лепту в процессы дестабилизации обстановки в королевстве. Противодействие этому стало приоритетной задачей Фахда.

Конец 70–80-х годов стал также эпохой все большей нестабильности в пределах Ближнего и Среднего Востока, рассматривавшихся Саудовской Аравией в качестве зоны ее непосредственных внешнеполитических интересов. Советское военное вмешательство во внутренние дела Афганистана создавало, по мнению саудовской политической элиты, прецедент коренного изменения соотношения сил в региональном масштабе. Граждан-

ская война в Ливане, одной из активных сторон которой выступала Организация освобождения Палестины (ООП), и вмешательство в нее Израиля, стремившегося тем самым найти решение проблем безопасности своих северных границ, создавали угрозу вспышки новой арабо-израильской войны. В дальнейшем же, уже в начале 90 годов, иракская агрессия против Кувейта (в ходе которой С.Хусейн обвинял саудовский режим в отходе от принципов ислама и следовании в фарватере США) несла в себе уже прямую угрозу внешней безопасности Саудовской Аравии.

Определение Фахдом внешнеполитических задач страны должно было учитывать как реалии внутренней ситуации в Саудовской Аравии, так и резкое возрастание уровня конфликтности в прилегающих к ее территории регионах. Обращаясь в 1982 г. к нации, Фахд подчеркивал, что королевство – «одно из государств исламской нации. Оно часть этих государств и действует в их интересах. Оно было создано, чтобы нести знамя призыва к Господу, а Господь оказал ему честь, поместив на его территории дом Своей молитвы и мечеть Своего пророка. Круг обязанностей королевства стал шире, его политика стала особой. Выполняя на международной арене возложенные на нее обязанности, эта политика воплощает то, что повелел Господь, призывая идти по определенному Им пути мудрости и благородных деяний».

В этой связи, было естественно, что, определяя приоритеты национальной внешней политики, саудовский монарх говорил, прежде всего, об арабском мире: «Мы действуем, в первую очередь, в рамках ЛАГ, где мы сотрудничаем с нашими арабскими братьями в интересах общеарабского единства слова и дела. ... Вместе с тем, Господь помог нам создать вместе с нашими братьями в Заливе и в рамках ЛАГ сильное и эффективное поле деятельности. Это Совет сотрудничества, призванный стать образцом того, каким должно быть взаимодействие между всеми арабами».

Вторым приоритетом внешнеполитического курса Фахд провозглашал исламский мир: «Из нашей страны раздался призыв к исламской солидарности. Благодаря решимости лидеров мусульман мы смогли создать Исламскую конференцию и ее институты. В ее рамках мы ведем нашу деятельность в мире ислама, и для нас этот мир не менее важен и принципиален, чем мир арабской нации. Ислам – наша сила, а мусульмане – наша опора и наш стратегический тыл».

Наконец, третьим направлением саудовской внешней политики становилось международное сообщество: «Во всеобъемлющем мире мы действуем в рамках Организации Объединенных Наций. Мы заявляем о нашей приверженности ее Уставу и выступаем против любых попыток ослабить ООН и преуменьшить силу международного права, противопоставив ему силу оружия и язык террора. Мы принадлежим к единой семье мирового сообщества, как бы ни различались интересы

членов этой семьи. Мы верим в принципы мира, основанного на праве и справедливости. Мы считаем, что международная безопасность и политическая стабильность неразрывно связаны и вытекают из экономической справедливости»⁴⁴.

20 мая 1981 годов было официально объявлено о создании Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), региональной организации, объединившей в своих рядах Саудовскую Аравию, Кувейт, Катар, Бахрейн, Государство Объединенных Арабских Эмиратов и Оман⁴⁵.

С конца 70-х годов в центре внимания саудовской внешней политики оказался Афганистан (в 1979 г. на территорию этой страны были введены советские войска). Для королевства речь шла о том, что «советская оккупация была направлена против исламского характера и цивилизационной идентичности мусульманского афганского народа». Это означало, что Саудовская Аравия предпримет все необходимые меры (включая и значительную финансовую помощь) ради ликвидации советского военного присутствия в Афганистане и поддержки движения *моджахедов*. Если, как отмечало саудовское издание, «мусульмане всего мира считают Королевство Саудовская Аравия центром влияния, мыслящим разумом и трепещущим сердцем исламской нации», то руководство этого государства «должно было поднять знамя борьбы за веру, открыть свои двери афганским мусульманским отрядам, объявить о своей полной поддержке моджахедов и подтвердить, что война за веру является лучшим способом защитить права афганского народа и сохранить его единство и основы бытия». В итоге была достигнута «одна из самых значительных побед исламской нации, когда вторая по своему значению военная сила мира была вынуждена отступить, несмотря на то, что она располагала значительным количеством оружия и боевой техники»⁴⁶. Речь шла, естественно, о Советском Союзе.

Конечно же, саудовское королевство выступало в 80-е годы в качестве стороны, активно поддерживавшей палестинцев в их противостоянии Израилю⁴⁷. Но Саудовская Аравия активно участвовала в урегулировании внутриливанского конфликта (23 октября 1989 г. в саудовском Таифе противоборствующими сторонами было подписано соглашение по ливанскому вопросу), она поддерживала турок-киприотов, мусульманское меньшинство на Филиппинах. Не менее существенна и роль саудовского королевства в поддержке движения за отделение Эритреи от Эфиопии. В каждом из этих случаев речь, в конечном итоге, шла о создании ею образа защитника интересов мусульманских меньшинств. Наконец, уже в 90-е годы и позже Саудовская Аравия стала одним из инициаторов поддержки и оказания многообразной помощи (включая, ее политический и финансовый аспект) боснийским мусульманам, косовским албанцам и чеченскому ирредентизму в России⁴⁸.

5. Россия:

новое направление саудовской внешней политики

Оценивая Советский Союз после 1985 г. (время провозглашенной М.С.Горбачевым гласности и перестройки), один из уже цитировавшихся саудовских авторов отмечал: «Королевство Саудовская Аравия основано на положениях Ислама, а его глава является Хранителем мусульманских святынь. Уже в силу этого обстоятельства оно является категорическим противником атеистической и материалистической философии марксистских государств. Антипатия к ним включает также сферу политики и экономики». Однако, продолжал он далее, «более либеральная политика, реализуемая в Советском Союзе президентом Горбачевым, и, особенно, начало вывода советских войск из Афганистана, определили потепление в саудовско-советских отношениях. Однако, их дальнейшее развитие в огромной степени зависит от того, насколько последовательно Советский Союз будет развивать программу либерализации, и от позиции, которую его руководство займет в отношении значительного мусульманского населения собственной страны»⁴⁹.

Слова Ф. Аль-Фарси являлись, по сути дела, концентрированным выражением идей «правлящего класса» его страны, которые в течение длительного времени (формально с 1938 г., когда в Москву из Джидды были отозваны сотрудники советской дипломатической миссии) определяли саудовскую политику в отношении одной из ведущих мировых держав того времени. Но в равной мере эти же категоричные слова (как, разумеется, и идеи саудовской политической элиты) оказывались обычным оборотом речи, с помощью которого саудовский политолог действительно резюмировал суть курса своей страны в отношении Советского Союза. Сравнение высказываний Ф.Аль-Фарси и других саудовских текстов может стать подтверждением этого вывода. Ограничимся только некоторыми из них.

Раздел «Саудовско-европейские отношения» опубликованной в 2001 г. монографии «Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет» включает анализ двусторонних отношений Саудовской Аравии, в том числе, и с Советским Союзом/Россией, выделяя эту страну в качестве одного из основных европейских партнеров саудовского государства. При этом некоторые положения автора этого раздела М.Х.Аль-Авейди достойны того, чтобы быть процитированы достаточно подробно.

Из них, в частности, вытекает, что, устанавливая в 1926 г. дипломатические связи с Советским Союзом, Ибн Сауд высоко ценил «осуществленное большевиками обнародование заключенных царем с Великобританией и Францией тайных империалистических договоров (речь идет, прежде всего, о соглашении Сайкс-Пико, – *авторы*), определявших долю добычи каждого из них в пределах территории Османского государства»⁵⁰. Разумеется, отмечает автор этого разде-

ла, что советские руководители стремились тем самым добиться симпатии «арабских лидеров» того времени, «самым ярким среди которых был король Абдель Азиз». Однако Ибн Сауд, «не колеблясь, использовал международные противоречия с тем, чтобы построить собственный мир», тем более, что Советский Союз был первым государством, официально признавшим включение Хиджаза в состав саудовского государства⁵¹.

В конце 20-х – начале 30 годов основатель нынешнего саудовского королевства не менее решительно и целенаправленно «разыгрывал русскую карту против англо-американских нефтяных компаний, позволив ввозить русские товары на рынки Джидды и продемонстрировав тем самым что есть альтернатива их давлению». В свою очередь, как отмечает все тот же саудовский автор, «отправив Фейсала в Москву» (визит состоялся в мае-июне 1932 г., – *авторы*), он «смог добиться от Великобритании определенных политических уступок»⁵².

Комментируя саудовско-советские отношения с 1938 по 1990 г., М.Х.Аль-Авейди отмечал: «Хотя саудовское руководство высоко ценило позитивную позицию Советского Союза в отношении некоторых арабских проблем, оно, вместе с тем, подчеркивало необходимость преодоления противоречивости его политики в отношении (арабо-мусульманского, – *авторы*) региона, выражавшейся, прежде всего, в советском вмешательстве в дела исламского государства Афганистан. Иными словами, отношения между королевством и Советским Союзом определялись степенью понимания советским руководством арабо-мусульманских проблем. ... Восстановление же отношений между королевством и Российской Федерацией открыло новую страницу конструктивных и плодотворных связей между обеими странами в эпоху, когда королевство возглавил Хранитель двух Благородных Святых король Фахд ибн Абдель Азиз»⁵³.

Речь вовсе не шла, таким образом, об инстинктивном неприятии саудовской стороной идейных основ легитимации советского государства и определявшейся ими его внешней политики. Религиозные убеждения Ибн Сауда отнюдь не мешали ему развивать отношения с государством, где, по крайней мере, уже в момент официального визита туда его сына – Фейсала кампания атеизации, распространявшаяся, в том числе и на советских мусульман, была очевидным фактом. Более того, вовсе не саудовскому монарху принадлежала инициатива закрытия советского представительства в Джидде. В свою очередь, исследования самих саудовских авторов позволяют сегодня представить их реальные контуры значительно более объективно, чем это было возможно раньше.

Опираясь на значительный корпус советских/российских и саудовских документов, первый саудовский исследователь вопросов саудовско-советских и саудовско-российских отношений А.М.А.Аш-Шахри приходил к выводу о том, что «саудовско-советские отношения

никогда не были полностью «заморожены», имея в виду даже сталинскую эпоху»⁵⁴. Напротив, в течение всего времени 1940–1980 гг. в контексте связей между обеими странами не раз возникали очевидные тенденции к «потеплению», когда и в Москве, и в Эр-Рияде предпринимались попытки разблокирования ситуации отсутствия прямых дипломатических контактов.

Это относилось, по крайней мере, ко времени после окончания Второй мировой войны (1946 г.), эпохи, связанной в Советском Союзе со временем «либеральной оттепели» Н.С.Хрущева (1954 г.), и, наконец, после смерти короля Фейсала (1975 г.) и завершения вывода вооруженных сил Великобритании из зоны «к востоку от Суэца»⁵⁵. При этом для А.М.А.Аш-Шахри очевидно, что причиной безуспешности этих попыток становились действия Советского Союза, направленные на радикальное изменение соотношения сил, сложившегося в регионе, окружающем Саудовскую Аравию, а также (в определенном отношении) и внутри этой страны. И с ним, если оценивать развитие региональных событий недавнего прошлого, опираясь на саудовскую точку зрения, нельзя не согласиться. Примеры этих действий многочисленны, и они на самом деле противоречили саудовским интересам.

Едва ли не первым среди них была открытая советская поддержка создания в Палестине еврейского государства. Она шла вразрез с теми способами урегулирования палестинской проблемы (широкая автономия *ишува*⁵⁶ в пределах территориально единого и независимого арабо-палестинского государства), которые выдвигались Ибн Саудом.⁵⁷ В дальнейшем же, после прихода к власти в Египте Г.А.Насера и баасистов в Сирии и Ираке развитие многосторонних контактов между Советским Союзом и сторонниками идеи панарабского национализма ставило естественные пределы всем попыткам саудовского королевства играть лидирующую роль в региональном масштабе арабского мира. Начавшееся после антимонархического переворота 1962 г. в Северном Йемене (когда Советский Союз выступил на стороне республиканцев) активное советское проникновение в зону жизненных интересов Саудовской Аравии, продолжившееся после 1967 г. на основе тесного взаимодействия со все более радикализировавшимся (и, в конечном итоге, провозгласившим приверженность марксистской идеологии) режимом в Южном Йемене создавало, по мнению саудовского «правящего класса», реальную опасность стабильности и безопасности на Аравийском полуострове и в Персидском заливе.

Более того, этот «класс» считал, оценивая последующее развитие ситуации в странах Африканского рога, где возникали «марксистские» Эфиопия и Сомали, что в непосредственной близости от саудовского государства создается «пояс советских сателлитов», а само оно все более окружается советскими военными базами. Естественным ответом королевства на действия Советского Союза были ди-

пломатические шаги, направленные «на сплочение исламских государств», а «инструментом этих действий – следование по пути укрепления исламских ценностей и борьба с ближневосточными сторонниками Советского Союза с помощью обращения к морали и этике ислама»⁵⁸. «Адекватный», по словам А.М.А.Аш-Шахри, «саудовский ответ на действия Советского Союза в регионе» воплощался «в полном личном неприятии королем Фейсалом социализма и коммунизма, в его убежденности в том, что существует опасность “сионистско-коммунистического заговора” против королевства. А безраздельное господство короля в стране не оставляло Москве сколько-либо серьезных надежд на улучшение отношений с Королевством Саудовская Аравия в эпоху его правления»⁵⁹.

Разумеется, *миссии*, носителями которых ощущало себя каждое из двух государств (исламской в случае Саудовской Аравии и коммунистической в случае Советского Союза), играли роль серьезного ограничителя в сфере взаимодействия между ними. Отсюда вытекала, в частности, и резко негативная саудовская оценка (как и основанная на ней практика действия) ввода советских войск в Афганистан. Однако, это не мешало им развивать (хотя и при посредничестве третьих стран), по крайней мере, с 1975 г. ограниченные двусторонние экономические контакты⁶⁰, вовсе не затухавшие и после советского вмешательства во внутриафганский конфликт. Комментируя эти контакты (1975–1986 гг.), Ф.Аль-Фарси отмечал, что «торговля с восточноевропейскими странами по сравнению с Западом и Японией была очень скромной, однако после 1981 г. ее отличал внушительный рост двустороннего импорта и экспорта. Дальнейшее снижение торговли с Восточной Европой обычно связывается с падением нефтяных доходов королевства»⁶¹. Иными словами, речь вновь шла о прагматичности подходов творцов саудовской внешней политики. Они стремились найти адекватные подходы к вопросам реализации национальных интересов страны в условиях двухполюсного мира, когда более значительные обстоятельства развития международных отношений, а не только узкое понимание сути ее региональной миссии мешали нормализации саудовско-советских политических отношений.

Конечно, философия внешнеполитической концепции саудовской монархии, определявшаяся необходимостью сохранения *status quo* в стране и в окружающем королевство региональном пространстве, препятствовала восстановлению связей с Советским Союзом. Саудовский «правлящий класс» сдерживал процесс внутренней мобильности и использовал в интересах этого сдерживания религиозную риторику⁶². При этом он считал, что советская поддержка тех, кто, благодаря вызывавшимся военными переворотами (случай Египта, Сирии или Ирака) или массовыми партизанскими действиями (вариант Южного Йемена) социальными процессами приходил на вершину политической пирамиды в арабском мире, направлена, в конечном итоге,

против самой Саудовской Аравии. Для этого также были основания, включая широкие контакты саудовской оппозиции 50–60 годов с насеровским режимом или последующее (уже в 80-е годы) возникновение местной коммунистической организации, провозглашавшей своей первоочередной задачей «полную ликвидацию абсолютной королевской власти»⁶³. Тем не менее, отношения между обеими странами остались неурегулированными, а ввод советских войск в Афганистан лишил обе стороны сколько-нибудь ощутимой возможности достижения взаимопонимания.

Саудовская позиция в отношении Советского Союза в связи с афганской проблемой была, тем не менее, лишь в определенной мере выражением *миссионерской* философии внешнеполитической концепции этой страны, распространяемой ее политической элитой на всю совокупность международных связей государства, включая и страны Запада. Для саудовских исследователей непреложным фактом всегда выступало существование «непреодолимой “красной черты” независимости политического решения королевства»⁶⁴, если речь идет о сути роли страны в арабо-мусульманском мире. Ссылки на эту «черту» постоянны и в отношении саудовско-американского взаимодействия, в частности, в том, что касается палестинской проблемы. Но, разумеется, методы ее акцентирования⁶⁵ применительно к стратегическому союзнику должны были отличаться от манеры обращения к союзнику «материалистических атеистов» и «оккупанту мусульманской страны».

А.М.А. Аш-Шахри подчеркивал, что основной целью «Эр-Рияда в контексте улучшения отношений с Москвой было стремление добиться равновесия и диверсификации своих внешнеполитических связей». Но речь шла также и о желании Саудовской Аравии «установить каналы прямых контактов с мусульманскими меньшинствами Кавказа, Поволжья и Средней Азии», «использовать научно-технический потенциал» советского «военно-промышленного комплекса» и, наконец, «добиться всестороннего сотрудничества между обеими странами в сфере урегулирования региональных конфликтов»⁶⁶. Но могли ли эти цели воплотиться в жизнь, принимая во внимание условия и внутри-советского, и международного развития во время, предшествовавшее эпохе конца 80-х – начала 90-х годов? Ответ на этот вопрос не может не быть отрицательным.

Саудовское руководство было, вне сомнения, прекрасно осведомлено о том, сколь тщетными оставались израильские попытки установить прямые контакты с советским еврейским сообществом в течение всего периода конца 40-х – второй половины 60-х годов. Ему было известно и то, что израильско-советские отношения, в силу позиции Советского Союза по еврейскому вопросу, оставались хрупкими, подвергались серьезным испытаниям, а антиссионистские кампании становились неременным атрибутом внутренней жизни Совет-

ского Союза. Становившиеся же естественными для Саудовской Аравии действия в отношении советских мусульман в случае осуществления ранних попыток «размораживания» саудовско-советских политических контактов определили бы их столь же хрупкий и непредсказуемый характер, превратив эти (конечно же, гипотетические) отношения в аналог связей между Израилем и советской державой. Но в той же мере это могло относиться и к другим направлениям возможного саудовско-советского сотрудничества уже в сфере экономики и внешней политики.

Анализируя саудовско-советские экономические связи в период до «размораживания» дипломатических отношений между обеими странами, А.М.А. Аш-Шахри приходил к выводу о том, что они оказывались слабыми и неустойчивыми прежде всего потому, что каждая из стран исповедовала различные принципы хозяйственной деятельности. Если для Саудовской Аравии речь шла о «политике «открытого рынка»», то для Советского Союза – о курсе «государственного дирижизма»⁶⁷. В свою очередь, в условиях сохранения двухполюсной системы международных отношений и жесткого соперничества двух сверхдержав за господство в ближневосточном регионе, Саудовская Аравия не могла иметь гарантий того, что Советский Союз откажется от попыток расширить сферы своего влияния в зоне Персидского залива и арабо-мусульманского мира.

Иными словами, Саудовская Аравия могла восстановить политические отношения с Советским Союзом лишь при условии, уже упоминавшимся Ф.Аль-Фарси, – «либерализации» этой страны, включая и ее отношение к своим мусульманским гражданам. Это могло произойти только в эпоху, которую А.М.А. Аш-Шахри называл «временем серьезных внутренних перемен в Советском Союзе, когда перестройка и сопровождавшие ее реформы 80-х годов помогли саудовским правящим кругам изменить свой взгляд на политику Советского Союза»⁶⁸. Но, одновременно, восстановление саудовско-советских/российских связей происходило не только в силу внутренних перемен в границах нового внешнеполитического партнера королевства, но и в контексте беспрецедентной трансформации всей системы международных отношений.

Фон, на котором уже более десяти лет развиваются саудовско-российские политические контакты, доказывал, тем не менее, что обе взаимодействующие стороны все еще далеки от того, чтобы считать друг друга действительно важными приоритетами своей внешней политики. Напротив, в процессе этих контактов между ними постоянно возникали «зоны конфликтного взаимодействия» в тех регионах мира (Балканы, Афганистан) или постсоветского геополитического пространства (государства Центральной Азии, Азербайджан), которые обе страны с большим или меньшим основанием рассматривали в качестве сфер своего влияния. Более того, саудовская деятельность в пределах «мусульманских» анклавов России (Чечня становилась

тому наиболее ярким примером⁶⁹), оценивавшаяся российским «политическим классом» как проповедь там «нетрадиционного», или «ваххабитского» ислама, рассматривалась этим «классом» в качестве едва ли не основной угрозы внутрироссийской стабильности и территориальной целостности⁷⁰.

В этой связи, попытки обеих сторон наладить между собой прагматическое сотрудничество в иных сферах взаимодействия неизменно несли на себе оттенок политического противоборства и неприятия.⁷¹ Итогом этой ситуации становилось чрезвычайно медленное и непоследовательное развитие торгово-промышленных контактов между Россией и саудовским королевством⁷². Несмотря на подписанное обеими сторонами еще в 1994 г. Генеральное соглашение, лишь в октябре 2002 г. состоялось первое заседание российско-саудовской межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству⁷³. Однако, при этом обе стороны выражают стремление к укреплению взаимодействия между собой⁷⁴, хотя его возможности все еще ограничены развитием ситуации в регионе российского Северного Кавказа⁷⁵.

¹ Аль-Али Х.И. Мабадиа ва ахдаф ас-сияса аль-хариджийя ас-саудийя. Аль-Мустава аль-халиджий, аль-исламий, ад-дуввалий (Принципы и цели саудовской внешней политики: регион Залива, исламский мир, международное сообщество) // Ас-Сияса аль-хариджийя ли-ль Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийй фи миат амм. (Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет.) Эр-Рияд, 1419 Х. С. 56.

² Ас-Суэйг А.Х. Аль-Ислям фи ас-сийяса аль-хариджийя ас-саудийя (Ислам в саудовской внешней политике). Эр-Рияд, 1992. С. 59.

³ Здесь и далее см.: Мадани Н.У. Аль-Муртаказат аль-асасийя ли сиясат Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийй (Основополагающие принципы политики Королевства Саудовская Аравия) // Ад-Дипломасий. Эр-Рияд, № 1, 1981, С. 67–72.

⁴ Аль-Али Х.И., цит. произв. С. 57.

⁵ Ас-Суэйг А.Х., цит. произв. С. 59.

⁶ Здесь и далее: Ас-Суэйг А.Х., цит. произв. С. 38–50.

⁷ Совсем не случайны, в этой связи, последующие утверждения саудовских политиков и религиозных деятелей, считающих, что «появившиеся в мусульманском мире как в эпоху короля Ибн Сауда, так и в дальнейшем реформаторские движения в той или иной мере испытали на себе влияние этого лидера модернизации и обновления. Он становился для них источником мысли, поведения и действия» // См., в частности: Ат-Турки А.А.-М.Аль-Малик Абдель Азиз ва Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийй. Аль-Минхадж аль-кавим фи аль-фикр ва аль-амаль (Король Абдель Азиз и Королевство Саудовская Аравия. Верный курс в сфере идеи и действия). Б/м, б/г. С. 104–105.

⁸ См. об этом: Алим М.А. Авамилъ бина шахсыйят аль-малик Абдель Азиз ва асаруха аля тавваджухатиhi ас-сиясийя (Факторы становления личности

короля Абдель Азиз и их влияние на его политические пристрастия) // *Ас-Сийяса аль-хариджийя ли-ль Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм.* С. 112–114.

⁹ Здесь и далее: Аль-Мансур М.А. *Ас-Сийяса аль-хариджийя ас-саудийя фи аль-итар аль-арабий.* Ад-Даур ас-саудий ва ахамм аль-авамиль аль-муассира фихи (Саудовская политика в арабском контексте. Саудовская роль и основные, воздействующие на нее факторы) // *Ас-Сийяса аль-хариджийя лиль Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм.* С. 181–187.

¹⁰ Там же. С. 184–185.

¹¹ Оценивая Лигу исламского мира и сообщая о ее деятельности, саудовский автор подчеркивает: «Это всемирная исламская организация, в которой представлены все мусульманские народы. Одной из ее целей выступает распространение исламского призыва и объяснение его принципов и положений, равно как и защита интересов мусульман». Далее он сообщает, что источником 90% поступлений в ее бюджет является саудовское правительство, а также «пожертвования граждан королевства». Работа Лиги сконцентрирована прежде всего в сфере публикации и распространения Корана и комментариев к нему на различных языках мира. Для этого ею были созданы два региональных представительства, – азиатско-тихоокеанское в Джакарте, европейское – в Брюсселе. В Северной Америке Лига действует через свои «местные советы» на территории США. При Лиге создан Фонд поддержки мечетей, бюджет которого составляет 20 млн. сауд. риалов и полностью покрывается саудовским правительством. – Ад-Дарювейш А.Ю.А. *Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя ва аль-амаль аль-игасий (хакаик ва аркам)* (Королевство Саудовская Аравия и деятельность в сфере помощи (факты и цифры). Эр-Рияд, 1420 х. С. 53–54.

¹² Мисак ва низам рабита аль-алям аль-ислямий (Хартия и Устав Лиги исламского мира) в: *Ас-Суэйг А.Х.*, цит. произв. С. 234–240.

¹³ По замечанию А.Х. Ас-Суэйга, «без саудовской материальной и финансовой помощи Организации она не могла бы существовать» // Там же, С. 93.

¹⁴ Здесь и далее: Мадани Н.У., цит. произв.

¹⁵ Города Мекка и Медина.

¹⁶ «Машрик» – в географическом отношении азиатская часть арабского геополитического сообщества, а также Египет и Судан.

¹⁷ «Магриб» – в географическом отношении североафриканские арабские страны – Ливия, Тунис, Алжир, Марокко и Мавритания.

¹⁸ Здесь и далее: Мадани Н.У., цит. произв.

¹⁹ См., в частности, один из, видимо, наиболее ярких образцов шариатской интерпретации одной из важнейших норм международного права – посредничества при решении конфликтных ситуаций – в статье доцента международного права Института дипломатических исследований Министерства иностранных дел Саудовской Аравии: Абу Вафа А.Ат-Тахким ка василя ли халль аль-муназаат ад-дуввалийя би ат-турук ас-сильмийя фи аш-шариат аль-ислямийя. *Маа дирасат ли ма хувва мутаббак фи Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя* (Посредничество как способ решения международных конфликтных ситуаций

мирным путем, а также исследование того, что сделано в этой области в Королевстве Саудовская Аравия) // Дирасат саудийя, Эр-Рияд, № 6, 1992. С. 77–115.

²⁰ Здесь и далее: Мадани Н.У., цит. произв.

²¹ В 1997 г. доля саудовского участия в МБРР составила около 5 млрд. долл., или 3% в совокупном объеме его капитала того времени. Итогом этой ситуации становилось выделенное Саудовской Аравии место в его совете исполнительных директоров. В свою очередь, в 1997 г. саудовское участие в совокупном капитале МВФ, членом исполнительного совета которого является и Саудовская Аравия, составило 9,7 млрд. долл., или 3,3%. – Джухуд Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи ат-танмийя аль-иктисадийя ва аль-иджтимаийя фи ад-дувваль ан-намия (Усилия Королевства Саудовская Аравия, направленные на экономическое и социальное развитие развивающихся стран). Эр-Рияд, 1999, С. 53–54 и 55–60.

²² Здесь и далее: Мадани Н.У., цит. произв.

²³ Ас-Суэйг А.Х., цит. произв. С. 59.

²⁴ Здесь и далее см.: Аль-Авейди М.Х. Илякат Аль-Мамляка биль кывва ад-дуввалийя: аль-иякат ас-саудийя аль-ауруббийя (Отношения Королевства с международными силами: саудовско-европейские отношения). – Ас-Сияса аль-хариджийя ли-ль Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм. С. 315–324.

²⁵ Документы, относящиеся к советской политике в отношении Саудовской Аравии того времени, см. в: Назир Тюрякулов – полпред СССР в Королевстве Саудовская Аравия /письма, дневники, отчеты/ (1928–1935 гг.). М., 2000.

²⁶ Здесь и далее см.: Аль-Авейди М.Х. С. 315–324.

²⁷ Там же. С. 321.

²⁸ Аш-Шамлан А.С. Илякат Аль-Мамляка би-ль кывва ад-дуввалийя: аль-иякат ас-саудийя аль-америкийя (Отношения королевства с международными силами: саудовско-американские отношения). – Ас-Сияса аль-хариджийя ли-ль Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм. С. 328–329.

²⁹ Здесь и далее: Там же. С. 327–346.

³⁰ Здесь и далее: Ас-Суэйг А.Х., цит. произв. С. 46–49.

³¹ Здесь и далее: Аш-Шамлан А.С., цит. произв. С. 346–348.

³² Аш-Шамлан А.С., цит. произв. С. 349.

³³ Там же.

³⁴ Здесь и далее см.: Аль-Авейди М.Х., цит. произв. С. 316–320.

³⁵ Там же. С. 318.

³⁶ Резюме этих идей см. в: Al-Farsy F. Modernity and Tradition. The Saudi Equation. L. – N. – Y., 1990. P. 310–321.

³⁷ The Statute of the Organization of Petroleum Exporting Counties. Art. 2/A. Vienna, 1971. Цит. по: Al-Farsy F. Op. cit. P. 112.

³⁸ Ibid. P. 112–113.

³⁹ См. об этом: Ас-Саляма А.Х. Ас-Сияса ан-нафтыйя ас-саудийя: ракаизуха, дафаиуха ва абадух (Саудовская нефтяная политика: основы, принципы, перспективы). – Ас-Сияса аль-хариджийя ли-ль Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм. С. 627–628.

-
- ⁴⁰ Здесь и далее см.: Аль-Авейди М.Х., цит. произв. С. 317.
- ⁴¹ Здесь и далее см.: Ас-Суэйг А.Х., цит. произв., С. 50–56.
- ⁴² См. об этом, например: Аз-Захрани С.Х. Мушкилят ат-танмийя аль-иджтимаийя фи Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи фатрат ат-тахтыт ат-танмавий фи маджалат ат-тарбийя ва ат-таалим (Проблемы социальной эволюции Королевства Саудовская Аравия в период планового развития системы среднего и высшего образования). Москву (Москва), 2000, С. 127–128 и 141.
- ⁴³ Abir M. Saudi Arabia. Government, Society and the Gulf Crises. L., 1994. P. 181.
- ⁴⁴ Текст обращения короля Фахда см. в: Ад-Дипломасий, Эр-Рияд, № 3, 1983. С. 126–131.
- ⁴⁵ См. главу III монографии.
- ⁴⁶ Там же. С. 150–152.
- ⁴⁷ См. об этом II главу монографии.
- ⁴⁸ См. об этом IV главу монографии.
- ⁴⁹ Al-Farsy F., op.cit. P. 292.
- ⁵⁰ Здесь и далее: Аль-Авейди М.Х., цит. произв. С. 320–322.
- ⁵¹ Здесь и далее: Аль-Авейди М.Х., цит. произв. С. 320–322.
- ⁵² Нынешние саудовские публикации признают, что позиция Ибн Сауда в отношении Советского Союза определялась не только его жестким политическим прагматизмом, но и глубокой личной симпатией, которую он испытывал к первому советскому дипломатическому представителю в саудовском государстве (первоначально в Хиджазе) К. Хакимову. См. об этом, в частности: Ас-Самари Ф.А.-А. Васаик русийя. Мухиммат Карим Хакимов ли мукабалат аль-малик Абдель Азиз асна хисар Джидда 1343 х./1925 м. (Российские документы. Поездка Карима Хакимова для встречи короля Абдель Азиза во время осады Джидды в 1343 г. Х./1925 г. Р.Х.) // Ад-Дара, № 3, Эр-Рияд, 2000. С. 155–164.
- ⁵³ Аль-Авейди М.Х., цит. произв. С. 322.
- ⁵⁴ Аш-Шахри А.М.А., цит. произв. С. 259.
- ⁵⁵ Там же. С. 231.
- ⁵⁶ Еврейское население подмандатной Палестины, а также совокупность созданных им к 1948 г. политических, общественных и хозяйственных институтов и организаций.
- ⁵⁷ См. об этом специальный номер журнала «Ад-Дара», посвященный позиции короля Ибн Сауда и саудовской дипломатической деятельности в связи с палестинской проблемой в конце 30-х первой половине 1940 гг. // Ад-Дара, Эр-Рияд, № 4, 2001.
- ⁵⁸ Аш-Шахри А.М.А., цит. произв. С. 204.
- ⁵⁹ Аш-Шахри А.М.А., цит. произв. С. 250.
- ⁶⁰ См. данные о торговом обороте между Саудовской Аравией и восточно-европейскими «коммунистическими» странами, в том числе и с Советским Союзом, за 1975–1986 гг., в: Al-Farsy F., op. cit. P. 292–293.
- ⁶¹ Ibid. P. 293.

⁶² Подчеркивая важность мусульманских норм регулирования общественной и политической жизни в Саудовской Аравии, принц Фейсал ибн Мишаль Аль Сауд отмечал, что «Королевство Саудовская Аравия переживает сложный этап строительства нации», а еще ранее она проходила «не менее серьезный период формирования политических институтов». Мусульманские ценности были необходимы стране потому, что с их помощью «достигалось равновесие между константами человеческой жизни, определяемыми *шариатом* и влияющими на эту жизнь переменными величинами, порождаемыми человеческим разумом» // Al-Saud Faisal bin Mishal. Islamic Political Development: A Conceptual Analysis. Annandale, United Association for Studies and Research. 2000. P. 34–35.

⁶³ См. об этом: Аль-Барнамадж ва ан-низам ад-дахилий лиль хизб аш-шуйюф фи Ас-Саудийя. Аль-Мудаккак фи аль-муатамар ас-сани (Программа и устав Коммунистической партии Саудовской Аравии. Уточнены на втором съезде). Б/м, 1984. С. 23.

⁶⁴ Выражение А.С. Аш-Шамлана: Аш-Шамлан А.С., цит. произв. С. 356.

⁶⁵ А.С. Аш-Шамлан ссылается, в частности, на одно из выступлений Фейсала, действительно звучавшее крайне резко по отношению к Соединенным Штатам. Король говорил: «Я обращаюсь к американцам как представитель арабов, то есть, как человек, убеждающий их в справедливости нашей проблемы и показывающий им, что они ошибаются, отдаляясь от нас и солидаризируются с нашими противниками. ... Я говорю им, что в том, что касается Израиля, мы будем поддерживать резолюции ООН № 242 и 338. Мы будем защищать палестинцев, потому что защищая их, мы защищаем самую суть арабизма, арабизма не марксистского и атеистического, а исламского. ... На службу этому арабизму я поставлю нефть, а арабизм я поставлю на службу Господу» // Там же. С. 361.

⁶⁶ Аш-Шахри А.М.А., цит. произв. С. 278.

⁶⁷ Там же. С. 264.

⁶⁸ Там же. С. 271.

⁶⁹ Так, российский министр иностранных дел И.С.Иванов подчеркивал в интервью телевизионному каналу «Аль-Джазира»: «Российский президент сказал, что в Саудовской Аравии есть силы и группы, называющие себя фондами или благотворительными организациями, которые нелегально поддерживают деятельность экстремистских террористических организаций, в том числе на территории Российской Федерации». Далее он продолжал: Разве в интересах Саудовской Аравии, чтобы с ее территории какие-то организации финансировали экстремистов-террористов? Думаю, что в интересах Саудовской Аравии, чтобы этого не было». – Стенограмма интервью министра иностранных дел России И.С.Иванова телеканалу «Аль-Джазира», Москва, 25 января 2003 года. – <http://www.In.mid.ru/>

⁷⁰ На академическом уровне эта позиция была выражена, в частности, в: Поляков К.И. Арабские страны и ислам в России. М., 2001.

⁷¹ В отличие, в частности, от саудовско-китайских торгово-экономических связей. Стоит отметить, что уже в 1992 г. Саудовская Аравия и Китай подпи-

сали соглашения о развитии торговых и экономических отношений и взаимном поощрении капиталовложений. К концу 1990 гг. объем товарооборота между обеими странами составил 260 млн. долларов США. А в 2003 г., по заявлению глав Федерации саудовских торгово-промышленных палат, он достигнет 10 млрд. долларов США. – См.: Аль-Мамляка ва Ас-Сын таттафикан аля рафъ хаджм ат-табадуль ат-тиджарий иля 10 мильярат доллар (Королевство и Китай договорились об увеличении объема торгового оборота до 10 млрд. долларов). – Ар-Рияд, 23 января 2003. – <http://www.alriyadh.com.sa/>

⁷² В оценках российских экономических экспертов, опирающихся и на саудовские данные, в 1998 г. объем саудовско-российского товарооборота составил только 125 млн. долларов США. – <http://www.polpred.ru/>

⁷³ Протокол ее заседания см.на сайте российской Торгово-промышленной палаты: <http://www.tpprf.ru/>

⁷⁴ Так, в ходе состоявшегося 8 мая 2003 г. визита в Москву саудовского министра иностранных дел С.Аль-Фейсала он подчеркивал, что «в развитии саудовско-российских отношений заинтересовано политическое руководство обеих стран». Одновременно С.Аль-Фейсал отмечал, что «в той мере, в какой Россия будет стремиться к укреплению отношений с Королевством, она сможет играть более активную роль в деле установления мира и стабильности в регионе Ближнего Востока». – Тавафук саудий русий фи зиярат аль-амир Сауд Аль-Фейсал иля Моску (Саудовско-российское взаимопонимание в ходе визита принца Сауда Аль-Фейсала в Москву). – Айн-аль-Якин, 9 мая 2003. – <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

В свою очередь, официальные российские лица были солидарны с саудовским министром. Они говорили о том, что «российское руководство придает важное значение укреплению отношений с такой влиятельной страной, как Саудовская Аравия». В этом контексте они также подчеркивали, что «вопросам укрепления нашего взаимодействия на международной арене имеется в виду уделить приоритетное внимание». – Ответы официального представителя МИД России А.В. Яковенко на вопросы российских СМИ в связи с предстоящим визитом в Москву министра иностранных дел Саудовской Аравии С.Аль-Фейсала. 7 мая 2003. – <http://www.In.mid.ru/>

⁷⁵ Уже после завершения военной фазы развития иракского кризиса заместитель российского министра иностранных дел А.В.Салтанов, отвечая на вопрос: «Чечню по-прежнему подпитывает арабский экстремизм?», говорил: «С правительствами целого ряда арабских государств мы наладили сотрудничество по противодействию терроризму, в том числе и в Чечне. В рамках этого диалога рассматриваются все вопросы, включая и финансовую подпитку, через так называемые благотворительные организации». – Интервью заместителя министра иностранных дел России А.В.Салтанова газете «Время новостей». 22 мая 2003. – <http://www.In.mid.ru/>

Глава II ПАЛЕСТИНСКИЙ ВОПРОС В САУДОВСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Палестинский вопрос стал одним из приоритетов саудовской внешней политики не ранее, чем в конце 20-х годов¹. Это было естественно как с точки зрения обстоятельств эволюции вновь созданного Ибн Саудом государственного образования, так и развития внутрипалестинской ситуации. Для современного саудовского исследователя в основе все более возрастающего внимания основателя королевства к событиям в Палестине определяющую роль играл «фактор идеологии»². Речь, конечно же, шла о «задачах, вытекавших из ислама и арабизма, и возлагавшихся на государство, рассматривающее себя в качестве колыбели ислама и истока арабизма». Саудовский политико-религиозный дискурс не может, разумеется, рассматриваться как всего лишь риторический прием или пропагандистское клише.

1. Палестинский вопрос в саудовской политике: эпоха 20–40-х годов

Формальным поводом, заставлявшим Ибн Сауда уделять все более пристальное внимание развитию внутрипалестинской ситуации, становилось прежде всего, положение тех иерусалимских святынь, статус которых уже в конце 20-х годов во все большей мере оспаривался представителями палестинского *ишува*³. Вопрос касался, в первую очередь, «стен плача»⁴, рассматривавшейся арабо-палестинскими лидерами (как, естественно, и Ибн Саудом) того времени в качестве части единого комплекса мусульманского *вакфа*⁵. Однако, уже в 30-х годах сфера саудовского внимания включила в себя и иные аспекты палестинской проблемы. Важнейшими среди них были численный рост еврейского населения территории, находившейся под мандатным управлением Великобритании, и становившееся все более очевидным его стремление к созданию собственного государственного образования.

В постановке того времени палестинский вопрос (во всей совокупности его аспектов) приобретал отчетливо выраженную региональную и международную окраску. Ишув постепенно обретал черты одного из «центров силы» системы ближневосточных международных отношений. При этом появлявшиеся уже в канун Второй мировой войны проекты раздела Палестины⁶ означали бы обретение ишувом статуса суверенного еврейского государства, что во многом усилива-

ло бы его значение в качестве «узлового» элемента притяжения и ускоренной модификации для окружающего его геополитического пространства. В свою очередь, это пространство (саудовское королевство было одним из его элементов) воспринимало такую перспективу как продолжение, хотя и в новых формах, европейской экспансии, включая и соответствующим образом интерпретируемые им лозунги и практику действия основных политических сил еврейско-палестинского национального сообщества.

В этой связи, точка зрения Ибн Сауда⁷ была выражена четко и недвусмысленно. Определяя «политических противников» созданного им государственного образования, большинство изданных от его имени официальных документов эпохи 30–40-х годов указывали на «сионистов», «происки сионистов» и «еврейские притязания» на Палестину. Эта доля повторяемости значительно превышала и упоминания о «внутренних врагах», и какие-либо внешние или другие региональные силы. По мнению Ибн Сауда, не раз излагавшего в то время свою позицию, «сионисты» ставили перед собой, как минимум, две цели. Если первая состояла в том, чтобы «на обломках бытия палестинского народа создать еврейское государство», то вторая – «вести экспансию в направлении соседних арабских государств»⁸.

Но в равной мере региональным «центром силы» становилось и противостоявшее ишуву арабо-палестинское национальное движение. Для основателя современного саудовского государства контакты с его, в первую очередь, мусульманскими лидерами, в частности, великим муфтием Палестины А.Аль-Хусейни, выглядели, конечно же, как естественные и оправданные в той же мере, в какой недопустимыми для него оказывались отношения с представителями ишува или руководителями Всемирной сионистской организации (ВСО)⁹. Однако, в конечном итоге, позиция саудовского монарха, на которую, вне сомнения, налагала свой отпечаток его религиозность, специфика воспитания и мироощущения, вытекала не из антииудейских *айятов* Корана, а была, в первую очередь, производной от его качеств прагматичного, решающего задачи своего времени политика.

Поддержка арабо-палестинского национального движения становилась для Ибн Сауда как инструментом расширения регионального влияния его государства, так и дополнительной легитимации саудовских территориальных приобретений в Хиджазе. Отныне «Слуга двух Священных мечетей» выступал как «подлинный» защитник иерусалимских святынь, который, благодаря своему «последовательному» антисиионизму, окончательно лишал бывших владык святынь Мекки и Медины – хашемитов, признававших сионистские претензии на Палестину¹⁰, права на возвращение на хиджазский трон. Его участие в борьбе за Палестину, а впоследствии и в вооруженной стадии этой борьбы¹¹ – Палестинской войне 1948–1949 гг. – в контексте растущих националистических настроений в арабском мире превращало перво-

го саудовского монарха в фигуру действительно регионального масштаба, поскольку речь шла о проблеме, имевшей системообразующее значение для Ближнего Востока.

Исламская «идеологическая» мотивация действий Ибн Сауда вносила новые элементы в организацию ближневосточного геополитического пространства. Постановка палестинского вопроса в трактовке саудовского монарха означала прежде всего, что это страна, где находится «Священный Иерусалим – *Аль-Кудс Аш-Шариф*» с его важной, но только третьей по значению для мусульман (после святынь Мекки и Медины) мечетью Аль-Акса¹². В контексте палестинских событий того времени религиозная нюансировка все более обострявшегося арабско-еврейского противостояния предполагала, в том числе, и тесную (но подчиненную) связь между хиджазскими святынями ислама, с одной стороны, и иерусалимскими, с другой. В свою очередь, саудовский монарх заявлял: «Палестинский народ – наши дети и наш род. Свой долг по отношению к нему мы выполним в полной мере»¹³.

Однако, идея «долга» по отношению к арабам-мусульманам Палестины (в равной мере мусульманская интерпретация статуса иноверческих меньшинств в странах или на территориях ислама распространяла все ту же идею и на палестинских арабов, исповедующих христианство) имела и дополнительный, пусть и подспудный, оттенок. Суверенитет Ибн Сауда над святынями Мекки и Медины придавал традиционному религиозному приоритету этих святынь перед всеми иными центрами мусульманского культа отчетливо выраженный политический характер. Он, а не правившие в Ираке или Трансиордании хашемиты, был истинным «защитником» арабо-мусульманских интересов. Наконец, его власть возникала не в созданных европейцами и зависимых от них странах Ближнего Востока, а в государстве, ставшем реальностью в силу его собственных действий. Легитимность его правления опиралась на «волю Господа», а не на интриги западных политиков и подписанные их дипломатами и иными правителями арабского мира договоры¹⁴.

Палестинская проблема возникла в эпоху радикальных перемен в системе международных отношений. Место «концерта европейских держав», вплоть до начала Первой мировой войны определявшего ее развитие, заняла Великобритания, ставшая не только страной-мандатарием по отношению к Палестине, но и ведущей внешней силой в масштабе всего Ближнего Востока. Ее интересы должно было учитывать любое политическое образование или группа элиты этого региона. Ибн Сауд не был в этом отношении сколько-нибудь значимым исключением. Более того, его попытки противостояния английской ближневосточной гегемонии, опираясь тогда на только начинавшие формироваться иные «центры силы» системы международных отношений (речь шла о Германии, Италии и Советском Союзе), демонстрировали ему практическую невозможность действий в этом направлении. Политиче-

ская самостоятельность его государства, как и его экономическая стабильность (в значительной степени зависевшая от числа паломников из стран, являвшихся английскими «заморскими владениями», протекторатами или подмандатными территориями), могли быть обеспечены только при сохранении неизменно «дружеских» отношений с Великобританией. Саудовская политика и в отношении палестинской проблемы также должна была быть «умеренной» и вновь строиться на основе «живого сочетания морали и реализма»¹⁵.

Это означало прежде всего, что неприязнь Ибн Сауда по отношению к деятельности сионистов заранее исключала, тем не менее, какие-либо открытые столкновения с правительством Великобритании по палестинскому вопросу¹⁶. Саудовский монарх чаще всего ограничивался лишь обращенными к правительству Великобритании настойчивыми пожеланиями выступить в качестве «благожелательного партнера арабов, который должен задуматься над тем, что еврейское население Палестины стремится стать большинством и создать на ее территории еврейское государство», что, по его словам, отнюдь «не отвечало ни интересам Великобритании, ни интересам арабов»¹⁷. Высказывая свою точку зрения в отношении рекомендаций работавшей в Палестине в 1937 г. комиссии лорда Пила, впервые поставившей вопрос о ее разделе, Ибн Сауд, в частности, заявлял: «Справедливое решение палестинского вопроса должно исходить из трех постулатов: во-первых, гарантировать британские интересы, во-вторых, гарантировать статус святых мест и, в-третьих, гарантировать права меньшинства для находящихся в настоящее время в стране евреев»¹⁸.

Но Ибн Сауд был столь же «умерен» и «реалистичен» и в своих контактах с представителями арабо-палестинского сообщества, оставаясь прагматичным и решая задачи, отвечавших интересам его собственного государства. В эпоху, когда «великая палестинская революция» 1936–1939 гг. достигла своего апогея, он писал великому муфтию и главе Арабского Исполнительного Комитета – высшего органа арабо-палестинского национального движения, А.Аль-Хусейни: «Нашим планом по палестинскому вопросу должна стать откровенность в отношениях с правительством Великобритании, которому мы должны высказывать наши мнения и советы». Итогом этого плана должно было стать восстановление арабо-британского взаимопонимания в силу того, что «арабы и Великобритания едины в том, что ни одна из этих двух сторон не заинтересована в создании еврейского государства в Палестине»¹⁹.

Сегодняшние саудовские авторы отмечают, что Ибн Сауд был сторонником едва ли не последовательным сторонником идеи самостоятельности действий арабо-палестинского национального движения в сфере решения вопросов, связанных с будущим его страны, выступая против военного вмешательства арабских стран во внутripалестинские события. В свою очередь, участие нескольких, по сути дела,

незначительных военных формирований королевства в Палестинской войне определялось, по их мнению, лишь тем, что к этому саудовского монарха «обязывали» коллективные решения стран-участниц конференций ЛАГ, проходивших в первой половине 40-х годов²⁰. Впрочем, этот вывод несет в себе очевидное рациональное зерно. Как и поддержка самостоятельности действий арабо-палестинской элиты, так и противодействие арабскому военному вмешательству в Палестине определялись, в конечном итоге, стремлением Ибн Сауда сохранить статус королевства в качестве «узлового» элемента региональной системы международных отношений. Эпоха после окончания Второй мировой войны открывала путь к появлению значительно большего числа самостоятельных акторов этой системы, когда политическую независимость обретали новые страны Ближнего Востока, для которых палестинский вопрос все так же становился способом решения проблем их внутреннего развития и внешнеполитической активности на региональном и международном уровне.

Конечно, саудовская политическая элита в течение всей первой половины 40-х годов не раз инициировала акции, создававшие основу для достижения общенационального единства, (чаще всего это был сбор денежных пожертвований или попытки сбора «добровольцев» для участия в боевых действиях в Палестине²¹). Целью их была поддержка арабо-палестинского национального движения. Естественно, что одним из жертвователей, хотя и не очень щедрым, учитывая экономические возможности государства той эпохи, становился и Ибн Сауд²². По мнению сегодняшних саудовских исследователей, все эти начинания предвосхищали дальнейшую и куда как более широкую финансовую помощь королевства как Организации освобождения Палестины (ООП), так и Палестинской Национальной администрации.

Тем не менее, в рамках средств, использовавшихся Ибн Саудом для укрепления своих региональных позиций, ведущую роль играла дипломатия. «Дипломатические инструменты, – сообщал один из этих исследователей, – использовались Ибн Саудом значительно чаще, чем иные инструменты действия, среди которых были, в частности, экономические, а уже затем – военные»²³. Речь шла, однако, не только и столько о саудовских контактах на внутриаарабской арене, сколько вновь о взаимодействии с Великобританией и, начиная с первой половины 40-х годов, с США, становившимися тогда же и центральным звеном во внешнеполитических устремлениях палестинского ишува. Уже начинавшие формироваться тогда широкие и многосторонние контакты королевства с США создавали возможность изменения саудовской традиционной ориентации на Великобританию в отношении, в том числе, и путей решения палестинского вопроса.

Возникавшие предпосылки будущего саудовско-американского «стратегического партнерства», как и в случае англо-саудовских отношений, вносили в позицию королевства по палестинскому вопросу

значительную долю «умеренности». Разумеется, контакты Ибн Сауда первоначально с Ф.Рузвельтом, а затем и с Г.Трумэном позволяли саудовскому монарху вступать в непосредственные отношения с обоими американскими президентами. Тем не менее, эти отношения были принципиально идентичны более ранним контактам с членами английского политического истеблишмента. Конечно, Ибн Сауд подвергал американский курс порой резкой критике. Он ни в коей мере не считал его «последовательным», а, напротив, определяемым «влиянием еврейского лобби». Однако, саудовский монарх так и не реализовал, несмотря на свои неоднократные заявления, угрозу отзыва лицензий у действовавших на территории королевства американских нефтяных компаний, если, как он подчеркивал, Соединенные Штаты не изменят своей позиции в отношении резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181 о разделе Палестины и, в дальнейшем, признании ими Израиля²⁴. Как, впрочем, его неприятие итогов развития событий в Палестине никак не повлияло и на деятельность американских дипломатических представительств в саудовском королевстве²⁵.

Тем не менее, новые ближневосточные реалии не вносили сколько-нибудь существенных изменений в общий курс саудовского королевства²⁶. Ибн Сауд и его наследники (Сауд, Фейсал и Халед) не допускали, как считают саудовские исследователи, даже гипотетической возможности какой-либо формы признания существования Израиля *de facto*²⁷. Так, несмотря на свое участие в Палестинской войне Саудовская Аравия бойкотировала состоявшиеся в 1949 г. на острове Родос арабо-израильские переговоры о перемирии. Более того, ее официальная точка зрения неизменно сводилась к тому, что «вновь созданное еврейское государство является причиной крайне опасных потрясений (*идтырабат фи гайят аль-хутура*) для всего региона»²⁸.

2. Палестинский вопрос в контексте системы межарабских отношений: саудовская точка зрения

Итоги Палестинской войны, налагавшиеся на процессы деколонизации региона, коренным образом меняли ситуацию в арабском мире. Ускоренная трансформация баланса внутривнутриполитических сил в различных странах региона, наиболее ярким показателем которой становился длительный во временном отношении этап прихода к власти новых групп политической элиты, модифицировала и всю систему межарабских государственных отношений. Конечно же, ее новая конфигурация определялась возникновением новых «узловых» элементов притяжения и, в силу этого, принципиально иной иерархией «центров силы» и тяготевшей к ним региональной периферии. Саудовская религиозная легитимация межгосударственных региональных контактов более не принималась новыми «правлящими классами» соседей королевства, ибо панарабизм как идеологическая мотивация действий многих из них выглядел привлекательнее и эффективнее, в том числе и с точки зре-

ния возможностей пересмотра итогов войны 1948–1949 гг., включая, разумеется, и одну из их составляющих – проблему палестинских беженцев. В арабском мире все более четко оформлялись (хотя внутренне во многом условные) линии разлома, обычно воспринимавшиеся как рубежи демаркации между «радикалами» и «консерваторами».

Наконец, система межарабских государственных отношений начинала испытывать (к этому приводили внешнеполитические контакты каждого из противостоящих друг другу лагерей) воздействие «внешнего силового поля» – советско-американского регионального соперничества.

В мае 1964 г. состоявшийся в Восточном Иерусалиме Палестинский национальный конгресс провозгласил создание Организации освобождения Палестины (ООП) во главе с А. Шукейри²⁹. «Сдержанность»³⁰ саудовской позиции, связанная с процессом формирования этой новой для арабского мира организационной структуры была очевидна. Ее возникновение не только патронировалось насеровским Египтом, речь шла и о ярко выраженной националистической мотивации ее будущей деятельности³¹. Тем не менее, в ситуации арабского мира того времени король Фейсал на состоявшейся в августе 1964 г. в Александрии второй встрече в верхах глав правительств и государств арабских стран выразил свою поддержку идеи и практики создания «палестинского образования»³². Это вместе с тем не означало, что наследники Ибн Сауда не искали каналов самостоятельного взаимодействия с возникавшими за пределами «исторической Палестины» новыми группами элиты.

В 1952 г. в Саудовскую Аравию прибыла делегация Ассоциации палестинских студентов (ядро будущего движения ФАТХ)³³. Его основатели, немалая часть которых ранее проживала, училась или работала в королевстве, были известны саудовскому руководству. Их рассматривали в качестве представителей «независимого и не связанного с каким-либо арабским или неарабским режимом движения». Встречаясь с делегацией, в то время наследный принц Фейсал подчеркивал: «Сила Саудовской Аравии – это сила Палестины и Иерусалима. Если палестинцы не возьмут на себя ответственность, если они не станут ведущей силой *джихада* за возвращение Палестины, то тогда с течением времени палестинский вопрос станет всего лишь проблемой решения пограничных споров между арабскими странами и Израилем».

Не приходится говорить, что саудовское руководство приложило немало финансовых усилий для подготовки состоявшейся 1 января 1965 г. (этот день стал официальной датой создания организации) первой вооруженной акции ФАТХ на территории Израиля. Однако, только в начале 1967 г. состоялась первая встреча короля Фейсала и Я.Арафата, и лишь летом 1967 г. после встречи в Женеве саудовского монарха и тогда командующего военным крылом ФАТХ Х.Аль-Вазиром

(Абу Джихадом) Саудовская Аравия заявила о своей официальной поддержке возглавляемого Я.Арафатом движения. К тому времени ФАТХ уже стал несущей конструкцией ООП. Два года спустя, Я.Арафат стал председателем Исполкома ООП. В мае 1973 г. движение ФАТХ смогло открыть свое представительство в Эр-Рияде.

В свою очередь, в ноябре 1973 г. конференция министров иностранных дел стран-участниц ОИК по инициативе Саудовской Аравии приняла рекомендацию о признании ООП «единственным законным представителем палестинского народа». В дальнейшем же, состоявшийся в октябре 1974 г. в марокканской столице саммит глав государств и правительств арабских стран признал новый статус Организации³⁴. Наконец, 1 января 1989 г. в годовщину первого вооруженного выступления движения ФАТХ в Эр-Рияде в присутствии «президента» Я.Арафата было торжественно открыто построенное саудовскими властями здание посольства «Государства Палестина»³⁵. Это произошло после того, как в ноябре 1988 г. состоявшаяся в Алжире девятнадцатая (чрезвычайная) сессия Палестинского национального совета приняла Декларацию о независимости вновь провозглашенного государственного образования³⁶. Саудовская Аравия была первой признавшей его арабской страной.

Саудовский курс сближения с новым участником международных отношений на Ближнем Востоке был, тем не менее, медленным и избирательным. Это было оправданно. В контексте своих отношений с движением ФАТХ королевство было вынуждено учитывать немало приводящих обстоятельств.

Едва ли не наиболее существенным среди них было то, что Я.Арафат становился руководителем широкой коалиции сил, провозглашавших свою приверженность неприемлемым для Саудовской Аравии идеологическим воззрениям и возникавшим на этой основе внешнеполитическим контактам. Это относилось не только к «марксистским» образованиям внутри ООП (Народный и Демократический фронты освобождения Палестины, а в дальнейшем и Палестинская компартия), но и, в том числе к ее баасистскому компоненту (просирийская «Саика» или проиракский Фронт освобождения Палестины). Организационно мягкая структура ООП предполагала широкую самостоятельность членов общепалестинской коалиции и в выборе внешних союзников (им чаще всего становился Советский Союз и Китай), и региональных «центров силы». Но равным образом это относилось и к самому движению ФАТХ, становившемуся объектом манипуляций все тех же внешних и региональных «узлов» притяжения. Более того, действия движения, непосредственным руководителем которого был Я.Арафат, не раз доказывали (в частности, события сентября 1970 г. в Иордании, провоцирование гражданской войны в Ливане) его способность становиться орудием «общееарабской», а вовсе не палестинской политической практики.

Более того, Саудовская Аравия в своей политике была вынуждена учитывать (саудовский политический дискурс называл это «арабской солидарностью») многообразие методов воздействия региональных «центров силы» на ООП и ФАТХ в качестве одного, хотя и ведущего элемента этой коалиции. Однако, после войны 1967 г. и особенно 1973 г. саудовская позиция ощутимо изменилась. По сути дела, даты официального заявления королевства о своей поддержке движения ФАТХ и открытия его представительства в саудовской столице (как и официальная дата начала предоставления помощи) свидетельствовали о том, что «правлящий класс» страны отчетливо осознал, что важнейшие «центры силы» региона (Египет и Сирия) после поражения в войне 1967 г. и тяжелых потерь, понесенных ими в ходе боевых действий в октябре 1973 г., более не могли быть эффективными полюсами притяжения для палестинцев, превращаясь (как и Иордания) в страны, нуждавшиеся в саудовской финансовой поддержке³⁷.

Но, кроме того, в ходе развития контактов с ФАТХ/ООП Саудовская Аравия должна была учитывать и точку зрения своего «стратегического партнера» – Соединенных Штатов. Тем не менее, после 1973 г. положение менялось и в сфере саудовско-американских отношений. Саудовский «правлящий класс» постепенно отходил от позиции своего «понимания» сути многосторонних американо-израильских отношений. Отныне он стремился содействовать установлению контактов между американской администрацией и руководством ООП³⁸, с одной стороны, а с другой, начинал давление на своего внешнеполитического союзника в интересах, как это казалось саудовским лидерам, более адекватного подхода США к решению ближневосточного конфликта, включая и его палестинский аспект.

14 октября 1974 г. на основе резолюции № 3210 (XXIX)³⁹ ООП в качестве «представителя палестинского народа» была приглашена участвовать в работе XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, обсуждавшей «палестинский вопрос». Итогом участия в ее работе делегации во главе с Я.Арафатом стало международное признание Организации и предоставление ей статуса постоянного наблюдателя при ООН⁴⁰. Это был значительный успех саудовского курса поддержки палестинцев. Но он не определялся только дипломатическими усилиями королевства: речь шла об итоге, вытекавшем как из складывавшейся мировой конъюнктуры на рынке энергоносителей и, не в последнюю очередь, ситуации в арабском мире. В конечном счете, оба этих обстоятельства оказывались взаимосвязанными и взаимозависимыми.

Арабо-израильское вооруженное противостояние в октябре 1973 г. было одним из факторов, приведших к значительному росту мировых цен на нефть⁴¹. Саудовская Аравия, постоянно увеличивавшая объемы добываемой нефти⁴², вновь, как и в 1967 г., (но после 1973 г. королевство последовательно становилось единственным собственником находящихся на его территории запасов нефти) ввела эмбарго на ее

поставки в страны Запада. Конечно же, саудовское нефтяное эмбарго не могло внести элементы дестабилизации в развитие американской экономики. Однако, зависимость Западной Европы и Японии – стратегических партнеров США в разделенном советско-американским противостоянием мире – была очевидна⁴³. Более того, повторение Саудовской Аравией угрозы использования «нефтяного оружия» в отношении США и их партнеров заставило, как отмечают саудовские исследователи, в 1982 г. Израиль отказаться от ввода войск в блокированный Западный Бейрут и «спасло находившиеся в нем палестинские силы от неминуемой катастрофы»⁴⁴. Впрочем, обратная сторона этого «оружия» – беспрецедентное увеличение доходов саудовского государства⁴⁵ – превращала королевство уже в 1979 г. в оппонента своего «стратегического союзника» по вопросу о заключении в Кэмп-Дэвиде египетско-израильских мирных соглашений.

Выступая в конце 1973 г. в Эр-Рияде на совещании саудовских послов, король Фейсала подчеркивал: «Наши друзья (США, – *авторы*) должны знать, где находится сфера наших стратегических интересов. Мы не стремимся нанести ущерб Соединенным Штатам, но ради того, чтобы наши двусторонние отношения оставались взаимовыгодными, Америка должна воздержаться от нанесения ущерба нашим интересам и интересам арабов». Саудовский монарх был откровенен, – «продолжающаяся оккупация арабских территорий, включая и Иерусалим, не только наносит ущерб арабам, но и отравляет международную атмосферу». И далее Фейсал продолжал: «Американцы должны понять, что мы стремимся сохранить дружбу с ними. Но, вместе с тем, мы обязаны быть жесткими во всем, что касается Израиля, поскольку мы опираемся на резолюции ООН № 242 и 338, поскольку наш долг заключается в защите палестинцев. А их защита – это та скала (и, одновременно, название одной из мусульманских святынь на иерусалимской Храмовой горе, – *авторы*), на которую опирается подлинный арабизм, не арабизм марксизма и безбожия, а арабизм ислама». Наконец, обращаясь к аудитории, он завершил свою речь: «Я всегда буду ставить нефть на службу арабизму, а арабизм на службу Господу»⁴⁶.

Последние фразы цитировавшейся речи предшественника нынешнего саудовского монарха показательны. Конечно же, пронизывавшая их религиозная риторика не имела отношения к Западу (и лишь косвенно касалась Советского Союза), а была обращена к арабскому миру в целом, и к палестинцам, в частности. Фейсал, по сути дела, диктовал всем действовавшим в арабском регионе, включая и ООП, силам условия своей реальной или потенциальной поддержки, которая, вне сомнения, концентрировалась вокруг вопроса о финансовой помощи. Иными словами, Саудовская Аравия вновь рассматривала себя в качестве ведущего регионального «центра силы», более не оглядываясь на иные «центры» притяжения, выделяя в рам-

ках той или иной страны или движения (к ООП это относилось едва ли не в первую очередь) те ее идейно-политические компоненты, которые отвечали саудовским критериям. А это, в свою очередь, означало, что сохранение королевством возвращенного им статуса будет невозможно, если в арабском мире сохранится подход к палестинскому вопросу как к гуманитарной проблеме, как, в первую очередь, к проблеме беженцев. Палестинский вопрос должен был перейти в принципиально иную сферу своей эволюции, становясь орудием определения будущих политических и экономических «центров» региональной структуры, как и возможностей дальнейшего развития этой структуры уже в контексте потенциального расширения ее границ. Саудовская дипломатия начинала действовать в этом направлении сразу же после окончания июньской войны 1967 г.

В конце августа – начале сентября 1967 г. в Хартуме состоялась встреча в верхах глав государств и правительств арабских стран. Ее решения, и это обычная практика, носили жесткий и непримиримый в отношении еврейского государства (и, соответственно, возможностей мирного урегулирования ближневосточного конфликта) характер. Речь шла о высказанном во время ее работы решительном отказе от «мира с Израилем», от «признания Израиля» и «переговоров с Израилем». Эти «три нет» сопровождало заявление о том, что «арабская нация предпримет действия по охране права народа Палестины на его родину»⁴⁷. Тем не менее, саудовская интерпретация решений хартумского саммита дает основания для во многом иного взгляда на порождавшуюся его решениями ситуацию.

Саудовский «политический класс» ставил вопрос прежде всего о том, что итоги очередной арабо-израильской войны трансформировали внешнеполитические ориентации основного регионального соперника королевства – Египта. Оккупация части его территории – Синай – вносила коррективы в последовательность приоритетов египетской внешней политики. Отныне освобождение полуострова, а не обеспечение лидирующего положения в регионе Ближнего Востока и арабского мира выступало в качестве первоочередной египетской задачи. Однако, как доказывала практика, оно было немыслимо без помощи арабских соседей, в первую очередь, Саудовской Аравии⁴⁸. Идеологические разногласия между обеими странами в ситуации, когда саудовское королевство превращалось в основного финансового донора Египта, более не оказывались существенными⁴⁹.

Вместе с тем, эта ситуация, пусть и не сразу, в форме немедленных и резких разрывов отношений, должна была привести и к трансформации внешнеполитической ориентации Египта. Хартумский саммит, объединивший весь арабский мир, включая и *консервативные*, и *прогрессивные* режимы, создал, по мнению саудовских политиков, «основы и принципы, содействовавшие кристаллизации новой формы межарабских отношений». В Саудовской Аравии ее называли

«арабской солидарностью», определяемой «единством арабского курса в отношении противостояния Израилю», из которого вытекал дополнительный нюанс – «необходимость ликвидации последствий агрессии 1967 г.» и «обеспечение прав палестинского народа».

Итак, палестинский вопрос, понимавшийся отныне как орудие борьбы против Израиля, должен был спланировать арабский мир. Официальная саудовская точка зрения в этой связи заключалась в том, что «противодействие единому противнику стало приоритетным, а различия между “консерваторами” и “радикалами” исчезли, поскольку все принадлежат к “единой арабской семье” и поскольку каждый ее член должен играть соответствующую его возможностям роль в ходе конфронтации с Израилем». Но, быть может, важнейшим элементом этой точки зрения становилось то, что «ликвидация последствий агрессии 1967 г. прекращала быть задачей географически прилегающих к Израилю “государств конфронтации”, став задачей всех арабских стран». Саудовская Аравия получала общееарабское признание в качестве ведущего актора событий на палестинской арене.

По предложению короля Фейсала ежегодные финансовые отчисления нефтедобывающих арабских государств в фонд поддержки «государств конфронтации» и ООП были названы на конференции в Хартуме «обязательством». В этой связи, выступая в суданской столице, он подчеркивал: «Речь не идет о вспомоществовании или помощи, неизбежно принимающей форму пожертвования. Позиция моей страны ясна: Королевство Саудовская Аравия берет на себя обязательство ежегодно выплачивать предложенную мною сумму, составляющую 50 млн. фунтов стерлингов, в интересах поддержки арабской стойкости. Мы начинаем это делать в этом году и продолжим действовать так и в дальнейшем до тех пор, пока не будут ликвидированы последствия агрессии, до тех пор, пока любое арабское государство останется незащищенным перед лицом нападения со стороны Израиля»⁵⁰.

Два года спустя, достижения хартумского саммита были легитимизированы в Рабате мусульманским сообществом, когда в сентябре 1969 г. по инициативе Саудовской Аравии (и, формально, Марокко) на совещании глав государств и правительств мусульманских стран (включая арабские государства) была создана Организация Исламская конференция⁵¹. Еще тремя годами ранее выдвинутое королем Фейсалом предложение провести встречу лидеров мусульманских государств было решительно отброшено Египтом, Сирией, Ираком и Алжиром. Предложение Фейсала называли «реакционным» и «направленным на укрепление влияния Запада». Теперь же арабские лидеры оценивали провозглашение ОИК как естественный итог осознания необходимости воплощения в жизнь идей «мусульманской солидарности и совещательности» – традиционных основ саудовской внешней политики.

Практика действий Ибн Сауда в связи с мечетью Аль-Акса регенерировалась одним из унаследовавших его трон сыновей. Но теперь

сфера этой практики оказывалась значительно шире, чем во времена основателя государства. Более того, для своего воплощения в жизнь эта практика имела необходимую материальную базу⁵². И вопрос здесь отнюдь не сводился только лишь к государственной поддержке ФАТХ, а в дальнейшем – ООП (хотя и было очевидно, что ее основным получателем оставалось ключевое для этой организации движение), начинавшейся уже в конце 50-х и продолжавшейся в течение первой половины 60-х годов⁵³.

Состоявшаяся в ноябре 1977 г. поездка египетского президента А.Садата в Иерусалим по сути дела взрывала конструируемую Саудовской Аравией систему межарабских и ближневосточных государственных отношений. Речь вовсе не шла о том, что в недалеком прошлом ведущий саудовский конкурент в арабском мире инициировал движение к миру с еврейским государством, создавая предпосылки для его включения в ближневосточное политическое и экономическое пространство. В течение всего периода 1977–1979 гг. вплоть до состоявшегося в марте 1979 г. в Багдаде совещания министров иностранных дел стран-членов ЛАГ, где было принято решение о введении политических и экономических санкций против Египта⁵⁴, подписавшего мирный договор с Израилем, саудовское королевство оставалось противником каких-либо резких действий против этой страны⁵⁵.

Саудовская позиция исходила из неприятия позиции тех арабских государств, которые использовали действия А.Садата для воскрешения идеи и практики разделения арабского геополитического пространства на *консерваторов* и *прогрессистов*, создав на своем совещании в Триполи в начале декабря 1977 г. опиравшийся на советскую политическую поддержку «Фронт стойкости и противодействия». В возникновении этой коалиции, включавшей Ливию, Сирию, Алжир, Народно-Демократический Йемен и, наконец, ООП, руководство королевства видело реальную угрозу не только своему региональному доминированию, но и собственной стабильности и безопасности.

Лишь во второй половине апреля 1979 г. Саудовская Аравия приняла решение о разрыве дипломатических отношений с Египтом. Официальное заявление саудовского совета министров подчеркивало при этом, что королевство идет на этот шаг потому, что, «устанавливая дипломатические отношения» с Израилем, Египет «не учел минимума тех требований, в осуществлении которых арабская нация видит возможность реализации справедливого и всеобъемлющего мира». Разъясняя эти «требования», тогда наследный принц Фахд бен Абдель Азиз отмечал, что речь шла об «игнорировании права палестинского народа на возвращение и независимость», «игнорировании вопроса о религиозной, исторической и моральной ценности Иерусалима», «игнорировании ООП в качестве единственного законного представителя палестинского народа» и о «закреплении израильского военного присутствия на Западном берегу, в секторе Газа и на Голанских высотах».

Будущий монарх подчеркивал, что достигнутые в Кэмп-Дэвиде египетско-израильские соглашения, как и подписание мирного договора с еврейским государством означает, что Египет согласен с «сохранением нынешних поселений (еврейских поселений на оккупированных палестинских и сирийских территориях, – *авторы*) и поощряет Израиль на строительство новых». Наконец, он заявлял, что действия Египта «дали Израилю законное право продолжать господствовать над водными и земельными ресурсами Западного берега и сектора Газа», а также «обrekli более, чем половину палестинского народа на дальнейшее проживание в изгнании»⁵⁶. Формально саудовский истеблишмент, казалось бы, оставлял ранее предпринимавшиеся им попытки «убедить Египет вернуться в лоно арабской нации», а также «восстановить ее единство и солидарность»⁵⁷. В реальности же речь шла о поиске им путей противостояния объединенной во «Фронт стойкости и противодействия» коалиции.

По словам саудовского исследователя, королевство стремилось найти такую формулу урегулирования, которая могла бы стать, с одной стороны, «позитивной арабской альтернативой американо-израильской стратегии частичного урегулирования после войны 1973 г., итогом которой стало достигнутое в Кэмп-Дэвиде египетско-израильская нормализация». С другой же, все та же формула была направлена на то, чтобы содействовать «отходу арабов от занимаемой ими негативной позиции отрицания частичного урегулирования» и выдвигению ими «позитивной инициативы, содержащей минимум приемлемых общепалестинских условий движения к мирному договору»⁵⁸. Палестинский вопрос должен был лечь в основу этой формулы.

8 августа 1981 г. в ходе состоявшейся в марокканском Фесе двенадцатой встречи в верхах глав государств и правительств арабских государств наследный принц Фахд представил саудовский план мирного урегулирования арабо-израильского конфликта. Он предполагал⁵⁹ «уход Израиля со всех оккупированных в 1967 г. арабских территорий, включая Арабский (Восточный, – *авторы*) Иерусалим», «ликвидацию всех созданных Израилем после 1967 г. поселений», «обеспечение свободы вероисповедания и религиозных обрядов всех религий в святых местах». Наряду с этими положениями план Фахда содержал предложения, направленные на подтверждение «права палестинского народа на возвращение и на возмещение для нежелающих возвращаться», а также «создание независимого палестинского государства со столицей в Иерусалиме».

Саудовский наследный принц предлагал и путь осуществления основных элементов его плана. Речь шла о «передаче Западного берега и сектора Газа на переходный период, не превышающий нескольких месяцев, под контроль ООН». Реализация плана означала бы «право государств региона на мирное существование». «Гарантом» движения Ближнего Востока к миру принц Фахд называл «ООН

или группу государств-членов Объединенных Наций». Официально план Фахда был направлен на то, чтобы «остановить безграничную американскую поддержку израильскому врагу», «положить конец вызывающему поведению Израиля» и, наконец, «признание того, что палестинский вопрос является основным в решении ближневосточного уравнения».

Предложенный Фахдом план не мог, разумеется, рассматриваться в качестве инициативы, удовлетворяющей всех участников ближневосточного конфликта, что в равной мере относилось и к внешним по отношению к нему силам. Впрочем, он и не претендовал на это, преследуя, в первую очередь, цели, которые отражали саудовские национальные интересы, заключавшиеся в том, чтобы подтвердить «центросиловые» претензии королевства в рамках арабского геополитического пространства. Тем не менее, концентрируя внимание стран-членов ЛАГ на необходимости решения палестинского вопроса, будущий саудовский монарх вновь проводил в жизнь то понимание региональной ситуации, которое саудовский политический дискурс обычно резюмировал как «единство и солидарность арабской нации». Принятие этого плана (с небольшими и малозначительными дополнениями) саммитом в Фесе означало не только сохранение арабской системы межгосударственных отношений (включающей и Египет), но и (что более принципиально) определение будущего палестинского государства в качестве естественного поля деятельности ООП.

Разумеется, речь не шла о немедленном становлении этого государства (вопрос касался не только Израиля, но и Иордании, частью территории которой, вплоть до июня 1967 г., был Западный берег). Однако, для саудовского руководства было важно подчеркнуть значение «палестинского фактора в качестве самостоятельного элемента в масштабе Ближнего Востока»⁶⁰. Это означало лишь, что ООП (как и отдельные структуры этого блокового объединения) более не могли рассматриваться (пусть даже только теоретически) ни ее членами, ни отдельными арабскими государствами в качестве орудия «революционизации арабского мира» или инструмента преодоления межарабских трений и противоречий. Иными словами, цель плана состояла в том, чтобы, по крайней мере, минимизировать последствия собственно палестинских действий, подобных тем, которые стали реальностью Иордании в сентябре 1970 г. и угрожали стабильности Ливана в период проведения фесского саммита. Естественно, что в этой связи речь шла не только о палестинцах, но и о государствах-членах «Фронта стойкости и противодействия» как и об их внешнеполитических союзниках.

В середине ноября 1988 г. в ходе девятнадцатой (чрезвычайной) сессии Палестинского национального совета в Алжире, в обстановке первой палестинской *интифады* была принята Декларация независимости Государства Палестина. Содержавшееся в ней признание

резолюции ООН № 181 означало, что ООП видела свою задачу в создании национальной государственности на части «исторической Палестины» – Западном берегу реки Иордан и секторе Газа. Иные варианты решения палестинской проблемы более не рассматривались в качестве возможных. Движение ООП к обретению статуса действительно самостоятельного актора системы ближневосточных международных отношений обрело черты все большей определенности. Саудовская Аравия приветствовала это событие⁶¹. В заявлении саудовского министерства иностранных дел, в этой связи, подчеркивалось: «Королевство принимает то, что удовлетворяет интересы самого палестинского народа, не вмешивается в его внутренние дела и отказывается от любых попыток навязать ему собственное мнение». Не менее существен и другой аспект этой позиции, – саудовское руководство подчеркивало, что содержание вновь принятой ООП Декларации независимости отвечает общеарабской позиции – принятой в Фесе инициативе Фахда бен Абдель Азиза.

3. Саудовская Аравия и реалии взаимодействия с ООП: гуманитарный аспект политики

В ноябре 1967 г. в Саудовской Аравии специальным распоряжением короля Фейсала в Эр-Рияде был создан официальный Народный комитет помощи *моджахедам* Палестины⁶² и его провинциальные подразделения. Поводом для его создания стало «обращение движения ФАТХ» к саудовскому монарху⁶³. Создавая эту формально общественную организацию, саудовское государство решала принципиальную для себя внутреннюю задачу: оно спланировало национальный социум и одновременно стремилось минимизировать последствия развития в нем радикалистских настроений после очередного раунда арабо-израильского вооруженного противостояния.

Сложившаяся саудовская практика создания «организаций помощи» требовала, чтобы во главе Комитета находился один из высших государственных чиновников. Им стал губернатор столицы принц Сальман бен Абдель Азиз⁶⁴. Королевское распоряжение предусматривало также обязательное создание (ответственность за это была возложена на министерство внутренних дел) отделений Комитета во всех провинциях королевства. Для «успешной деятельности» этих отделений, заключавшейся в том, чтобы «обеспечить как можно большую народную поддержку палестинского джихада и сопротивления», обеспечивался «контроль» со стороны местных губернаторов, становившихся их руководителями. Все пожертвования поступали на специальный счет Народного коммерческого банка.

Комитет и его провинциальные отделения обязаны осуществлять несколько проектов. Это – «риал для Палестины», «почетный список», «обязанность 5%», «пожертвование 1%», «кампания общенародного пожертвования» и, наконец, «шариатская фетва»⁶⁵.

Проект «риал для Палестины» был первым начинанием Комитета. Его содержание заключалось в выпуске специальных купонов стоимостью 1, 5 и 10 риалов, распространявшихся с помощью сотрудников министерства образования и «генерального управления образования девушек» по школам. Затем в сферу действия этого проекта были включены коммерсанты и сотрудники государственных учреждений, опускавшие свои «пожертвования» в специально установленные в магазинах и офисах ящики (их количество превышает 300 только в Эр-Рияде). В течение 2000–2001 финансового года было собрано почти 15 млн. сауд. риалов, что составило 4,2% общего количества поступлений в общенациональный фонд Комитета.

Проект «почетный список» ставил своей задачей получить «обязательство» отдельных частных лиц или коммерсантов и компаний вносить «регулярные ежемесячные или ежегодные пожертвования» на банковский счет Комитета. Список жертвователей этого проекта включает, в частности, принцев, деятелей культуры, высших чиновников администрации, наиболее известных предпринимателей и руководителей частных структур. Так торгово-промышленная палата Эр-Рияда ежегодно выплачивает в фонд Комитета 10% общей суммы взносов ее членов. По словам саудовского автора, «этот проект обеспечивает постоянство поступлений Комитета». Во всяком случае, в 2000–2001 финансовом году благодаря ему было собрано более 36 млн. сауд. риалов, что составило 10,5% совокупной суммы поступлений в фонд Комитета.

Проект «обязанность 5%» касается проживающих в Саудовской Аравии палестинцев, общая численность которых составляет более 144 тыс. чел.⁶⁶ Он предполагает, что каждый член палестинской общины ежемесячно вносит в фонд Комитета 5% от своего заработка⁶⁷. Риторическое описание этого проекта выглядит во многом показательно. Генеральный директор Комитета сообщал, что первоначально это была «инициатива видных представителей палестинской общины» (значительная часть которой сосредоточена в Эр-Рияде, Джидде и Даммаме), обратившихся с «петициями» к саудовским властям, выражая желание своих соотечественников «поддержать джихад и сопротивление своего народа сионистской оккупации». Лишь затем глава Комитета принц Сальман бен Абдель Азиз обратился в министерство внутренних дел с просьбой, «учитывая содержащиеся в петициях пожелания», содействовать «осуществлению желаний палестинских братьев о ежемесячном отчислении 5% заработка всех работающих на предприятиях государственного и частного сектора палестинцев» в фонд Комитета. Речь, естественно, шла не только о пополнении доходов Комитета, но и о недопущении каких-либо попыток любых, кроме ФАТХ, палестинских организаций вести деятельность на саудовской территории. Так или иначе, но поступления от этого проекта составили в 2000–2001 финансовом году почти 1,4 млрд. сауд. Риалов, или 80% всех постоянных доходов Комитета⁶⁸.

В свою очередь, обязательный и все так же утвержденный министерством внутренних дел и принцем Сальманом бен Абдель Азизом проект «пожертвование 1%» касается саудовских граждан и занятых в различных отраслях саудовской экономики иностранцев-непалестинцев⁶⁹. А проект «кампания общенародного пожертвования» представляет собой периодически организуемые Комитетом сборы пожертвований, связанные с теми или иными событиями на территории Западного берега и сектора Газа. Так, например, Комитет проводил сборы пожертвований в 1988 г., когда началась первая палестинская *интифада*, их общая сумма составила более 118 млн. сауд. риалов.

Наконец, последний проект Комитета – «шариатская фетва». Вопрос касался того, что в рамках мусульманской вероисповедной доктрины пожертвования Комитету могут рассматриваться как одна из форм прямой, входящей в круг *столпов ислама*, обязанности каждого мусульманина ежегодно выплачивать *закят*. Однако, проблема расходов этой обязательной *милостыни* требует вмешательства законоучителей. В частности, отвечая на обращение руководителя Комитета, верховный муфтий королевства в декабре 1969 г. обнародовал свое правовое суждение (*фетву*), согласно которой передача собранных в качестве *закята* средств тем, кто покупает «оружие для *федаинов*, сражающихся против евреев-врагов Господа, а также снабжает *федаинов* и их семьи деньгами, необходимыми для помощи им», является религиозно разрешенным делом. Не приходится говорить, что в этом случае речь шла о принципиально важной для королевства религиозной легитимации любого из начинаний Комитета, перечислившего руководству ООП в течение 1967–2001 гг. почти 2 млрд. сауд. Риалов, или почти 430 млн. долл. США⁷⁰.

В начале октября 2000 г., после начала *интифады мечети Аль-Акса* король Фахд издал распоряжение о создании второй организации помощи палестинцам – Саудовского комитета поддержки иерусалимской интифады. Руководство им было поручено министру внутренних дел принцу Наефу бен Абдель Азизу, а на уровне провинций под руководством их губернаторов были созданы отделения Комитета.

Создание новой организации помощи палестинцам не означало, что прекращалась работа Народного комитета помощи *моджахедином* Палестины. Напротив, если в его случае речь шла об организационной структуре, деятельность которой была рассчитана на длительный период, то Саудовский комитет поддержки иерусалимской интифады играл роль дополнительного и оправдываемого только чрезвычайными (что и предполагало установление прямого контроля министерства внутренних дел над его деятельностью) событиями на территории Западного берега и сектора Газа канала взаимодействия с палестинцами. Оба комитета взаимодействовали и взаимодополняли друг друга. Едва ли не сразу после создания Саудовского комитета поддержки иерусалимской интифады глава ранее созданной организации

принц Сальман бен Абдель Азизом обратился «к гражданам с призывом жертвовать ради поддержки иерусалимской интифады», а в административно подчиненной ему столице страны было создано отделение Саудовского комитета, к работе в котором были привлечены известные фонды помощи – «Аль-Харамейн», Всемирный форум мусульманской молодежи и Комитет исламской помощи. Членами этого отделения стали, как подчеркивает саудовское издание, «высшие государственные служащие, предприниматели и представители интеллигенции». Провинциальные отделения Саудовского комитета создавались так же, как и его столичное отделение⁷¹.

Саудовский комитет поддержки иерусалимской интифады (как, впрочем, и Народный комитет помощи *моджахедам* Палестины) представлял собой жесткую структуру, действующую под целенаправленным руководством государства. В состав его «исполнительной комиссии», руководителем которой стал принц Наефу бен Абдель Азиз, входили представители министерства внутренних дел, канцелярии губернатора столицы, министерства информации (его представлял генеральный директор Саудовского информационного агентства), министерства иностранных дел, Саудовского общества Красного Полумесяца и секретарь Высшего совета исламских дел.

Задача исполнительной комиссии заключалась в сборе сведений (включая имена и адреса) о получателях саудовской адресной помощи (официально речь шла о «семьях *шахидов*, раненых, искалеченных и находящихся в заключении») в пределах территории, управляемой Палестинской Национальной администрацией. Точные списки этих получателей поступали в комиссию через «ее представителей на оккупированных палестинских территориях», а также на основе данных, получаемых ею от палестинских благотворительных обществ и организаций. В сборе этих сведений немалую роль играли также сотрудники Лиги исламского мира и Исламского банка развития.

Только с октября 2000 г. по начало марта 2001 г. общая сумма пожертвований, собранных Саудовским комитетом в столице и в провинциях, составила 250 млн. сауд. риалов (из них почти 209 млн. сауд. риалов было собрано только в Эр-Рияде и Центральной провинции). В соответствии с саудовской традицией пример пожертвований был подан королем и наследным принцем. Сумма единовременного пожертвования короля Фахда составила 30 млн. сауд. риалов (а также двадцать оборудованных машин скорой помощи), единовременный же взнос принца Абдаллы был равен 10 млн. сауд. риалов⁷².

Как и Народный комитет помощи *моджахедам* Палестины, Саудовский комитет поддержки иерусалимской интифады в процессе своей деятельности был призван обеспечить осуществление нескольких проектов⁷³. В их число входили проекты «продовольственной корзины», «помощи семьям *шахидов*», «помощи родственникам заключенных», «помощи раненым интифады», «помощи покалеченным во

время интифады», «помощи раненым, находящимся в госпиталях королевства», «помощи (палестинским, – авторы) благотворительным организациям» и «помощи пострадавшим от действий противника».

Проект «продовольственная корзина» (каждая из этих корзин включала набор продуктов⁷⁴, традиционных для малообеспеченных слоев арабских стран), предполагал направление помощи представителям низших страт палестинского общества, «экономическая ситуация которых ухудшается в результате постоянной блокады и закрытия границ» между территориями Автономии и Израиля. В течение первого года реализации этого проекта жители Западного берега и сектора Газа получили сто пятьдесят тыс. корзин на общую сумму 22,5 млн. сауд. риалов.

Проект «помощи семьям *шахидов*» предусматривал выделение семье каждого погибшего в ходе *интифады* палестинца 20 тыс. сауд. риалов. В течение первого года его реализации 358 семей получили более 8 млн. сауд. риалов. На основе проекта «помощи родственникам заключенных» (по саудовским данным, их численность в течение 2000–2001 гг. составила 2,2 тыс. чел.) было распределено более 22 млн. сауд. риалов, а в процессе осуществления проекта «помощи раненым интифады» (их численность на то же время достигла 8 тыс. чел., и каждому из них предполагалось предоставить 5 тыс. сауд. риалов) было израсходовано 40 млн. риалов. Для «помощи покалеченным во время интифады» за тот же период (1 тыс. чел., из расчета по 20 тыс. сауд. риалов) было выделено 20 млн. риалов.

Наконец, на «помощь раненым, находящимся в госпиталях королевства» (чуть более 100 чел., каждый из которых получил 15 тыс. риалов) было истрачено немногим более 1,5 млн. сауд. риалов. В рамках проекта «помощи благотворительным организациям» Саудовский комитет поддержки иерусалимской интифады в течение 2000–2001 гг. выделил 2 млн. сауд. риалов, а на «помощь пострадавшим от действий противника» (речь шла, в частности, о сиротских домах, о людях, потерявших жилье) было истрачено не менее 40 млн. сауд. риалов. Дальнейшее развитие *интифады мечети Аль-Акса* лишь расширяло деятельность обеих саудовских организаций помощи палестинцам.

Однако, формы саудовской государственной помощи (в которую обязательно включался и ее формально частный компонент) были значительно разнообразнее, чем сбор пожертвований и их последующая передача палестинским семьям или тем или иным организационным структурам. Это было оправданно, ведь в Саудовской Аравии рассматривали палестино-израильскую Декларацию о принципах в качестве важного шага на пути создания независимого палестинского государства. Более того, начиная с момента ее официального подписания, саудовское государство рассматривало палестинское руководство во главе с Я.Арафатом в качестве «находящегося на освобожденной национальной территории полноправного субъекта междуна-

родного права»⁷⁵. Речь шла о фактическом признании рассматривавшейся саудовским королевством палестинской государственности. Тем не менее, для саудовского королевства вопрос заключался и в том, чтобы содействовать превращению ПНА в действительно состоявшееся государство.

4. Саудовская политика и палестинский вопрос: начало нового века

Инициированный в 1991 г. в Мадриде ближневосточный мирный процесс придавал саудовской позиции по палестинскому вопросу дополнительные и, во многом, важные нюансы. Операция по освобождению Кувейта превратила Саудовскую Аравию в несомненного лидера группы арабских стран-участниц международной коалиции по ликвидации последствий иракской агрессии. Эти государства становились в дальнейшем активными сторонниками идеи урегулирования арабо-израильского конфликта, включая и его палестинский аспект. Колебания ООП в период кризиса вокруг Кувейта лишь содействовали этому.

Однако королевство (что оправдывалось тем, что оно не входит в число «государств конфронтации») приняло участие в мадридском мирном процессе только в качестве страны-наблюдателя. Но при этом приветствовало все проходившие в рамках многосторонней мадридской мирной конференции двусторонние арабо-израильские переговоры⁷⁶. Это означало, используя слова саудовского внешнеполитического чиновника, что руководство его страны считало «необходимым оказывать всемерное содействие движению к миру на Ближнем Востоке, будучи твердо уверено в том, что мир стал стратегическим выбором арабов»⁷⁷. Речь шла о вступившем в этап своей реализации, как считали в Саудовской Аравии, фесском плане Фахда.

Если вопрос касался «стратегического выбора арабов», то это означало, что основанный на нем мир должен был стать «справедливым и всеобъемлющим, гарантирующим создание палестинского государства на палестинской территории (Западном берегу и в секторе Газа, – *авторы*) со столицей в Восточном Иерусалиме и возвращение беженцев», как и вывод израильских войск из южного Ливана, и возвращение Сирии Голанских высот. План Фахда обрамлялся новыми деталями, и мир на Ближнем Востоке вырастал также из «резолюций международного сообщества, соглашений Осло и принципа “земля в обмен на мир”». Более того, в Саудовской Аравии более не считали необходимым подчеркивать невозможность каких-либо прямых контактов между той или иной арабской страной и Израилем, ограничиваясь лишь указанием на то, что такие контакты должны сопровождаться поиском путей «решения насущных вопросов: создание палестинского государства, ликвидация поселений, возвращение беженцев и вопрос Иерусалима». В той мере, как подчеркивали в саудовском руководстве, «в какой будет достигнут прогресс в ходе двусто-

ронных переговоров, их ход отразится и на процессе многосторонних контактов». Естественно, что к ООП это относилось едва ли не в первую очередь.

Достигнутые в Осло ООП и представителями Израиля соглашения содействовали тому, что сразу же после их официального подписания королевство предоставило *главе* ПНА в качестве дара 30 млн. долл. Чуть позже, в феврале 2001 г. администрация ПНА получила второй дар саудовского королевства – 10 млн. долл. Основанный ЛАГ по инициативе и при непосредственном участии Саудовской Аравии Фонд Иерусалима, а затем и Фонд поддержки интифады, общий капитал которых составляет 1 млрд. долл. (в свою очередь, саудовская доля в этом совокупном капитале составляет 130 млн. долл.), призваны содействовать организации общеарабской помощи палестинской администрации.

По мнению саудовского истеблишмента, эти фонды и развивающаяся на их основе деятельность призваны стать «реальным воплощением принципа и практики общеарабской солидарности». Во всяком случае, речь идет об активном участии саудовского королевства в событиях на территории обоих палестинских регионов, как и о реализации его влияния на палестинскую администрацию. Вопрос связан не только со значительной долей саудовского королевства в их капитале, но и с тем, что финансовые операции обоих фондов осуществляются через контролируемый Саудовской Аравией Исламский банк развития, во многом участвующий, по словам саудовского автора, «в формировании палестинского бюджета».

В течение всего времени вплоть до начала *интифады мечети Аль-Акса* саудовские капиталы с большим или меньшим успехом инвестировались в развитие палестинской инфраструктуры (в частности, международный аэропорт и морской порт в Газе). Ввозимые на территорию королевства палестинские товары не облагались таможенными пошлинами. Это означает, по словам саудовского исследователя, что «палестинская продукция нашла свое место на крупнейшем арабском рынке, содействуя развитию возможностей самой палестинской экономики». После 2001 г. палестинскому министерству здравоохранения был предоставлен кредит на сумму 60 млн. долл. и безвозмездная финансовая помощь, составившая 10 млн. долл. В равной степени речь шла едва ли не о полном саудовском финансировании Палестинского общества Красного Полумесяца, как и о значительных суммах, выделяемых королевством на развитие палестинской школы различных ступеней, включая и университетские центры Западного берега и сектора Газы.

Цель всех этих начинаний определялась саудовским истеблишментом как «комплекс методов и мер», призванных содействовать «осуществлению справедливого и всеобъемлющего решения арабо-израильского конфликта». Если, как считают его предста-

вители, «арабская сторона придерживается принципов, провозглашенных в начале мирного процесса, и стремится положить конец противостоянию на базе международной законности и реализации справедливых прав палестинского народа», то «Израиль эксплуатирует мирный процесс, стремясь добиться выхода в арабский мир, нормализовать отношения с арабскими странами, выйти из ситуации региональной изоляции и достичь для себя значительных экономических и политических выгод, вовсе не желая урегулировать конфликт на основе решений международного сообщества».

Палестинский вопрос действительно означал, что он является одной из основ саудовской региональной политики. Это видно из того, что «Королевство Саудовская Аравия считает необходимым действовать в общеарабских рамках, концентрируя свое внимание на двух важнейших аспектах палестинского вопроса. Это восстановление прав палестинского народа и возвращение находящихся под израильским оккупационным контролем мусульманских святынь, в первую очередь, Восточного Иерусалима. Решение этих вопросов как и «справедливое и приемлемое продвижение на других направлениях арабо-израильских переговоров» будет означать «для израильской стороны возможность достичь на базе основного принципа мирного процесса – земля в обмен на мир, а также резолюций № 242 и № 338 Совета Безопасности Объединенных Наций». Иные способы решения ближневосточного конфликта, включая и его основное звено – палестинский вопрос, означали бы для Саудовской Аравии, что основное поле ее внешнеполитической деятельности – «арабский мир» – могло «подвергнуться глубокой и непоправимой эрозии». Весной 2002 г. эта точка зрения получила свое окончательное оформление.

В конце марта 2002 г. состоявшаяся в Бейруте встреча в верхах глав государств и правительств арабских стран одобрила инициативу наследного принца, заместителя премьер-министра и командующего Национальной гвардией Королевства Саудовская Аравия шейха Абдаллы бен Абдель Азиза⁷⁸. Эта резолюция была направлена на урегулирование отношений между палестинцами и Израилем, а также разрешение ближневосточного конфликта в целом. Эскалация напряженности в отношениях между Израилем и палестинцами, итогом которой стал ввод израильских войск на территорию ПНА и фактическая парализация самостоятельности действий ее лидера, потребовала срочного вмешательства арабских государств в развитие палестино-израильского конфликта. Речь шла о выработке мер, направленных не только на создание необходимых условий для возобновления переговоров между обеими противоборствующими сторонами, но и на окончательное разрешение конфликта между арабскими странами и Израилем.

Саудовская инициатива содержала в себе принципиально новую основу для урегулирования этой конфликтной ситуации, в которую в

той или иной степени втянуты все арабские государства. В рамках этой инициативы Израилю было предложено вывести свои войска со всех оккупированных им арабских территорий и вернуться к границам, существовавшим до начала июньской войны 1967 г. В ответ на это арабские страны заявляли о своей готовности установить с ним нормальные полноценные отношения. По сути дела, речь шла о том, что перед Израилем и арабскими странами возникали новые перспективы создания единой геополитической региональной системы, в рамках которой могли бы быть решены проблемы запрещения оружия массового поражения, контроля над вооружениями, экологические проблемы и многие другие вопросы, связанные как с обеспечением региональной безопасности, так и с дальнейшим развитием региона. Требования к Израилю о выводе войск с оккупированных арабских территорий не являются новыми. Они лишь повторяют содержание резолюций № 242 и № 338, признанные Советом Безопасности ООН и международным сообществом в качестве основы для урегулирования ближневосточного конфликта.

В то же время в саудовском предложении говорилось и о необходимости создания независимого палестинского государства со столицей в Иерусалиме. Израильская сторона согласилась с идеей независимости палестинцев, подписав соглашения Осло и дополняющие их двусторонние политико-правовые документы. Тем не менее, вопрос, касающийся Иерусалима, остается спорным. Однако, саудовский подход к этой проблеме также дает надежду на компромиссное решение. В тексте выступления саудовского наследного принца указывалось на то, что речь идет только о Восточном Иерусалиме. Принц Абдалла заявил: «Я предлагаю, чтобы арабское совещание в верхах поддержало инициативу, базирующуюся на двух основных моментах: нормальные отношения и безопасность для Израиля в ответ на его полный уход со всех оккупированных арабских территорий, признание независимого палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме и возвращение беженцев». Иными словами, перед противоборствующими сторонами возникала перспектива определения четких границ Восточной и Западной частей города и возвращения к идее, которая была вполне приемлемой для правительства Э. Барака (а, значит, и для части израильского общества) о том, чтобы Иерусалим стал столицей как палестинского государства, так и Израиля.

Саудовская инициатива выдвигала и еще одно требование к Израилю: не противиться возвращению палестинских беженцев. Для Израиля этот вопрос принципиален и чувствителен, ведь еврейское государство не в состоянии пойти на то, чтобы миллионы палестинских беженцев получили право на возвращение. Однако, в саудовском предложении не содержалось каких-либо уточнений в отношении вопроса о беженцах, поэтому вполне логично было бы допустить, что и в этом случае были возможны различные варианты его решения.

Обращает на себя внимание и то, что в выступлении Абдаллы бен Абдель Азиза содержалось прямое обращение к народу Израиля. Это обращение – свидетельство огромной эволюции, которую проделали арабские лидеры, начав с полного непризнания самого существования Израиля, когда они даже не произносили его названия, заменяя его словами «незаконное сионистское образование» до возможности диалога с его народом. В своей речи Абдалла бен Абдель Азиз произнес: «Позвольте мне в данный момент обратиться прямо к израильскому народу, чтобы сказать ему, что использование насильственных методов на протяжении пятидесяти лет привело лишь к еще большему насилию и разрушениям и что израильский народ все еще далек от того, чтобы ощущать себя в безопасности и мире, несмотря на военное превосходство и несмотря на усилия сломить сопротивление» (палестинское, – *авторы*). И далее он отметил, что израильский народ должен поверить в возможность мира и должен понять, что мир и сохранение оккупации одновременно – невозможны.

В выступлении саудовского руководителя содержался призыв ко всем дружественным странам мира с просьбой поддержать его «миролюбивую и гуманную инициативу», направленную на ликвидацию опасности разрушительных войн и достижение мира для всех, без каких-либо исключений, жителей этого региона. Таким образом, он подчеркнул значение усилий мирового сообщества в решении проблем Ближнего Востока.

Миролюбивый тон документа, его направленность на поиски не силового, а мирного решения конфликта подтверждается выдержками из Корана. В то же время саудовский руководитель, обращаясь к представителям Ливана, страны, где состоялся саммит, подчеркивал, что Ливан смог добиться национального единства, несмотря на религиозную и этническую неоднородность своего населения. Тем самым он подтверждал свою мысль о том, что и в ближневосточном регионе можно добиться мира и стабильности.

Основное внимание в саудовском предложении было уделено палестинской проблеме. Это было оправдано, так как встреча в верхах глав государств и правительств арабских стран состоялась в момент крайнего обострения ситуации в Палестине, когда активисты из радикальных палестинских организаций не прекращали террористических актов и на оккупированных территориях, и непосредственно в Израиле, а израильские власти ужесточали методы силового воздействия на руководство палестинской автономии. В этих условиях саудовский руководитель четко определил альтернативу, стоящую перед палестинцами. Он заявил: «Каждый человек в Палестине – молодой или старый – осознает, что путь к освобождению его страны и его земли лежит или через борьбу и непреклонность, или через справедливый и всеобъемлющий мир».

Саудовский представитель, осознавая всю сложность стоящего перед палестинцами выбора, в то же время всей тональностью своей

инициативы подчеркивал, что только мирное решение создаст перспективу для окончательного урегулирования ближневосточной проблемы, включая ее палестинский, сирийский и ливанский аспекты. Вот как эта мысль выражена дословно: «Несмотря на то, что случилось и что еще может произойти, первейшей проблемой в умах и сердцах каждого представителя нашей мусульманской и арабской нации остается восстановление легитимных прав Палестины, Сирии и Ливана».

Обращаясь к израильтянам, принц Абдалла призывал их осознать всю сложность положения арабских стран и их стремление к мирному решению конфликта. Таким образом, он подчеркивал, что выбор остается за израильтянами. Они должны принять решение, и от их решения будет зависеть развитие ситуации в регионе.

Однако, проблема заключалась и в необходимости поддержания консенсуса среди арабских стран, отчего во многом зависели и возможности сохранения за Саудовской Аравией роли «центра силы» в пределах арабского и ближневосточного геополитического пространства. Эта роль определялась и теми значительными финансовыми вливаниями, которые королевство предоставляло в качестве пожертвований или долгосрочных займов арабским странам, включая и ПНА.

Так, в течение всего времени *интифады мечети Аль-Акса* Саудовская Аравия выступала в качестве ее важнейшего донора. Только в апреле 2002 г. она перевела для поддержки бюджета «палестинской национальной власти» 15,4 млн. долл.⁷⁹ После сентябрьских событий 2001 г. региональные «центросиловые» возможности королевства подвергались существенной эрозии: участие в международной антитеррористической кампании не избавляло страны от жестких нападков как со стороны ее «стратегического союзника» – США, так и стран – маргиналов арабского мира⁸⁰. Вместе с тем, все те же «центросиловые» возможности могли бы стать ограниченными и в силу другой, не менее существенной причины.

Начавшиеся на Ближнем Востоке и инициированные мадридской мирной конференцией, активно поддержанной и самой Саудовской Аравией, изменения выглядят, в конечном итоге, как действительно необратимые (при всех трудностях и кровавых эксцессах в ходе их реализации). Эти изменения должны привести к появлению принципиально новой системы региональных международных отношений, одним из показателей которых стало бы формирование *ближневосточного* геополитического пространства, объединяющего и арабский мир, и Израиль. В свою очередь, становление этого пространства неизбежно выдвигает проблему его будущего «центра силы» и возникновения на его основе неизвестной ранее иерархической конфигурации межгосударственных связей и отношений. Нынешняя палестинская *интифада*, как и израильская реакция на ее развитие выступали одним из наиболее ярких показателей движения к созданию

этой конфигурации. Впрочем, ее создание (но в формах, быть может, далеких от сегодняшних саудовских пожеланий) в значительной степени будет ускорено и в связи с развитием ситуации в Ираке. Ответом на развитие событий в этом направлении стала предлагаемая ныне ведущим представителем саудовского политического истеблишмента наследным принцем Абдаллой «Арабская хартия». Палестинский вопрос занимает в этом документе действительно важное место потому, что нынешняя «борьба за Палестину»⁸¹ становится для саудовского королевства орудием сохранения (и, быть может, усиления) своего влияния в геополитическом пространстве будущего Ближнего Востока и арабского региона.

Апеллируя к своей бейрутской инициативе⁸², принц Абдалла считал, что для арабского мира необходимо содействовать «стойкости палестинского народа на его захваченной родине перед лицом израильской политики насилия, оккупации и экономической блокады». В этой связи принципиально важно, чтобы «арабы выполнили свой долг, заключающийся в защите законных прав палестинского народа и помощи палестинской власти».

Саудовская позиция оставалась последовательной, и, казалось бы, неизменной. Но на этот раз палестинский вопрос ставился «Арабской хартией» в более широкий контекст «мощных экономических блоков, все возрастающей глобализации, конкуренции и ускорения развития техники, коммуникаций и информатики». Смогут ли арабы стать частью нового мира? Да, отвечал саудовский наследный принц. Но только в том случае, если они смогут в обозримом будущем (крайним сроком назывался 2005 г.) создать жизнеспособную в масштабах всего регионального пространства экономику. Ее жизнеспособность должна была обеспечиваться «единством тарифной системы» и, в конечном итоге, созданием «арабского таможенного союза», поощрением «развития частного сектора», созданием предпосылок для широкого инвестирования «арабских и иностранных капиталов». Принц Абдалла считал, что это был путь к возникновению в более или менее отдаленной перспективе «арабского единого рынка».

В этой связи в Саудовской Аравии подчеркивали, что направленная на мирное урегулирование палестино-израильского и арабо-израильского противостояния и поддержанная США, Европейским Союзом, Россией и ООН «дорожная карта» отнюдь «не означает отмены арабской инициативы (принца Абдаллы, — *авторы*). Напротив, для саудовского политического истеблишмента «дорожная карта» представляет собой «принципиально важную опору арабской мирной инициативы». Если эта «карта» инициирует движение к миру на Ближнем Востоке, то «арабская инициатива» должна «завершить движение по пути к справедливому и всеобъемлющему миру в регионе»⁸³. Более того, в произнесенной 18 мая во время открытия очередной сессии Консультативного совета речи король Фахд подчеркивал, что бейрутская иници-

циатива наследного принца Абдаллы рассматривается в королевстве в качестве «основы легитимации дорожной карты», которая должна дать лишь первоначальный импульс «процессу бесконечных израильских акций насилия и агрессии на оккупированных арабских территориях и защиты палестинцев от этих акций»⁸⁴.

Для саудовского монарха было важно подчеркнуть далее, что палестинцы, принявшие поддержанное «королевством и всеми братскими арабскими государствами» требование «мирового сообщества» о введении в ПНА поста премьер-министра (им стал М.Аббас), как и выраженное ими в конце апреля 2003 г. согласие с «дорожной картой», осуществляют движение к миру. В свою же очередь, если Саудовская Аравия поддерживает ближневосточный мирный процесс, последовательно апеллируя к его спонсорам (прежде всего США), то она делает это потому, что «сегодняшний мир стоит на перепутье». В этом мире, отмечал король Фахд, «одни представления сменились другими, новые союзы и коалиции заняли место тех, которые еще вчера казались незыблемыми, а информационная революция оказывает огромное воздействие на социальные, экономические и политические основы жизнедеятельности международного сообщества». Мир на Ближнем Востоке нужен арабам для того, чтобы «они не оказались всего лишь зрителями развивающихся вокруг них процессов». Однако, «усвоить происходящие перемены арабы смогут, лишь соединив эти изменения, ассоциируя их со своим историческим наследием и собственной системой ценностей». Это относится, по его словам, в первую очередь к королевству, «расположенному в сердце мусульманской нации и являющемуся колыбелью арабизма».

Итак, провозглашение принципа «земля в обмен на мир» в качестве основы будущего урегулирования отношений с Израилем отнюдь не означало, что еврейское государство станет ведущим элементом региональной системы экономических и, разумеется, политических отношений. Саудовское королевство, по вполне понятным причинам, опасается конкуренции со стороны Израиля. Но его руководители осознают невозможность и невыгодность дальнейшего военно-политического противостояния. В свою очередь, поддержка палестинцев являлась не более, чем способом преодоления этого противостояния и, одновременно, превращения существовавших до июня 1967 г. линий арабо-израильского перемирия в действительно государственные границы.

¹ Одно из последних изданий Института дипломатических исследований саудовского Министерства иностранных дел показывает, что его авторы, представляющие саудовскую официальную точку зрения (хотя и палестинцы по происхождению), исходной точкой саудовского внимания к палестинскому вопросу считают 1929 г. – Абу Алийя А.-Ф.Х., Ан-Натше Р.Ш.

Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя ва кадыят Филистын (Королевство Саудовская Аравия и проблема Палестины), Эр-Рияд, 1999. С. 37.

² Здесь и далее цит.: Аль-Мансур А.М. Ас-Сияса аль-хариджийя ас-саудийя фи аль-итар аль-арабий: ад-даур ас-саудий ва ахамм аль-авамиль аль-муассира фихи (Саудовская внешняя политика в арабском контексте: саудовская роль и важнейшие факторы воздействия на нее). – Ас-Сияса аль-хариджийя ли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм. С. 187.

³ Еврейское население Палестины, а также совокупность созданных им в период британского мандата (до 1948 г.) общественно-политических и экономических институтов.

⁴ В августе 1929 г. споры о религиозной принадлежности «стены плача» вызвали первую значительную волну арабо-еврейской конфронтации. Ее непосредственной причиной стала попытка верующих евреев, несмотря на запрет английской администрации, установить у «стены плача» разделяющие молящихся мужчин и женщин ширмы. В ответ на это Высший мусульманский совет Палестины выразил протест против «неправомерных действий евреев», которые под предлогом установки ширм стремились, якобы, возвести постоянные сооружения на территории мусульманского *вакфа*. 14 и 15 августа группы религиозных евреев организовали массовые антимусульманские демонстрации в Тель-Авиве и Иерусалиме под лозунгом: «Стена плача принадлежит только нам!». В ответ на них состоялись контрдemonстрации мусульман. 17 августа произошли первые межнациональные стычки в Иерусалиме, распространившиеся по всей стране. Наиболее жестокие столкновения произошли в Хевроне и Сафед (Цфате), где было уничтожено население местных еврейских кварталов.

⁵ В мусульманской традиции «стена плача» представляет собой часть единого комплекса существующих на Храмовой горе – *Аль-Харам Аш-Шариф* – мусульманских святынь и, прежде всего, мечети Аль-Акса. В контексте все той же традиции к этой стене, обычно называемой «стеной *Аль-Бурак*», был привязан крылатый конь пророка Мухаммеда – Аль-Бурак, чудесным образом перенесший его в Иерусалим. В дальнейшем, на месте молитвы пророка на Храмовой горе была сооружена *удаленная* мечеть – Аль-Акса.

⁶ Речь шла, в частности, о рекомендациях работавшей в Палестине в 1937 г. комиссии лорда Пила. – Текст соответствующего документа см. в: Laqueur W. (Ed.). The Israel – Arab Reader. A Documentary History of the Middle East Conflict. N.-Y., Toronto, L., 1969. P. 56–58.

⁷ См., в этой связи, документированные высказывания Ибн Сауда времени 30-х гг. прошлого столетия в: Абу Алиия А.-Ф.Х., Ан-Натше Р.Ш., цит. произв. С. 57–90.

⁸ Более 54% всех официальных саудовских документов того времени. См. об этом: Ас-Суэйг А.Х., цит. произв. С. 42–43.

⁹ Любое саудовское издание, посвященное палестинской проблеме и всему спектру внешней политики королевства, будет содержать упоминание о всегда жестко пресекавшихся Ибн Саудом попытках английского посредниче-

ства в деле установления, в частности, прямых контактов между ним и главой ВСО Х. Вейцманом. Сошлемся в этой связи, например, на А.Х. Ас-Суэйга. – Ас-Суэйг А.Х., цит. произв. С. 42–43.

¹⁰ После окончания Первой мировой войны представители хашемитской семьи, с одной стороны, и ВСО, с другой, при непосредственном участии Великобритании заключили несколько принципиальных для судьбы Палестины юридических документов. Это было соглашение, достигнутое в ходе Парижской мирной конференции 1919 г. между главой хиджазской делегации, сыном шерифа Мекки Хусейна принцем Фейсалом (в дальнейшем, с 1921 г. королем Ирака) и лидером ВСО Х. Вейцманом, а также письма, которыми обменялись Фейсал и представитель ВСО на конференции Ф.Франкфуртер. Эти документы, по сути дела, признавали сионистские претензии на Палестину. – Тексты этих документов см. в: Laqueur W., op. cit. P. 18–22.

¹¹ Об этом участии см.: Аль-Харири С.Д. Аль-Джейш ас-саудий фи Филистын (Саудовская армия в Палестине). Эр-Рияд, 2001.

¹² В декабре 1931 г. саудовская делегация приняла участие в Иерусалимском мусульманском конгрессе, поставив в ходе его вопрос о «бесспорной» принадлежности иерусалимских мусульманских святынь (включая и «стену плача» как часть единого комплекса *вакфа*) «всему мусульманскому миру», представленному, разумеется, его палестинскими единоверцами. Не приходится говорить, что «центром» этого «мира» выступало саудовское королевство. – Абу Алийя А.-Ф.Х., Ан-Натше Р.Ш., цит. произв. С. 53–54.

¹³ В 1935 г., выполняя поручение отца, отправленный Ибн Саудом в Палестину принц Сауд бен Абдель Азиз произносил эти его слова перед участниками массового собрания в Наблусе. – Там же. С. 58–59.

¹⁴ Оценивая свой приход к власти и созданное им государственное образование, он подчеркивал: «Я стал правителем подвластной мне страны по воле Господа. ... Каждый мой подданный – воин и хранитель Божественного завета. Мы все идем вместе, мы все – единое целое, я не возвышаю себя над ними, я властвую с помощью только тех методов, которые отвечают их интересам» // Аль-Мухтар С., цит. произв. С. 1.

¹⁵ Выражение Н.У. Мадани. См.: Мадани Н.У. С. 67–72.

¹⁶ Тем не менее, Ибн Сауд пытался оказать давление на позицию Великобритании в палестинском вопросе, используя, в частности, существовавшие почти до времени окончания второй мировой войны дипломатические связи королевства с Германией. В ноябре 1937 г. в Берлин был направлен специальный посланник саудовского монарха, задачей которого было зондирование немецкой позиции по вопросу о «недопущении создания в Палестине еврейского государства». – Аль-Мансур М.А., цит. произв. С. 200.

¹⁷ См., в частности, одну из телеграмм саудовского монарха правительству Великобритании, датированную апрелем 1938 г. – Абу Алийя А.-Ф.Х., Ан-Натше Р.Ш., цит. произв. С. 94.

¹⁸ Далее в том же послании Ибн Сауд подчеркивал: «Я надеюсь, что этот мой призыв окажет благоприятное воздействие на правительство Велико-

британии, которое, во что я верю, искренне, дружелюбно и любезно примет мой совет». – Там же. С. 95.

¹⁹ Ас-Суэйг А.Х., цит. произв. С. 41.

²⁰ См., в частности: Аль-Мансур М.А., цит. произв. С. 202.

Саудовские подразделения, участвовавшие в боевых действиях 1948–1949 гг., состояли из двух батальонов (*катаиб*). В составе каждого из них было три роты (*сарая*), состоявшие из трех взводов пехоты и трех бронетанковых взводов, а также взвода автоматчиков (*фасыль раишаи*). Оба батальона дислоцировались в Суэце, поочередно (первый батальон в июне 1948 г., а второй – в конце того же года) выдвигаясь в зону боевых действий на ее египетском участке – Аль-Харири С.Д., цит. произв. С. 9–10.

²¹ Сумма этих пожертвований, включая и вклад Ибн Сауда, составила более 4 млн. сауд. риалов, а численность добровольцев достигала примерно 100 тыс. чел. Сформированный из них корпус был в 1948 г. переправлен на расположенную около Дамаска военную базу Катана. Корпус принимал участие в боевых действиях на сирийском фронте. – Абу Алиия А.-Ф.Х., Ан-Натше Р.Ш., цит. произв. С. 286 и 322–324.

²² Частично собранные финансовые средства направлялись и на закупку германского вооружения для действовавших против еврейских поселений и английских солдат арабских партизанских отрядов. – Аль-Мансур М.А., цит. произв. С. 201–202.

²³ Там же. С. 188.

²⁴ См. об этом: Абу Алиия А.-Ф.Х., Ан-Натше Р.Ш., цит. произв. С. 273–290.

Опираясь на материалы саудовских национальных архивов, современные исследователи подчеркивают, в этой связи, что Ибн Сауд считал эти компании «частными, а не государственными предприятиями», заинтересованными лишь в «получении прибыли» и поэтому «склонными к симпатии в отношении проблем региона». Для него оказались достаточными подтверждения лояльности с их стороны заявления, в частности, заместителя генерального директора АРАМКО о непризнании компаний резолюции № 181 и осуждении американского признания Израиля. Исходя из этого, саудовский монарх заявлял, что «в отличие от правительства США американские нефтяные компании не испытывают влияния со стороны сионистского лобби». И он же подчеркивал: «Практика показала, что американские нефтяные компании в нашей стране не вмешиваются в международные политические дела, все, что их заботит, это экономическая выгода. На этом они и сосредотачивают все свои усилия». – Там же. С. 280.

²⁵ Посольства в Джидде и консульства в Дахране // Аш-Шамлан А.С., цит. произв. С. 339.

²⁶ После того, как 29 ноября 1947 г. сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию № 181, глава саудовской делегации и министр иностранных дел страны принц Фейсал бен Абдель Азиз заявил, что его страна «не считает себя связанной этой резолюцией, оставляя за собой право действовать так, как того требуют принципы законности и справедливости». – Абу Алиия А.-Ф.Х., Ан-Натше Р.Ш., цит. произв. С. 282.

²⁷ Однако, как отмечал один из ведущих западных исследователей региона Персидского залива, Э. Кордесман, наследный принц Фахд 11 мая 1977 г. говорил о возможности достижения всеобъемлющего мира на Ближнем Востоке, включая и нормализацию арабо-израильских отношений, если Израиль в полном объеме признает права палестинских арабов. Встречаясь с президентом США Дж. Картером, принц Фахд просил его убедить израильтян в необходимости быть «здравомыслящими в отношении урегулирования, которое должно быть справедливым и прочным». – Cordesman A.H. *Western Strategic Interests in Saudi Arabia*. L., 1987. P. 44.

²⁸ Впервые заявление об этом было сделано принцем Фейсалом бен Абдель Азизом в ноябре 1947 г. – Там же. С. 270.

²⁹ Родился в Палестине, адвокат по профессии, в конце 50-х годов был членом саудовской миссии в ООН, в дальнейшем представлял там Сирию, к моменту назначения на пост главы ООП был представителем находившегося в Каире «Всепаалестинского правительства» в Лиге арабских государств. – См.: Laqueur W. *Op. cit.* P. 131; а также: Абу Алийя А.-Ф.Х., Ан-Натше Р.Ш., *цит. произв.* С. 482.

³⁰ «*Ам-тахаффуз*» – выражение А.-Ф.Х. Абу Алийи и Р.Ш. Натше. – См. Абу Алийя А.-Ф.Х., Ан-Натше Р.Ш., *цит. произв.* С. 483.

³¹ См. текст подготовленной А.Шукейри в 1964 г. Палестинской Национальной хартии в: Laqueur W. *Op. cit.* P. 131–134.

³² Абу Алийя А.-Ф.Х., Ан-Натше Р.Ш., *цит. произв.* С. 483–484.

³³ Здесь и далее см.: Там же. С. 475–480.

³⁴ Там же. С. 485.

³⁵ Там же. С. 486.

³⁶ См. об этом: Косач Г.Г. Организация освобождения Палестины: путь к созданию национальной государственности // Ближний Восток и современность. Вып. 11. М., 2001.

³⁷ Решением Рабатской конференции в верхах (1974 г.) стран ЛАГ ежегодная доля Саудовской Аравии в рамках общеарабской финансовой поддержки «государств конфронтации» – Египта, Сирии, Иордании и ООП составляла 2,35 млрд. долл. В 1978 г. состоявшийся в Багдаде девятый саммит глав арабских государств и правительств увеличил эту долю до 3,36 млрд. долл. – Аль-Мансур М.А., *цит. произв.* С. 216.

Но это не означало, что Саудовская Аравия не оказывала помощи соответствующим странам и вне рамок общеарабских саммитов. Так, для возмещения потерь сирийской армии в ходе войны 1973 г. королевство предоставило Дамаску около 1 млрд. долл. Впрочем, такую же сумму получил и Египет. – Там же.

³⁸ Как отмечал саудовский автор, «Королевство стремилось представить руководство движения ФАТХ братским и дружественным (западным – в саудовском политическом лексиконе, – *авторы*) странам, считая необходимым содействовать палестинскому народу и поддержать ведущуюся им вооруженную борьбу против сионистской оккупации». – Джамус А.-Р.М., *цит. произв.* С. 20.

³⁹ См. текст резолюции в: <http://www.un.org/>

⁴⁰ Резолюция 3237 (XXIX) // <http://www.un.org/>

⁴¹ Если в течение всего периода 60-х годов стоимость барреля саудовской нефти составляла примерно 1,8 долл., то уже в январе 1974 г. она достигла 11,65 долл. В дальнейшем же, в 70-е годы цены на нефть имели тенденцию к постоянному увеличению, достигнув своего максимума в 1981 г. – 34 долл. за баррель. – Цит. по: Аль-Мансур М.А., цит. произв. С. 208.

⁴² Если в 1970 г. Саудовская Аравия ежедневно производила 2,8 млн. баррелей нефти, то в 1971 г. ее производство достигло около 4,8 млн. баррелей, в 1973 г. – 7,6 млн., 1974 г. – 8,5 млн., в 1977 г. – 9 млн. и в 1980 г. – 9,9 млн. баррелей. – Там же. С. 209.

⁴³ Это обстоятельство и позволяет современным саудовским исследователям считать, что «использование королевством нефти в качестве орудия политического давления на Соединенные Штаты ради поддержки прав палестинцев привело к значительной напряженности в саудовско-американских отношениях во время октябрьской войны 1973 г.» – Аш-Шамлан А.С., цит. произв. С. 362.

⁴⁴ Там же. С. 359.

⁴⁵ В 1970 г. сумма получаемых королевством отчислений за нефть равнялась 1,2 млрд. долл., в 1973 г. – 4,3 млрд., в 1974 г. – примерно 22,6 млрд., в 1977 г. – 36,5 млрд., в 1979 г. – 48,4 млрд., в 1980 г. – 84,5 млрд. и, наконец, в 1981 г. эти отчисления составили рекордную сумму – 102 млрд. долл. – Аль-Мансур М.А., цит. произв. С. 209.

⁴⁶ Цит. по: Аш-Шамлан А.С., цит. произв. С. 360–361.

⁴⁷ International Documents on Palestine, 1967. Beirut, Institute of Palestinian Studies, 1970. P. 656–657.

⁴⁸ Здесь и далее авторы используют аргументацию М.А.Аль-Мансура. См.: Аль-Мансур М.А., цит. произв. С. 210–211.

⁴⁹ Во время хартумского саммита Г.А.Насер и король Фейсал подписали совместное соглашение, предусматривавшее вывод египетских войск из Северного Йемена и прекращение информационной войны против Саудовской Аравии.

⁵⁰ Цит. по: Аль-Мансур М.А., цит. произв. С. 215–216.

⁵¹ В совещании участвовали Афганистан, Алжир, Гвинея, Египет, Индонезия, Иран, Иордания, Народно-Демократическая республика Йемен, Йеменская Арабская республика, Кувейт, Ливан, Ливия, Малайзия, Мали, Марокко, Мавритания, Нигер, Пакистан, Саудовская Аравия, Сенегал, Сомали, Судан, Тунис, Турция и Чад. В качестве наблюдателя в Рабате присутствовал и глава Исполкома Организации освобождения Палестины Я.Арафат. – Здесь и далее см.: Selim M.S. (ed.). The Organization of the Islamic Conference in a Changing World. Cairo, 1994. P. 21–22.

⁵² Как отмечал уже цитировавшийся саудовский автор, «эта эпоха (вторая половина 60 годов, – авторы) характеризовалась всеобъемлющим включением Саудовском Аравии в конфликт. Это включение осуществлялось по различным

направлениям. Первым из них становилась политическая, экономическая и военная поддержка “государств конфронтации” и ООП в их противостоянии Израилю. Вторым же – использование королевством своих дипломатических и экономических возможностей в интересах поддержки общеарабской позиции на международной арене (в международных организациях и в ходе контактов с великими державами). – Аль-Мансур М.А., цит. произв. С. 214–215.

⁵³ Саудовское издание сообщало в этой связи: «Когда вспыхнула нынешняя палестинская революция, организованная движением ФАТХ и его вооруженным крылом “Аль-Асыфа” королевство во главе с королем Фейсалом проявило заботу о руководстве этой организации. Оно поддержало и вооружило движение». – Джамус А.-Р.М. Аль-Лиджан аш-шаабийя ли мусаадат муджахиди Филистын фи Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Народные комитеты помощи *моджахединам* Палестины в Королевстве Саудовская Аравия). Эр-Рияд, 1422 Х. С. 20.

По некоторым оценочным данным, общая сумма государственной саудовской помощи палестинцам в течение этого периода составила почти 1,4 млрд. сауд. риалов. – Ад-Дарьюейш А.Ю. С. 37.

⁵⁴ Речь шла, в частности, об отзыве послов арабских стран из Каира, рекомендации о разрыве дипломатических отношений с Египтом, приостановке членства этой страны в Лиге арабских государств и о запрете оказания ей экономической помощи.

⁵⁵ Обнародованное 18 ноября 1977 г. после визита А. Садата в столицу Израиля заявление саудовского королевского кабинета подчеркивало, что королевство сожалеет о том, что «египетская инициатива не отталкивается от общеарабской позиции» и «не исходит из условий справедливого мира». Но в том же заявлении подчеркивалось, что Саудовская Аравия не пойдет на «замораживание отношений с Египтом», поскольку «этот шаг не отвечает интересам арабской солидарности». – Цит. по: Аль-Мансур М.А., цит. произв. С. 222–223.

⁵⁶ Цит. по: Там же. С. 224–225.

⁵⁷ Выражения из официальных документов королевства 1977–1979 гг. См., в частности, заявление саудовского совета министров от 18 сентября 1978 г., принятое в связи с предстоявшим в начале ноября того же года арабским саммитом в Багдаде. В заявлении отмечалось, в частности, что саудовское «несогласие с подписанными в Кэмп-Дэвиде соглашениями» отнюдь не означает, что навсегда «потеряна возможность восстановления арабской солидарности». – Цит. по: Там же. С. 223.

⁵⁸ Там же. С. 226.

⁵⁹ Здесь и далее оригинальный текст саудовской инициативы цит. по: Ас-Суэйг А.Х., цит. произв. С. 259.

⁶⁰ См.: Заявление наследного принца Фахда в ходе фесского саммита 1981 г. – Цит. по: Абу Алийя А.-Ф.Х., Ан-Натше Р.Ш., цит. произв. С. 485.

⁶¹ Здесь и далее см. лекцию принца Турки бен Мухаммеда бен Сауда – одного из высших чиновников саудовского министерства иностранных дел, про-

читанную им в мемориальном исследовательском центре памяти короля Ибн Сауда «Ад-Дара» в рамках конференции «Королевство и Палестина»: Турки бен Мухаммед бен Сауд. Даур визарат хариджий Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи даам аль-кадыя аль-филистьинийя (Роль министерства иностранных дел Королевства Саудовская Аравия в поддержке палестинской проблемы). 22 апреля 2001. – <http://www.mofa.gov.sa/>

⁶² Его первоначальное название – Народный комитет помощи семьям героев, заключенным и *моджахединам* Палестины. – Джамус А.-Р.М., цит. произв. С. 20.

⁶³ Там же. С. 24 и 26.

⁶⁴ Здесь и далее см.: Там же. С. 26–28.

⁶⁵ Здесь и далее см.: Там же. С. 37–40 и 66.

⁶⁶ Ад-Дарьювейш А.Ю.А., цит. произв. С. 38.

⁶⁷ Здесь и далее см.: Джамус А.-Р.М., цит. произв. С. 40–50 и 66.

⁶⁸ Там же. С. 60–61.

⁶⁹ Здесь и далее см.: Там же. С. 40–50 и 66.

⁷⁰ Там же. С. 69–70.

⁷¹ Джамус А.-Р.М., цит. произв. С. 80–82

⁷² Там же. С. 82–84.

⁷³ Здесь и далее см.: Там же. С. 84–88.

⁷⁴ В этот набор входили по пять кг сахара и риса, по два кг животного жира, бобов и чечевицы, один кг чая, 800 гр. мясных консервов, 50 кг муки, 5,5 л растительного масла. – Там же. С. 85.

⁷⁵ См. об этом: Абу Алийя А.-Ф.Х., Ан-Натше Р.Ш., цит. произв. С. 489–490.

⁷⁶ Речь шла не только о пленарных заседаниях в Мадриде и затем в Вашингтоне, но и об участии Саудовской Аравии в работе комиссий совещания – по вопросам беженцев, водных ресурсов, контроля над вооружениями и региональной безопасности, окружающей среды, экономического развития. Саудовская делегация участвовала во всех проводившихся в рамках мадридского форума мероприятиях, включая и последнее из них – многостороннюю встречу в Москве в феврале 2000 г.

⁷⁷ Здесь и далее см.: Турки бен Мухаммед бен Сауд. Даур визарат хариджий Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи даам аль-кадыя аль-филистьинийя.

⁷⁸ Здесь и далее см.: Crown Prince Abdallah addresses the Arab summit, Beirut, 27th March 2002, <http://www.saudinf.com/>

Полный текст этого документа см. также: Аш-Шарк Аль-Аусат, 2 марта 2003 г. – <http://www.asharqalawasat.com/>

⁷⁹ Данные цит. по: Аль-Джазира, 10 апреля 2002 // <http://www.suhuf.net.sa/>

⁸⁰ Быть может, наиболее яркий пример таких нападок – позиция М.Каддафи, открыто обвинившего принца Абдаллу в ходе состоявшейся в марте 2003 г. в Шарм аш-Шейхе встречи в верхах глав государств и правительств стран-членов ЛАГ в том, что его страна использовала кризис вокруг Кувейта для того, чтобы «содействовать американской оккупации арабского отечества».

– Аш-Шарк Аль-Аусат, 2 марта 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>. После выступления М.Каддафи в Триполи у здания саудовского посольства «впервые в истории отношений между двумя странами» состоялись мощные демонстрации осуждения «проамериканской и проимпериалистической саудовской позиции». – <http://www.elaph.com:9090/>

⁸¹ Название коллективной монографии, посвященной Палестинской войне 1948–1949 гг. – *The War for Palestine: Rewriting the History of 1948*. Cambridge, 2001.

⁸² Аш-Шарк Аль-Аусат, 2 марта 2003 г. – <http://www.asharqalawasat.com/>

⁸³ Сумувва вазир аль-хариджийя. Аль-Иджас ас-сухуфий ад-даурий. Ар-Рияд, 6 майу 2003 (Его высочество министр иностранных дел. Резюме пресс-конференции. Эр-Рияд, 6 мая 2003). – <http://www.mofa.gov.sa/>

⁸⁴ Здесь и далее см.: Полный текст речи короля Фахда см. в: Аш-Шарк Аль-Аусат, 18 мая 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

Глава III

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И СОВЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

На межарабской арене государства, входящие в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), объединяющий соседние с Саудовской Аравией страны, составляют «ближний круг» ее союзников и самых надежных партнеров. Для Саудовской Аравии Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ и Оман, вошедшие в ССАГПЗ, несмотря на существовавшие между ними противоречия главным образом территориального характера, на протяжении всего времени после создания этой организации были надежной опорой саудовского королевства в регионе.

1. Историческая легитимация процесса создания организации

Оценивая сегодня создание этой организации, саудовский исследователь – сотрудник Института дипломатических исследований министерства иностранных дел королевства С.А.Ар-Раджхи отмечал, что вновь созданная политическая структура «должна по праву рассматриваться в качестве ведущего направления региональной внешней политики королевства»¹. Оправдывая свой вывод, он подчеркивал, что речь шла не только об исторических связях и географическом соседстве этих государств, а прежде всего о том, что в этом случае возникало «уникальное, принципиально не похожее на другие межнациональные структуры, образование».

Характерными чертами этого образования становились «династические и племенные связи, а также схожесть политических режимов и хозяйственных систем». Саудовская Аравия, по его словам, была заинтересована в установлении как можно более тесных отношений с этими своими соседями потому, что «многостороннее стратегическое значение» Залива всегда привлекало к нему «внимание великих держав». Это означает, что саудовское государство должно видеть в этом регионе «стратегический тыл королевства». Иными словами, «в контексте иных региональных и международных связей королевства его отношения с государствами-членами Совета сотрудничества должны квалифицироваться в качестве специфически особых вне зависимости от трудностей и расхождений во взглядах как в прошлом, так и в настоящем в том, что касается проблем границ, безопасности, экономики или политики». На фоне окружающих регион Залива «анархии и нестабильности» эти отношения «являются идеальным образцом сотрудни-

чества»². Речь шла об аналоге пояса «дружественных» государств по периметру границ королевства в эпоху Ибн Сауда.

По мнению все того же саудовского автора, еще король Ибн Сауд стремился к тому, чтобы противоречия между этими странами не стали препятствием для укрепления отношений дружбы между королевством и ее соседями³. Саудовский король неоднократно подтверждал «особые исторические связи, которые основываются не только на географической близости, но и на родственных, племенных, политических и экономических связях, корни которых уходят в эпоху существования первого и второго саудовского государства». В этой связи С.А.Ар-Раджхи подчеркивал значение заключенного в 1922 г. Укайрского соглашения, в соответствии с которым произошло разграничение границ между Недждом и Кувейтом, и на спорных территориях была создана нейтральная зона между двумя государствами.

Одним из наиболее принципиальных направлений в деятельности Ибн Сауда в отношении соседних стран было, по мнению того же саудовского исследователя, отстаивание их суверенитета. Как пример подобной деятельности он приводит факт поддержки Ибн Саудом в 1939 г. Кувейта, когда Ирак заявил о необходимости присоединения к нему территории тогда еще протектората Великобритании. Саудовский король выступил с решительным неприятием этой идеи и поддержал суверенитет своего соседа. В 1942 г. было заключено соглашение между саудовским королевством и Кувейтом, предусматривавшее развитие сотрудничества в политической, экономической и торговой областях, а равно и сотрудничество в области безопасности, в частности взаимную выдачу преступников.

В последующий период Саудовская Аравия неоднократно приходила на помощь Кувейту, отстаивая его суверенитет и независимость. Это было связано с намерениями Ирака присоединить соседнее государство или части его территории. Поддержка Саудовской Аравии в 1961, 1973 и в 1974 гг. помогла Кувейту сохранить неприкосновенность и территориальную целостность.

Окончательный уход в 1971 г. Великобритании из Персидского залива создал условия для становления независимости соседних с Саудовской Аравией государств. Саудовское королевство оказывало всестороннюю помощь и поддержку этому процессу. В этот период Саудовская Аравия решительно выступила против претензий Ирана на Бахрейн, который рассматривался им в качестве «неотъемлемой части» этого государства. Благодаря активной деятельности находившегося тогда на саудовском троне короля Фейсала, шах Ирана вынужден был отказаться от своих намерений и признать независимость Бахрейна. Это способствовало дальнейшему сближению между саудовским королевством и Бахрейном, отношения между которыми всегда отличались стабильностью и взаимопониманием. Еще в 1958 г. эти государства смогли решить все спорные вопросы, касающиеся разграничения водного пространства.

Король Фейсал уделял особое внимание решению пограничных проблем с соседними арабскими государствами. В 1974 г. Саудовская Аравия пошла на мирное решение проблемы о принадлежности оазиса Бурайми, на который, помимо Саудовской Аравии, претендовали ОАЭ. В тот же период саудовский монарх заявил о своем намерении решить большинство спорных территориальных проблем между странами – будущими членами ССАГПЗ мирным путем. В то же время он выразил готовность к развитию сотрудничества и координации действий с этими странами в экономической, технической и культурной областях⁴. В 70-х годах Саудовская Аравия оказывала значительную помощь в развитии Бахрейна и Султаната Оман. Между этими тремя государствами были подписаны двусторонние и многосторонние соглашения, направленные на развитие сотрудничества, поддержание стабильности и безопасности в регионе.

После энергетического кризиса 1973–74 гг., который продемонстрировал степень зависимости мировой экономики от нефти Залива, Саудовская Аравия активизировала действия, направленные на объединение всех государств этого региона и заключение соглашения, которое обеспечивало бы его безопасность. Однако, Иран и Ирак не смогли согласовать своих позиций, и эти усилия были обречены на провал. Саудовское руководство не отказалось от намерений упрочить безопасность в районе Залива. В 1976 г. министр внутренних дел принц Наиф бен Абдель Азиз совершил поездку по странам Залива, ставшим впоследствии членами ССАГПЗ, и предложил им заключить соглашения о поддержании внутренней безопасности, предусматривающие прежде всего обмен информацией. Такие соглашения были заключены между Саудовской Аравией и ее будущими партнерами по Совету сотрудничества, за исключением Кувейта, парламент которого воспротивился этому.

В последующие годы Саудовская Аравия действовала в направлении укрепления сотрудничества с соседними арабскими государствами в различных областях. С 1978 г. проходили постоянные консультации между министрами экономики, нефти, обороны и внутренних дел шести государств, направленные на поиски форм сотрудничества и создание структуры, отвечающей интересам всех этих государств. В декабре того же года состоялся визит кувейтской делегации на высшем уровне в пять стран Залива. Его результатом стало совместное заявление государств «шестерки» о необходимости ускорить принятие мер, направленных на укрепление сотрудничества между ними.

2. ССАГПЗ: обстоятельства становления регионального союза

С начала 1980 г. события в Заливе стали развиваться в сторону обострения отношений между Ираном и Ираком, что вызвало опасения у будущих членов Совета сотрудничества, активизировавших обмен

мнениями по вопросу региональной безопасности. В ноябре 1980 г. Саудовская Аравия выдвинула проект обеспечения безопасности всех арабских государств. Против него выступили Иран и Ирак. Однако, как отмечал С.А.Ар-Раджи, это саудовское предложение сыграло свою роль в создании ССАГПЗ⁵.

Объединение арабских государств Залива в рамках единой организации означало наступление нового этапа в их взаимоотношениях, характеризующегося стремлением к следованию в русле единой внешнеполитической стратегии. Это, несомненно, усиливало региональные позиции Саудовской Аравии в ее борьбе за лидирующую роль в зоне Персидского залива, которую она на протяжении всей своей современной истории вела с двумя другими претендентами на нее – Ираном и Ираком. Начало войны между этими двумя соперниками Саудовской Аравии в сентябре 1980 г. послужило толчком для реализации давно вынашивавшейся идеи о создании регионального объединения, естественно, не включившего в свои ряды воюющие страны.

В феврале 1981 г. было проведено совещание министров иностранных дел шести стран – будущих членов вновь создававшегося объединения, которое подготовило проведение совещания глав государств и правительств участников ССАГПЗ. Это совещание прошло в мае 1981 г. в Абу-Даби. В заявлении в то время короля Саудовской Аравии Халеда бен Абдель Азиза было подчеркнуто, что «деятельность организации будет на благо всей арабской нации, так как Залив – неотъемлемая часть арабской нации. В силу этого мы надеемся и будем стремиться к тому, чтобы это объединение было на пользу исламской нации. Ислам – религия мира, религия государств-членов Совета, а эти государства также являются неотъемлемой частью исламского мира и мусульманской нации.

Далее король Халед подчеркивал: «Мы подтверждаем всем, что это объединение будет действовать на благо региона, что оно ни в ближайшей, ни в отдаленной перспективе не ставит своей целью оказывать давление на кого-либо. Объединение не является военным блоком, созданным против кого-либо, либо политическим альянсом, направленным против какой-либо страны. Наше объединение станет местом постоянных встреч между братьями, которые стремятся действовать ради благосостояния, подъема и стабильности народов, живущих по соседству в атмосфере дружбы и взаимопонимания»⁶.

Не случайно, что в этом официальном саудовском документе были выделены три главных элемента, которые саудовское руководство посчитало необходимым разъяснить, говоря о создании ССАГПЗ. Речь шла, во-первых, о том, что Совет сотрудничества связан с арабскими странами, во-вторых, с мусульманским миром, и, наконец, в-третьих, о мирном характере вновь созданного объединения. Конечно, новая организация нуждалась в поддержке со стороны

как арабских, так и мусульманских стран. Но, главным было стремление ее создателей исключить возможность того, чтобы Иран попытался воспользоваться самим фактом создания этого объединения в своих целях. В условиях войны с Ираком он мог спровоцировать втягивание государств-членов этой организации в вооруженное противостояние, чего они всеми силами стремились избежать.

Для Саудовской Аравии отношения с Ираном имели принципиальное значение. Хотя на протяжении всего периода существования современного саудовского государства эти две страны и выступали в качестве региональных соперников, их отношения не были враждебными. Ситуация изменилась только после провозглашения в 1979 г. Исламской Республики Иран (ИРИ), выступившей с претензиями на роль лидера мусульманского мира, противостоящего Саудовской Аравии, которая считала себя ведущим «центром силы» мусульманского региона по праву «хранительницы» святынь Мекки и Медины.

Иран начал активное идеологическое наступление против саудовского режима, который он обвинял в нарушении исламских традиций, предписывавших, чтобы во главе исламского государства был не светский, а духовный руководитель. Кроме того, иранское духовенство обвиняло саудовских правителей в коррупции, отходе от истинно исламского образа жизни, в нарушении норм и предписаний ислама. Иранская пропаганда находила благодатную почву в среде оппозиционно настроенных к режиму саудовских исламистских группировок, которые активизировали свою антиправительственную деятельность. Настоящим шоком для саудовских властей стал захват в 1979 г. исламистами Главной мечети в Мекке. Тогда же начались волнения в Восточной провинции, где большинство населения составляли шииты, виведшие в шиитском Иране своего надежного союзника.

Провозглашенная ИРИ внешнеполитическая концепция «экспорта исламской революции» могла быть направлена прежде всего против соседних стран, что грозило нарушением региональной стабильности. Саудовская Аравия, обладающая самым многочисленным населением, военным и экономическим потенциалом по сравнению с другими арабскими государствами, вошедшими в Совет сотрудничества, брала на себя ответственность за обеспечение региональной безопасности. Иран, который «сохранял свою привлекательность как модель революционных изменений и как источник финансирования оппозиционных групп», мог представлять собой угрозу для Саудовской Аравии в большей или меньшей степени «в зависимости от внутривнутриполитической ситуации, от того, как саудовцы справлялись со своими внутренними политическими проблемами»⁷. Оценка западными специалистами характера взаимоотношений между Саудовской Аравией и Ираном дает возможность глубже осознать те побудительные мотивы, которые лежали в основе саудовской позиции в отношении Совета сотрудничества.

Необходимость опоры на эту структуру в противостоянии с Ираном, несомненно, присутствовала в стратегических планах саудовского руководства. В то же время это руководство стремилось к тому, чтобы вновь созданное объединение не было воспринято в ИРИ в качестве военного союза, имеющего антииранскую направленность. Поэтому саудовские лидеры акцентировали идею о мирном характере этой организации и даже намеренно снижали стоящие перед ней задачи до проведения периодических встреч между руководителями государств, ставших ее членами.

В момент создания ССАГПЗ саудовское руководство было озабочено и проблемой обострения международной ситуации, ставшей итогом ввода советских войск в Афганистан. Оно стремилось к тому, чтобы не допустить втягивания Совета сотрудничества в усиливавшееся противостояние двух супердержав – Соединенных Штатов и Советского Союза. Саудовская позиция по проблеме безопасности Залива была четко выражена в интервью министра иностранных дел саудовского королевства принца Сауда Аль-Фейсала, которое он дал 2 сентября 1981 г. после завершения работы первого заседания Министерского совета ССАГПЗ. Он отметил важность сохранения стабильности в регионе Залива и вывода этого региона за пределы международного противоборства, подчеркивая, что «ответственность за регион лежит только на расположенных там государствах»⁸.

Саудовское руководство считало необходимым четко определить отношение вновь созданной организации к проводимой двумя супердержавами политике, непосредственным образом затрагивавшей интересы государств региона. Речь шла, прежде всего, о выдвинутой в 1980 г. американским президентом Картером доктрине, в соответствии с которой зона Залива была объявлена сферой жизненно важных интересов США, которые взяли на себя ответственность за ее безопасность. По мнению американской администрации, обеспечение безопасности региона требовало усиления американского военного присутствия в Заливе, создания там военных баз и военных объектов, а также размещения на территории государств Совета сотрудничества запасов американских вооружений для использования их в случае возникновения военного конфликта. США рассчитывали и на размещение создаваемых в соответствии с этой доктриной «сил быстрого развертывания» на территории государств ССАГПЗ.

Саудовская Аравия отказалась пойти на уступки США. Ее официальная позиция была вновь выражена С. Аль-Фейсалом 4 апреля 1981 г. в интервью издающейся в ОАЭ газете «Аль-Иттихад». Он заявил: «Саудовская Аравия подтверждает свою неизменную позицию отказа от создания каких-либо иностранных баз или военных объектов под предлогом защиты региона Залива». В интервью была также дана саудовская оценка того, что было названо «советской угрозой» региону и после введения советских войск в Афганистан определено

американской администрацией в качестве главной опасности зоне Персидского залива. Саудовский министр иностранных дел отметил, что «израильская опасность и попрание законных прав арабских народов и отказ от решения палестинской проблемы являются главной заботой арабов и мусульман, так как израильский враг представляет собой главный фактор, препятствующий установлению на Ближнем Востоке стабильности и прочного мира». В то же время С.Аль-Фейсал выразил резкий протест против советской оккупации Афганистана и полную поддержку всех резолюций ООН, содержащих требование немедленного вывода советских войск с афганской территории.

Саудовское руководство активно стремилось избежать того, чтобы США использовали королевство и его партнеров по ССАГПЗ в своем противостоянии Советскому Союзу. В то же время саудовское королевство пыталось оказать на Соединенные Штаты давление с тем, чтобы заставить их более активно участвовать в ближневосточном урегулировании. После изоляции Египта в арабском мире в результате подписания им мирного договора с Израилем, Саудовская Аравия получила уникальный шанс возглавить арабское сообщество. Поэтому ее усилия были направлены на активное противодействие израильской политике, с одной стороны, а, с другой, на поиски методов решения ближневосточного конфликта. Именно в этот период наследный принц Фахд выдвинул свой план мирного разрешения конфликта на Ближнем Востоке. Этот шаг Саудовской Аравии способствовал тому, что ближневосточное урегулирование стало одной из центральных тем, обсуждавшихся членами Совета сотрудничества на совещаниях и встречах различного уровня.

Саудовская Аравия оказала влияние на своих партнеров в определении их позиции по ирано-иракской войне, которая происходила в непосредственной близости от стран-участниц Совета сотрудничества. Участники Совета заняли позицию нейтралитета по отношению к воюющим государствам и заявили о своей приверженности политическим методам решения возникшей между ними конфликтной ситуации. Во всех своих документах организация подчеркивала необходимость скорейшего прекращения военных действий и начала переговоров.

Так, в заключительном коммюнике состоявшегося в Кувейте в ноябре 1984 г. Пятого совещания в верхах глав членов Совета сотрудничества отмечалось, что государства ССАГПЗ готовы продолжать усилия, направленные на мирное разрешение ирано-иракского конфликта. Они поддержали связанные с этим конфликтом мирные инициативы ОИК и Движения неприсоединения, а также выразили готовность предпринять любые практические шаги, способные обеспечить прогресс в переговорах между конфликтующими сторонами⁹. Позиция ССАГПЗ была продиктована как его стремлением избежать непосредственного участия в кон-

фликте, так и возможного враждебного отношения к себе со стороны Ирана или Ирака после окончания военных действий в регионе Залива.

На выработку единого подхода ССАГПЗ к участникам конфликта большое влияние оказали двусторонние отношения государств-членов с каждым из них. Ирак получил безусловную поддержку со стороны Кувейта и Саудовской Аравии. Мотивы, лежавшие в основе именно такой их позиции, были различны. Что касается Кувейта, то он был вынужден проявлять в отношении Ирака максимальную осторожность в силу сохранения территориальных притязаний Ирака на его территорию. В период войны Кувейт предоставлял Ираку значительную финансовую помощь. Кроме того, через его порты шло снабжение Ирака необходимыми товарами и военным снаряжением. Иракские самолеты получили также разрешение на беспрепятственный пролет над территорией Кувейта.

В то же время Кувейт стремился не испортить и отношений с Ираном. Его руководство избегало резких нападок на Иран, несмотря на предпринимавшиеся им агрессивные действия в отношении кувейтского государства: бомбардировка и обстрел ракетами нефтяных сооружений на кувейтской территории, нападения на его танкеры, подстрекательство к террористическим актам экстремистских исламских организаций, действовавших в пределах его границ.

Саудовская Аравия также оказывала большую финансовую и моральную поддержку Ираку. Ее позиция определялась не только высоким уровнем взаимодействия обеих стран накануне войны, но и прежде всего все возрастающими противоречиями с Ираном.

3. Саудовская деятельность в рамках Совета сотрудничества

На начальном этапе деятельности Совета сотрудничества Саудовской Аравии не удавалось проводить все свои решения и получать полное одобрение своих партнеров. Даже план мирного урегулирования, выдвинутый принцем Фахдом, не получил полного кредита доверия со стороны членов ССАГПЗ. На втором заседании Высшего Совета, проходившего в ноябре 1981 г., они одобрили его, но в то же время потребовали от Саудовской Аравии включить его в повестку дня очередного совещания в верхах арабских государств для выработки единой арабской позиции по данному вопросу¹⁰.

Трудности, с которыми сталкивалась Саудовская Аравия, были связаны с опасениями ее партнеров в отношении саудовского доминирования в рамках ССАГПЗ. Это проявилось, в частности, в отказе большинства участников Совета сотрудничества подписать совместное соглашение о безопасности, предложенное Саудовской Аравией в ноябре 1981 г. После создания Совета сотрудничества руководители Саудовской Аравии предложили свою помощь в обеспечении внутренней безопасности партнеров, вплоть до ввода на их террито-

рию саудовских полицейских формирований. Саудовское предложение о заключении двусторонних предварительных соглашений в области поддержания внутренней безопасности, которые должны были стать основой для единого соглашения, обсуждалось на совещании министров иностранных дел в Эр-Рияде в феврале 1981 г. Однако, это предложение не получило всесторонней поддержки из-за опасения малых государств оказаться в зависимости от Саудовской Аравии. Эта страна обладала системой контроля и наблюдения, оснащенной современной техникой, которой не было у остальных членов Совета сотрудничества. Тем не менее, последующее развитие событий в регионе вновь поставило на повестку дня этот вопрос.

Попытка государственного переворота в Бахрейне, предпринятая в декабре 1981 г. под руководством (как было официально объявлено в Манапе) подготовленной в Иране экстремистской группировки ускорила осуществление планов Саудовской Аравии в отношении укрепления сотрудничества в области внутренней безопасности. В феврале 1982 г. в Манапе прошло экстренное совещание министров иностранных дел государств ССАГПЗ, в ходе которого была выражена поддержка Бахрейну и впервые был подтвержден один из основных принципов Совета сотрудничества, рассматривающий агрессию против кого-либо из членов организации в качестве агрессии против всех государств-членов¹¹. В тот же период состоялось совещание министров внутренних дел государств-членов Совета сотрудничества, которые выдвинули предложение о заключении единого соглашения по обеспечению внутренней безопасности¹².

В течение 1982 г. Саудовская Аравия заключила двусторонние договоры о безопасности со всеми государствами-членами ССАГПЗ за исключением Кувейта. Кувейт не хотел быть включенным в орбиту саудовской системы безопасности и решительно выступил также против предложения о заключении единого соглашения о безопасности. Проект этого соглашения из тридцати девяти статей, предусматривал, в частности, унификацию национального законодательства государств – членов Совета сотрудничества, взаимную выдачу преступников, разрешение на преследование подозрительных лиц на расстоянии до тринадцати миль вглубь территории соседнего государства. Он обсуждался на совещании в верхах государств ССАГПЗ в Манапе в ноябре 1982 г. и не был принят. Официально было объявлено о том, что этот вопрос нуждается в более подробном изучении. Наиболее негативную позицию занял Кувейт, который заявил, что предлагаемое соглашение «нанесет удар по демократическим традициям», существующим в этой стране¹³.

Несмотря на то, что заключение единого соглашения по вопросам внутренней безопасности откладывалось, Саудовская Аравия подталкивала государства ССАГПЗ к координации мер, направленных на решение дестабилизирующих внутреннее положение проблем.

Среди них – рост числа иммигрантов, усиление активности экстремистских исламских группировок и другие вопросы.

Саудовское стремление к координации усилий, направленных на поддержание внутренней стабильности государств ССАГПЗ, несмотря на первую неудачу, не было сломлено. Саудовские власти продолжали действовать в этом направлении и добились заключения соглашения о стратегии безопасности государств Совета сотрудничества в декабре 1987 г. Саудовский подход к обеспечению региональной безопасности основывался на убеждении в том, что «безопасность любого государства зависит от безопасности других государств»¹⁴.

Саудовское королевство действовало и в направлении активизации сотрудничества и координации действий в оборонной области. Оно поддерживало идею о создании совместных вооруженных сил государств Совета сотрудничества и разработки совместных планов в сфере координации их оборонной политики. По мнению Саудовской Аравии, речь шла о мерах, необходимых для обеспечения безопасности каждого из государств-членов. Заинтересованность саудовского руководства в принятии единой оборонной политики была оправданной, так как именно Саудовская Аравия могла взять на себя руководство этой сферой взаимодействия между странами – членами ССАГПЗ.

Однако, это противоречило интересам ее партнеров, которые опасались оказаться в полном подчинении у саудовского королевства в случае выполнения ими саудовских предложений, означавших частичную утрату контроля над своими вооруженными силами. Поэтому развитие сотрудничества в военной сфере развивалось медленными темпами. Совместные силы ССАГПЗ «Щит полуострова», созданные по решению Высшего Совета, принятого в 1984 г., оставались немногочисленными, в основном укомплектованными саудовскими кадрами и возглавлявшимися саудовским главнокомандующим.

Трудности, с которыми сталкивалась Саудовская Аравия в реализации своей руководящей роли в рамках ССАГПЗ, носили объективный и объяснимый характер. Вопрос касался того, что, как указывалось, малые государства Персидского залива должны были постепенно отказаться от части национального суверенитета в пользу ведущей державы этой зоны. Тем не менее, каждое из этих малых государств двигалось в этом направлении по-разному, что определялось степенью и уровнем взаимоотношений того или иного среди них с Саудовской Аравией.

Наиболее тесные связи у Саудовской Аравии сложились с Бахрейном. Это естественно и объяснимо, поскольку экономическая зависимость этого государства от саудовского королевства значительно возросла после строительства в 1986 г. дамбы, связавшей обе страны. Их сближению способствовало также и то, что Саудовская Аравия взяла на себя ответственность за сохранение внутривнутриполитической стабильности на Бахрейне после неудавшегося в декабре 1981 г. заговора против его правящего режима, о чем говорилось выше.

Катар и ОАЭ в значительно меньшей степени входят в сферу влияния Саудовской Аравии. Более того, Катар из-за его пограничных противоречий с Саудовской Аравией и недовольства по поводу недостаточной поддержки с ее стороны в его конфликте с Бахрейном, пытается проявить самостоятельность и повысить свою значимость в рамках Совета сотрудничества. В свою очередь, Оман проводит более независимый от Саудовской Аравии курс, чем его соседи, хотя его связи с этой страной выросли в период деятельности ССАГПЗ из-за предоставленных ему ассигнований на развитие обороны.

Взаимоотношения Саудовской Аравии с Кувейтом прошли определенную эволюцию. На начальном этапе существования организации Кувейт в большей степени, чем другие страны, сопротивлялся ее диктату и отстаивал свою самостоятельность. Кувейт занимал особое положение среди малых стран-членов ССАГПЗ. Он раньше других обрел политическую независимость и активизировал свою деятельность на международной арене. Кроме того, он первым приступил к развитию национальной экономики и оказывал своим соседям большую финансовую помощь. Поэтому Кувейт претендовал на главенствующее положение среди малых государств, в какой-то степени соперничая в этом с Саудовской Аравией.

Более того, интенсивность кувейтских контактов с партнерами по организации позволяла ему играть роль второго, хотя и не претендующего на роль ее лидера, «объединяющего» элемента ССАГПЗ. Особый внешнеполитический курс Кувейта, в основе которого всегда лежал принцип сбалансированности международных связей (примером тому выступало раннее установление им дипломатических отношений с Советским Союзом и Китаем), оказал большое влияние на выработку концептуальных положений, которые легли в основу деятельности ССАГПЗ. Однако после иракской агрессии, когда Саудовская Аравия предприняла колоссальные усилия для освобождения Кувейта, саудовско-кувейтские отношения существенным образом изменились. Кувейт окончательно признал лидерство Саудовской Аравии, что способствовало, в конечном итоге, достижению полного взаимопонимания между обеими странами.

4. Саудовская Аравия как «центральное звено» ССАГПЗ

Саудовское королевство выступает в роли единственного государства Совета сотрудничества, обладающего потенциальными возможностями для проведения в рамках этой организации действенной и эффективной «центросиловой» политики. По сути дела, речь идет о естественном процессе развития региональной интеграции. Королевство представляет собой ось политического взаимодействия внутри этого объединения. При этом неуклонное развитие им двусторонних контактов со странами, входящими в ССАГПЗ, укрепляет региональные позиции Саудовской Аравии.

При этом «центросиловые» возможности Саудовской Аравии обусловлены целым рядом факторов. Большинство исследователей, занимающихся изучением этой страны и ее роли в системе региональных отношений, выделяют в качестве главного фактора, определяющего возможности влияния Саудовской Аравии на региональную и международную обстановку, ее нефтяные богатства. Американский исследователь У. Квандт – сотрудник Института Брукса, в течение ряда лет занимавший пост заведующего ближневосточным отделом Совета национальной безопасности США, в своей монографии «Саудовская Аравия в 1980-е годы» утверждал, что «нефть является основой будущего Саудовской Аравии, ее богатства и статуса в международном сообществе»¹⁵. Идентичный подход к этой же проблеме нашел отражение также и в работах российских исследователей – Л.В.Вальковой¹⁶ и В.П.Лукина.

Еще одним существенным фактором внешнеполитической силы Саудовской Аравии, как, в частности, отмечал В.П.Лукин, «является непрерывное наращивание военной мощи страны»¹⁷. В то же время Саудовская Аравия, несмотря на обладание значительным арсеналом современных вооружений, не может считаться мощной военной державой, так как для обороны своей территории от возможной иракской агрессии ей пришлось обращаться за помощью к США. В то же время фактор военной силы не является преобладающим при определении возможности государства оказывать влияние на изменения, происходящие в регионе. На современном этапе эволюции мира для определения центросиловых возможностей того или иного государства на первый план выдвигаются такие критерии, как его экономический, технологический и научный потенциал, а также его внутренняя социально-политическая стабильность. Впрочем, определяя возможности Саудовской Аравии как «центра силы» по отношению к малым арабским государствам зоны Персидского залива, стоило бы добавить, что эта страна, несомненно, превосходит другие государства – члены ССАГПЗ и по численности своего населения, размеру национальной территории, уже достигнутому ею международному финансовому могуществу, как и по определяемому этим могуществом престижу в сфере мировой политики.

Однако, сомнения в правомерности отнесения Саудовской Аравии к государствам, определяющим политическое развитие региона, вызваны, с точки зрения некоторых исследователей, не только ее ограниченными военными ресурсами, но и особенностями внешнеполитического курса. Так, У. Квандт утверждал, что Саудовская Аравия никогда не была сильным лидером, что он объяснял «некоторыми направлениями внешнеполитического курса, основанного на том, чтобы не углублять противоречий, а пытаться достичь консенсуса»¹⁸.

Этот подход представляется односторонним, не учитывающим эффективность дипломатических методов и их преимущество во многих случаях по сравнению с военными. Видимо, напротив, гибкость внешнеполитического курса Саудовской Аравии, ее стремление со-

действовать мирному разрешению конфликтных региональных ситуаций служат укреплению ее престижа и ведущей роли в зоне Залива.

Немаловажное значение для преобладающего влияния Саудовской Аравии в региональном масштабе имеют лидирующие позиции, которые она занимает в мусульманском мире.

Устойчивость саудовского режима, его традиционный характер, но в то же время его все большая адаптация к потребностям современного экономического и политического развития являются одним из тех важных компонентов, которые составляют силу саудовского государства. Стабильность режима достигается также и благодаря сохранению баланса между различными социальными и политическими группами внутри саудовского общества. Несмотря на быстрые темпы модернизации, Саудовской Аравии удалось избежать серьезных социально-политических потрясений.

Стабильность саудовского режима была продемонстрирована в период кризиса в районе Персидского залива 1990–1991 г., вызванного иракской агрессией против Кувейта. Предположения о неизбежности деструктивного влияния на внутреннюю ситуацию в Саудовской Аравии находившихся на ее территории значительных контингентов вооруженных сил США и других западных стран, входивших в антииракскую коалицию, оказались беспочвенными.

Центросиловые возможности Саудовской Аравии в полной мере используются ею с целью упрочения своего лидирующего положения в рамках ССАГПЗ. Однако, существуют и ограничители преобладающего влияния Саудовской Аравии. Далеко не всегда королевству удается добиться согласия своих партнеров по организации на отвечающее его интересам решение назревших вопросов. Об этом свидетельствуют, в частности, те трудности, с которыми Саудовская Аравия столкнулась (об этом говорилось выше) при заключении единого соглашения об обеспечении внутренней безопасности и коллективного договора о совместной обороне. Кроме того, некоторые члены организации время от времени демонстрируют свое недовольство тем, что Саудовская Аравия пытается укрепить свое влияние во всех сферах деятельности организации. Так, во время 16-й встречи глав государств ССАГПЗ в декабре 1995 г. в Маскате представитель Катара покинул зал заседаний в знак протеста против избрания Генеральным секретарем организации представителя Саудовской Аравии Д. И.Аль-Худжейлана.

Кроме того, как показал кризис вокруг Кувейта начала 90 годов, если по отношению к своим партнерам по Совету сотрудничества Саудовская Аравия и могла выступать координирующим и объединительным элементом субрегиональной структуры, то в масштабах региона при столкновении с силами, обладающими значительным военным превосходством, ее центросиловые позиции оказались ущербными. Тем не менее, именно во время кризиса Саудовская Аравия проявила себя как лидер организации, который выступил в защиту одного из ее членов.

Обращение за помощью к США, что было с осуждением воспринято некоторыми арабскими и мусульманскими странами, потребовало от нее огромной решимости. В условиях кризиса Саудовской Аравии удалось сплотить членов организации и продемонстрировать действенность провозглашенного ССАГПЗ принципа – «агрессия против одного члена организации является агрессией против всех ее членов». На созванном тогда по ее инициативе совещании члены Совета сотрудничества договорились о принятии таких срочных мер, как размещение объединенных вооруженных сил «Щит полуострова» на саудовско-иракской границе и подчинение их, как и других воинских национальных формирований государств ССАГПЗ, саудовскому командованию¹⁹.

На территории королевства были размещены военные формирования тридцати двух государств (самыми значительными среди них были американские), общая численность которых составила не менее 750 тыс. солдат и офицеров союзных армий²⁰. Саудовская Аравия взяла на себя львиную долю расходов по финансированию многонациональных сил и выплате компенсации странам, пострадавшим от агрессии²¹. Наконец, на территории Саудовской Аравии действовало кувейтское правительство в изгнании. Там же нашли приют и сотни тысяч кувейтцев, бежавших от иракской оккупации. Победа сил анти-иракской коалиции способствовала повышению престижа Саудовской Аравии и усилению ее влияния в рамках ССАГПЗ.

В посткризисный период саудовское королевство поставило вопрос о необходимости уделять особое внимание проблеме повышения своей обороноспособности как на национальном уровне, так и в рамках всей организации. В ноябре 1993 г. министры обороны государств Совета сотрудничества приняли решение об увеличении численности совместных сил «Щит полуострова» с 8 до 17 тыс. и включении в их состав подразделений военно-воздушных и военно-морских сил²². В 1996 г. было принято решение об увеличении численности сил «Щит полуострова» до 25 тыс. военнослужащих и о создании единой системы слежения и раннего предупреждения²³. Саудовские ПВО должны были составить ее основу.

5. Саудовская дипломатия и ССАГПЗ: после кувейтского кризиса

Уже в начале 90-х годов Саудовская Аравия прилагала активные усилия, направленные на то, чтобы урегулировать спорные проблемы между государствами – членами Совета сотрудничества, с одной стороны, так и между ними и другими государствами, не входящими в эту организацию, с другой. В этой связи она содействовала тому, чтобы все конфликтные ситуации, существующие между государствами ССАГПЗ, были бы разрешены только путем переговоров. Обращение короля Фахда в декабре 1995 г. к государствам ССАГПЗ было призвано доказать это. Он предлагал найти приемлемые (что предполагало по-

иск компромиссного подхода) решения для существующих территориальных проблем между членами этой региональной организации²⁴.

В сентябре 1992 г. обострилась конфликтная ситуация между Саудовской Аравией и Катаром. Перестрелка в пограничном пункте Абу Аль-Хфус могла бы перерасти в вооруженный конфликт, но вмешательство ССАГПЗ предотвратило это.

Граница между Саудовской Аравией и Катаром полностью не демаркирована. Обе стороны не признавали законным территориальное размежевание, осуществленное в соответствии с заключенной в 1913 г. англо-турецкой конвенцией. В 1965 г. между двумя странами был подписан Меморандум о взаимопонимании и признании границ. Однако, на район Абу Аль-Хфус претендовали обе стороны, и этот спор остался неразрешенным. Кроме того, и Саудовская Аравия, и Катар выдвигали претензии на остров Халфул. Катар также был недоволен соглашением от 1974 г. о разграничении территорий между Саудовской Аравией и ОАЭ, согласно которому район Хор Аль-Адайд, на который претендовал Катар, отошел к Саудовской Аравии.

После предоставления в 1971 г. независимости Катару были начаты прямые переговоры между ним и Саудовской Аравией, в результате которых в 1974 г. была начата демаркация границ, которая, однако, так и не была завершена.

Для решения территориальной проблемы Катар предпринял ряд демаршей с целью оказать давление на членов Совета сотрудничества и содействовать их вмешательству в разрешение этого конфликта. Он вывел с территории Кувейта свои воинские формирования, входившие в состав объединенных войск «Щит полуострова», отказался от участия в фестивале молодежи государств ССАГПЗ, проходившем на Бахрейне, а в ноябре 1992 г. бойкотировал совещание Министерского Совета. 3 декабря 1992 г. состоялась встреча министра иностранных дел Катара с королем Фахдом. Саудовский монарх заявил о стремлении своей страны укрепить единство ССАГПЗ и решить все спорные проблемы мирным путем, учитывающим интересы всех сторон²⁵.

Несмотря на эти заверения, Катар угрожал отказом прислать своих представителей на совещание в верхах государств ССАГПЗ, которое должно было начаться 21 декабря 1992 г. в Абу-Даби. Проблема была разрешена при посредничестве президента Египта Х.Мубарака, который 20 декабря того же года встретился с представителями Катара и Саудовской Аравии в Джидде. В ходе этого совещания стороны пришли к взаимному признанию соглашения 1965 г., в которое были внесены некоторые изменения, расширившие катарскую территорию, и тем самым некоторые ее требования были удовлетворены.

В декабре 1994, а затем и в феврале 1995 гг. происходило обострение обстановки в районе саудовско-йеменской границы. Это обострение едва не переросло в вооруженное столкновение между.

Кризис удалось предотвратить, благодаря вмешательству Сирии и Египта. В сентябре 1995 г. Саудовская Аравия и Йемен подписали соглашение об экономическом, торговом и техническом сотрудничестве. Позже было подписано соглашение о совместной борьбе с контрабандой, незаконными переходами границы и преступностью.

Во время саммита в Маскате в декабре 2001 г. лидеры Совета сотрудничества выразили свое согласие на принятие Йемена, одной из беднейших стран арабского мира, в некоторые свои комитеты, ответственные за развитие сотрудничества в области здравоохранения, образования, труда и социальных вопросов. Йемен, который географически не относится к странам Персидского залива, тем не менее, является их ближайшим соседом. Начиная с 1996 г. Йемен проявлял настойчивое стремление стать членом ССАГПЗ, но его не удавалось реализовать из-за противодействия со стороны всех участников этого объединения. Однако, ситуация изменилась, и государства Совета сотрудничества сделали первый шаг в направлении приема Йемена в качестве полноправного члена своей организации.

С начала 90-х годов начинается новый этап во взаимоотношениях между государствами-членами ССАГПЗ и Ираном. Этот этап характеризуется постепенным налаживанием контактов в различных сферах, прежде всего в дипломатической и политической, и стремлением к расширению взаимодействия и реализации взаимных интересов в области экономики. В этот период Саудовская Аравия восстановила прерванные ранее дипломатические отношения с этой страной. Кризис в саудовско-иранских отношениях наступил летом 1987 г., когда в Мекке во время хаджа произошли кровавые столкновения между иранскими паломниками и силами безопасности Саудовской Аравии. Эти столкновения привели к многочисленным человеческим жертвам.

Итогом кровавых событий в Мекке стало установление Эр-Риядом квот для всех государств, участвующих в хадже, что вызвало резкий протест со стороны Ирана. В 1988 г. Иран бойкотировал участие в паломничестве из-за несогласия с выделенной ему квотой. В марте 1988 г. дипломатические отношения между Ираном и Саудовской Аравией были разорваны из-за осложнений, связанных с организацией хаджа. В то же время Саудовская Аравия пошла на это, по-видимому, и из-за стремления оказать давление на Иран в вопросе о заключении им перемирия с Ираком, который в тот период оказался в сложном положении и был готов к прекращению войны.

Восстановление контактов между Саудовской Аравией и Ираном открыло дорогу для налаживания связей с ним и других государств-членов ССАГПЗ. Важным фактором, повлиявшим на улучшение отношений между Ираном и государствами ССАГПЗ, стали изменения на мировом рынке нефти. Иран и члены Совета сотрудничества, как важнейшие нефтеэкспортеры, вынуждены координировать свою нефтяную политику в рамках ОПЕК и согласовывать свои решения по

вопросам нефти, учитывая особенности региональной ситуации. В начале 90-х годов Иран воспользовался тем, что Ирак и Кувейт резко сократили добычу нефти в период кризиса, вызванного иракской агрессией, и стал наращивать объемы добычи нефти. Саудовская Аравия, которая также увеличила уровень добываемой ею нефти, не препятствовала этому. Лидирующее положение Саудовской Аравии в ОПЕК дает ей решающий голос в определении политики организации стран-экспортеров нефти.

Иран в прошлом нередко занимал в рамках ОПЕК позицию, которая не совпадала с саудовской. Он был сторонником повышения уровня добычи нефти и превышал выделенные ему квоты. В конце 90-х и в начале 2000 г. положение в этой сфере изменилось. Ограниченные возможности Ирака, который в условиях режима санкций не был способен наращивать добычу и экспорт нефти, ставили перед соседними нефтедобывающими государствами задачу поддержания стабильности нефтяного рынка. Это требовало от них согласования позиций и совместных усилий, направленных на реализацию этой задачи.

В отношении обеспечения региональной безопасности концептуальные подходы Ирана и государств-членов ССАГПЗ по некоторым параметрам также совпадают. Оба актора региональной системы международных отношений считают, что обеспечение региональной безопасности является делом самих государств этого региона. В то же время государства ССАГПЗ настаивают на том, что гарантировать безопасность региона должно и мировое сообщество в лице постоянных членов Совета Безопасности ООН. С этой целью государства, входящие в Совет сотрудничества, заключили двусторонние оборонные соглашения с США, Великобританией и Францией. Кувейт и Саудовская Аравия имеют аналогичные соглашения с Италией. Кувейт же заключил соглашение о совместной обороне и с Россией.

Иран же возражал против того, чтобы в обеспечении региональной безопасности участвовали внешние силы. Он решительно выступал против военного присутствия в зоне Персидского залива внерегиональных государств, заявляя о своей готовности взять на себя обязательства по обеспечению региональной безопасности. Однако, другие государства региона (Саудовская Аравия была в их числе) не были с этим согласны. Более того, когда Иран приступил к модернизации своих вооруженных сил и оснащению их современным вооружением, государства ССАГПЗ и в первую очередь Саудовская Аравия высказали в связи с этим свои опасения в отношении того, что действия соседней страны приведут к усилению гонки вооружений в зоне Залива. Саудовская Аравия обеспокоена также тем, что Иран приобрел у России подводные лодки, что меняет качественным образом соотношение военно-политических сил в региональном масштабе. В западных источниках появляются сообщения о том, что Саудовская

Аравия также намерена закупить подводные лодки для того, чтобы уменьшить создавшийся дисбаланс²⁶. У Саудовской Аравии и ее партнеров по ССАГПЗ также вызывает озабоченность политика Ирана, направленная на создание собственных ракетно-ядерных сил.

Несмотря на имеющиеся разногласия в подходе Ирана и Совета сотрудничества к способам обеспечения региональной безопасности, подписание в апреле 2001 г. Пакта о безопасности между Ираном и Саудовской Аравией стало свидетельством их стремления к сглаживанию противоречий. Пакт включил в себя положения, касающиеся совместной борьбы с терроризмом, организованной преступностью, а также вопросы о разграничении границ и территориальных вод. В то же время это соглашение не предусматривало развития военного сотрудничества, на чем настаивала иранская сторона²⁷. Государства ССАГПЗ (в первую очередь Саудовская Аравия, которая в этом случае транслирует точку зрения своих малых партнеров) опасаются того, что они могут оказаться в зависимости от Ирана, военные возможности которого несопоставимы с возможностями отдельных членов этой организации и даже всех их вместе взятых. Саудовская Аравия заинтересована в том, чтобы Иран стал не только ее партнером в решении региональных проблем и развитии экономических и торговых связей, но и партнером всех государств Совета сотрудничества, особенно в свете неурегулированности положения в Ираке.

6. Саудовская позиция по вопросу путей развития ССАГПЗ

Время после завершения кризиса вокруг Кувейта становилось важным этапом во внешнеполитической деятельности саудовского королевства, направленной на укрепление ССАГПЗ. Тому было немало причин, едва ли не важнейшей среди которых становилась необходимость обращения к помощи внерегиональных держав, поддерживавших свое военное присутствие на территории стран-членов Совета сотрудничества, в интересах сохранения *status quo* в Персидском заливе. Едва ли не важнейшим саудовским начинанием в этой связи становилась инициатива трансформации Совета, выдвинутая королевством в преддверии и в ходе работы 22-й сессии Высшего совета государств, входящих в ССАГПЗ, состоявшейся в конце декабря 2001 г. в Маскате. Впрочем, стремление саудовской дипломатии к укреплению этой организации в немалой степени диктовалось и последствиями сентябрьских террористических актов 2001 г. на территории Соединенных Штатов.

Накануне открытия сессии высшего органа Совета сотрудничества в Маскате король Фахд в специальном интервью Оманскому информационному агентству подчеркивал, что «позиции государств Совета во многом совпадают в том, что касается интересов региона и его народов»²⁸. Тем не менее, саудовский монарх выражал настойчивое пожелание своей страны, заявлявшей о том, что дальнейшая эволюция Совета сотрудничества должна строиться «на основе про-

грамм партнерства и создании единого экономического рынка». Лишь так, добавлял он, «наше процветающее сообщество в регионе Залива сможет стать сильнее и влиятельнее в наших отношениях с другими». Речь шла прежде всего о том, что в развитии ССАГПЗ должен наступить «качественный скачок, благодаря которому входящие в него государства преодолеют трудности, продвигаясь по пути достижения экономической и политической интеграции в качестве образца для подражания для всех, кто действует на попроще арабизма и ислама».

Разумеется, король Фахд говорил и о последствиях событий 11 сентября 2001 г. в Соединенных Штатах. Для Саудовской Аравии, едва ли не официально обвинявшейся в том, что ее граждане выступили в Нью-Йорке и Вашингтоне в роли террористов-смертников, это был принципиальный поворот темы. Но эти события в неменьшей степени отразились и на других государствах Залива, граждане которых (в частности, Кувейта, Катара и ОАЭ) подозревались в причастности к деятельности «Аль-Каиды» и направлении средств из действовавших на их территории религиозных благотворительных фондов на финансирование международного терроризма. Король Фахд не только подчеркивал, что Саудовская Аравия «не раз настойчиво обращалась к Совету с требованием искоренить террористическую угрозу». Он также предлагал объединить усилия «наших братьев-членов Совета с тем, чтобы мы вместе предприняли бы все необходимое ради поддержки мирового сообщества в его борьбе за ликвидацию не имеющего ни родины, ни религии терроризма».

В этом интервью монарха вновь возникало несколько сюжетов, важных для саудовской политики в отношении ССАГПЗ. Она вновь квалифицировала эту организацию как элемент безопасности в арабском и мусульманском мире, и подчеркивала важность ее дальнейшего развития в интересах обеспечения стабильности и в окружающем ее регионе. Для этой политики было существенно восстановить образ Совета сотрудничества в качестве неотъемлемой части существующего миропорядка, отвергнув обвинения в причастности входящих в него стран к международному терроризму. Впрочем, призыв короля Фахда к вхождению этих стран в международную антитеррористическую коалицию мог рассматриваться как путь к дальнейшему расширению влияния его государства в рядах ССАГПЗ, которое, в свою очередь, могло бы стать центром притяжения для арабских и мусульманских государств.

Одновременно саудовский монарх предлагал и другое направление (однако не новое для курса королевства²⁹) сплочения Совета в целях дальнейшего укрепления в его рядах позиций своей страны. Речь шла о положении на территории, управляемой Палестинской Национальной Администрацией. Король Фахд подчеркивал: «Наше благородное объединение всегда выступало инициатором служения задачам, стоящим перед арабским и мусульманским миром, прежде всего, его первой про-

блемы – положения братского палестинского народа и обретения им законных прав на родную землю. Государства Совета должны продолжить свои усилия, используя все доступные им каналы, для того, чтобы заставить международное сообщество активизировать свою роль в деле претворения в жизнь связанных с палестинцами решений международных инстанций»³⁰. Это было действительно конкретное направление укрепления внутреннего единства Совета сотрудничества, его роли в арабо-мусульманском регионе и, наконец, позиций Саудовской Аравии в качестве выразителя интересов тех стран и народов, в политическом поле которых она стремилась быть ведущим актором.

Идеи короля Фахда последовательно и целенаправленно развивались в речи³¹, произнесенной наследным принцем Абдаллой 30 декабря 2001 г., в день открытия сессии Высшего совета ССАГПЗ в оманской столице³². Он говорил прежде всего об ущербе, нанесенном странам Залива террористами, совершившими акты насилия в американских городах. Но кто был виноват в том, что этот ущерб был нанесен? И будет ли этот ущерб возмещен, если страны ССАГПЗ будут в свете событий 11 сентября 2001 г. ограничиваться лишь проведением «чрезвычайных саммитов, которые станут принимать основанные на эмоциях решения, способные исчерпать себя до того, как высохнут чернила, которыми они написаны?». Этот вопрос принц Абдалла задавал участникам сессии. И он же на него отвечал, что в ущербе, нанесенном ССАГПЗ, всему арабо-мусульманскому миру виноваты, прежде всего, правящие режимы Совета, сами арабы и мусульмане.

ССАГПЗ все еще далек от того, чтобы стать подлинно единой организацией. «Настоящее единство, – подчеркивал саудовский наследный принц, – не вытекает из формально провозглашаемых совместными экономических проектов». Если в границах геополитического пространства Совета сотрудничества и существует немало все еще остающихся неурегулированными проблем, то «это естественное состояние даже для жизни одной семьи». Неестественно другое, подчеркивал принц Абдалла: отсутствие в Совете «реальных эффективных институтов, призванных решать конфликты до того, как они оказываются способны проявить себя». Более того, как вытекало из его слов, «мы не должны стесняться сказать самим себе, что мы все еще не достигли тех целей, ради которых создавался Совет». Движение к этим целям осуществляется «медленно, не отвечая духу времени». Даже если в основном и решены пограничные споры, страны Залива все еще не сформировали «общие вооруженные силы, способные отразить противника и поддержать друга». В странах Залива все еще отсутствует «единый рынок, не выработана общая политическая позиция в отношении кризисных ситуаций». По мнению лидера саудовского королевства, «препятствием на пути усилий Совета в направлении интеграции и объединения выступает традиционное понимание сути национального суверенитета».

Изменения международного масштаба, вытекавшие из задачи формирования антитеррористической коалиции, требовали, чтобы страны ССАГПЗ «предприняли бы чрезвычайные усилия для решения задач экономического характера – противодействия снижению мировых цен на нефть». Они должны были решать и принципиальную задачу. Темпы мирового развития столь велики, что влиять на них государства Совета сотрудничества могут только «при условии, что они будут мыслить сообща и говорить с миром единым голосом». Этим государствам стоит задуматься над тем, как сохранить «свою культурно-цивилизационную самобытность в условиях, когда их арабо-мусульманская специфика подвергается многообразному и целенаправленному давлению, способному исказить ее подлинное содержание».

Однако, саудовский наследный принц говорил о дальнейшей интеграции стран ССАГПЗ в более широком контексте. По сути дела, в своей речи в Маскате он впервые поставил вопрос о «наведении порядка в арабском доме» или, иначе говоря, о необходимости проведения реформ в границах арабского геополитического сообщества. Странам Совета сотрудничества предлагалось выступить инициаторами этого начинания.

Как заявлял принц Абдалла, «задача интеграции и объединения, стоящая перед нами в регионе Арабского (Персидского, – *авторы*) залива, не отличается от той задачи, которую мы должны решать на уровне арабской и мусульманской нации». Поскольку страны Залива «неотъемлемая часть арабо-мусульманской нации, постольку реформа этой нации, ее прогресс невозможны без реформы и прогресса государств Совета сотрудничества». Это был важный вывод, вытекавший из контекста отношений между Саудовской Аравией и ее ближайшими соседями – государствами-членами ССАГПЗ. В какой мере саудовские усилия содействовали реализации этого вывода?

7. Саудовская Аравия и ССАГПЗ: кризис вокруг Ирака

Иракский кризис, обострившейся в результате настойчивого желания США доказать наличие в Ираке оружия массового поражения и возможность его использования террористическими группировками, имеющими связь с иракским руководством, поставил саудовское королевство и другие государства ССАГПЗ в крайне тяжелое положение. С одной стороны, они были заинтересованы в разоружении Ирака, который представлял реальную угрозу для их безопасности, с другой, они не могли встать на сторону тех сил, которые выступали за принятие в отношении Ирака жестких мер, в том числе военных. Кроме того, большинство членов Совета сотрудничества, за исключением Кувейта и Саудовской Аравии, восстановили дипломатические связи с Ираком и приступили к расширению с ним контактов прежде всего в торговой области.

До начала военной операции в Ираке ССАГПЗ поддерживал требования, содержащиеся в резолюции № 1441, принятой Советом Безопасности ООН в ноябре 2002 г. В то же время его усилия были направлены на то, чтобы сохранить целостность Ирака. В резолюции совещания в верхах глав государств и правительств ССАГПЗ, проходившего в столице Омана Маскате в конце декабря 2001 г., были подтверждены позиции организации в отношении необходимости уважения независимости Ирака и его территориальной целостности. Это региональное объединение также считало важным подчеркнуть, что оно против вмешательства во внутренние дела соседней арабской страны³³.

Государства Совета сотрудничества продолжали настаивать на том, что Ирак должен выполнить все требования, содержащиеся в резолюциях Совета Безопасности ООН, принятых в период после августа 1990 г., когда имела место иракская агрессия против Кувейта. Предъявлявшееся ССАГПЗ к Ираку требование принять резолюцию № 1441 Совета Безопасности ООН было едва ли не основой его позиции в преддверии начала военной акции³⁴. Тем самым, позиция Саудовской Аравии была определяющей для всех государств-членов этой организации, которые стремились избежать военной акции против Ирака. Эта позиция проявила себя и в ходе работы состоявшегося в декабре 2002 г. в Дохе саммита ССАГПЗ, где главы государств-членов Совета сотрудничества заявили, считая необходимым вновь подчеркнуть значение резолюции № 1441, что ее, по сути дела, ведущим положением выступает «идея возвращения международных инспекторов в Ирак»³⁵.

В начале марта 2003 г. Министерский совет ССАГПЗ, собравшийся в начале марта на заседание в катарской столице, был впервые ознакомлен с инициативой президента ОАЭ шейха Заида Аль Нахайяна, предлагавшего С.Хусейну уйти в отставку во избежание грядущей войны. Эта инициатива была немедленно поддержана Саудовской Аравией, Бахрейном и Кувейтом³⁶. По предложению этих стран (и, естественно, ОАЭ) было высказано пожелание, чтобы инициатива шейха Заида была обсуждена «во всеарабском масштабе». Это было важное предложение, предполагавшее получение всеарабской легитимации инициативы одного из государств-членов ССАГПЗ. В начале марта 2003 г. по инициативе стран-членов инициатива шейха Заида (принявшая форму развернутого документа) стала предметом рассмотрения совещания глав государств и правительств арабских стран в Шарм аш-Шейхе (но не была единодушно поддержана его участниками).

Эта инициатива подчеркивала, что развитие событий, связанных с кризисом в Ираке, грозит многочисленными опасностями арабской нации и всему миру. Кроме того, в ней содержался призыв к руководителям арабских стран найти выход из этого сложного и опасного

кризиса, сохранить территориальную целостность Ирака, оградить его народ от разрушений, кровопролития и ненужных жертв. Для выполнения этого шейх Заид предлагал руководству Ирака, во-первых, отказаться от власти и покинуть страну в течение двух недель после принятия совещанием в верхах данной резолюции, во-вторых, дать необходимые юридические гарантии иракскому руководству на местном и международном уровне в том, что оно не будет подвергаться каким-либо преследованиям. Кроме того, инициатива шейха Заида предполагала объявить об амнистии всех иракцев, проживающих в стране и за ее пределами, считая необходимым, чтобы ЛАГ, при сотрудничестве с Генеральным секретарем ООН, взяла на себя ответственность за положение в Ираке в течение переходного периода. В это время должны быть проведены необходимые мероприятия по возвращению дел к «их естественному состоянию, отвечающему чаяниям братского иракского народа»³⁷.

Документ, предложенный главой ОАЭ арабскому сообществу, отразил как настроения, так и стремления государств ССАГПЗ до начала военной операции против Ирака. Они были озабочены тем, чтобы предотвратить войну и сохранить территориальную целостность Ирака и считали, что только иракское руководство в силах это сделать. Показательно, что в нем не содержалось нападок в адрес Соединенных Штатов, в то же время главная роль в урегулировании положения в Ираке была отведена ЛАГ и ООН. Инициатива шейха Заида едва ли не впервые и в истории существования ССАГПЗ, и арабского мира поставила вопрос о принципах взаимодействия между правящим истеблишментом одного из арабских государств, с одной стороны, и гражданами этого государства, с другой. Речь шла о признании государствами Совета сотрудничества принципа ограниченности национального суверенитета в условиях глобализирующего мира. Одно из положений (едва ли не самое принципиальное и одновременно касающееся вопросов «реформы арабского мира») речи саудовского наследного принца на саммите ССАГПЗ в Маскате вступало в стадию своей реализации.

Военная акция, начатая Соединенными Штатами и их союзниками, не привела к расколу в рядах ССАГПЗ, хотя политика его стран-членов в этот период не была идентичной. Необходимо упомянуть о таком важном факте, как решение Совета сотрудничества разместить свои объединенные вооруженные силы «Щит полуострова» на иракско-кувейтской границе для защиты Кувейта от возможного нападения со стороны Ирака. Тем не менее, можно разделить страны «шестерки» на несколько групп по степени их вовлеченности в военные действия против Ирака. Кувейт примкнул к тем странам, которые полностью поддерживали военную акцию. Он дал разрешение на использование своей территории для действий антииракской коалиции. После нане-

сения ракетных ударов по территории Кувейта со стороны Ирака, он оказался в состоянии войны с этой страной.

Совет сотрудничества расценил удары Ирака по кувейтской территории как агрессию против этой страны. В заявлении, с которым выступил Генеральный секретарь ССАГПЗ Абд ар-Рахман аль-Атыйя, отмечалось, что «агрессивные действия Ирака означают нарушение резолюций Совета Безопасности ООН и Устава ООН». В заявлении не говорилось о действиях американских войск в регионе, лишь была выражена надежда на то, что «братский иракский народ скоро сможет вернуться к обычной жизни и что не будет нарушена территориальная целостность его страны»³⁸.

На территории Катара также были размещены вооруженные формирования Соединенных Штатов и Великобритании, которые участвовали в военной акции против Ирака. Однако, катарская армия в этой акции не принимала участия.

Бахрейн не предполагал участвовать в военных действиях против Ирака, тем не менее, войска антииракской коалиции находились на его территории. Более того, руководство страны выразило готовность послать свои войска для поддержания мира в Ираке после того, как там будут завершены военные действия.

Оман занял нейтральную позицию, отказавшись от каких-либо активных действий и на раннем этапе кризиса, и в ходе военной стадии его развития.

Наконец, в самом сложном положении оказалась Саудовская Аравия. Выступая в качестве лидера ССАГПЗ и государства, претендующего на руководящую роль в арабском и мусульманском мире, королевство должно было занять осторожную и взвешенную позицию, исключая критику со стороны арабских и мусульманских государств и позволяющую сохранить хорошие отношения с Соединенными Штатами – своим союзником на протяжении длительного периода времени.

В подходах саудовского королевства обращало на себя внимание несколько важных для понимания его региональной политики положений. Саудовское руководство не выдвигало обвинений в адрес США, всю вину за кризис оно возлагало на иракскую сторону, которая на протяжении двенадцати лет, прошедших после иракской агрессии против Кувейта не выполнила требований, содержащихся в резолюциях Совета Безопасности ООН. Кроме того, саудовские лидеры не сомневались в том, что у Ирака имелось оружие массового поражения, и они были заинтересованы в его уничтожении, принимая во внимание враждебные отношения Ирака с Кувейтом и необходимость для Саудовской Аравии встать на его защиту в случае новой иракской агрессии против одного из партнеров по Совету сотрудничества. Лояльное отношение к Соединенным Штатам оговаривалось условием решения палестинского вопроса, что должно было стать оправданием для саудовской политики в регионе.

Иными словами, позиция Саудовской Аравии в период иракского кризиса объяснима, не только ее ролью в арабском и мусульманском мире, но и ее стремлением сохранить единство ССАГПЗ в качестве одного из основных приоритетов ее внешнеполитической деятельности.

Впрочем, уже после окончания военных действий в Ираке это стремление вновь было поставлено Саудовской Аравией в контекст «безопасности и стабильности» региона и Персидского залива, и всего арабского мира. При этом становилось очевидным, что саудовская постановка вопроса предполагает выделение в составе государств-членов ССАГПЗ тех стран, которые в большей мере готовы разделить ее позицию. Состоявшееся 18–19 апреля 2003 г. в Эр-Рияде и созданное по инициативе саудовской стороны «региональное совещание» министров иностранных государств-соседей Ирака (в работе которого принимали участие, кроме саудовского королевства, лишь два участника Совета сотрудничества – Кувейт и Бахрейн)³⁹ было посвящено этой проблеме.

Выступая на совещании (где присутствовал наследный принц Абдалла), глава внешнеполитического ведомства страны-организатора совещания С.Аль-Фейсал был конкретен и четок. Речь шла об «обязательном учете той ситуации, которую создала война, а не той, которую мы желали бы видеть или реализовать, абстрагируясь от этой ситуации»⁴⁰. Это означало, что соседи Ирака должны стремиться к тому, чтобы была сохранена «территориальная целостность Ирака, его независимость и его положение в регионе». Реализовать это, по словам С.Аль-Фейсала, можно еще и потому, что с этой позицией согласны США и Великобритания. Впрочем, позиция королевства (как и двух стран Совета сотрудничества) совпадала и в том, что арабские страны, используя общность своих подходов и подходов стран-участниц военной акции, должны содействовать «скорейшему созданию конституционного правительства Ирака, опирающегося на широкое представительство, отражающее устремления и чаяния всех групп иракского народа». В дальнейшем же это правительство, признанное иракскими соседями и международным сообществом, станет «выразителем воли иракцев – единственных владельцев своей земли и ее богатств» и установит со своими соседями «отношения дружбы, прозрачности и конструктивного сотрудничества».

Но все эти задачи ставились саудовским министром в более широкий контекст. Он выражал надежду, что «война в Ираке станет последним актом насилия в регионе, уже много лет живущем в обстановке конфликтов и войн», что Соединенные Штаты смогут содействовать возобновлению палестино-израильского и арабо-израильского (включая, прежде всего, Сирию) мирного процесса. Инициатива принца Абдаллы, принятая бейрутским саммитом, в этой связи вновь провозглашалась «рамками, ведущими к завершению арабо-израильского противостояния». Регион арабского мира и Ближнего Востока, как подчеркивал С.Аль-Фейсал, должен, в конце-концов, «покончить с войнами, потрясениями и акциями насилия» и пойти по пути «развития и процветания»⁴¹.

В свою очередь, саудовская позиция, скорее всего (хотя и не в полном объеме и не без оговорок), оказывалась приемлемой и для всех государств ССАГПЗ. В конце мая 2003 г. с визитом в Эр-Рияде (где в это время проходило совещание министров внутренних дел стран-членов Совета сотрудничества, обсуждавших пути координации действий для противостояния террористическим и экстремистским организациям на их территории) находился с визитом Генеральный секретарь ССАГПЗ А.Х.Аль-Атыйя. В ходе состоявшейся тогда же пресс-конференции он выразил солидарность ближайших соседей с королевством, подвергшимся 12 мая 2003 г. ударам со стороны террористов.

Одновременно он подчеркивал, что «интересы стабильности и безопасности» Персидского залива требуют развития отношений между ССАГПЗ и Ираном (при сохранении принципиальной позиции Совета по вопросу трех спорных островов, право собственности, которые отстаивают ОАЭ). Он считал важным подчеркнуть, что в отношении Йемена Совет сотрудничества будет и в дальнейшем проводить курс на расширение своих контактов с этой страной Аравийского полуострова, «проделавшей, – по его словам, – значительный путь к тому, чтобы быть включенной в институты Совета сотрудничества». Наконец, касаясь будущего Ирака, А.Х.Аль-Атыйя считал необходимым отметить, что после крушения режима С. Хусейна эта страна «имеет право сыграть свою роль в институтах Совета сотрудничества»⁴².

¹ Ар-Раджхи С.А. Аль-Илякат ас-саудий аль-халиджийя (Отношения Саудовской Аравии со странами Залива) // Ас-Сияса аль-хариджийя ли-ль Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм. С. 125.

² Ар-Раджхи С.А., цит. произв. С. 125.

³ Здесь и далее см.: Там же. С. 126–131.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ Там же. С. 144.

⁶ Тасрих ли-ль-ахиль ас-саудий (Заявление саудовского монарха). – Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя (Документы Совета сотрудничества арабских государств Залива). Доха, 1983. С. 104–105.

⁷ Chubin S., Tripp Ch. Iran and Saudi Arabia in the balance of power in the Gulf. L., 1996. P. 61.

⁸ Муатамар сухуфий ли вазир аль-хариджийя ас-саудий (Пресс-конференция саудовского министра иностранных дел). – Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя. С. 158–159.

⁹ Аль-Баянат аль-хитамиийя ли иджтимаат аль-Маджлис аль-аая. Маджлис ат-таавун ли дуваль аль-Халидж аль-арабийя. Аль-Имана Аль-Амма (Заключительные коммюнике совещаний Высшего совета. Совет сотрудничества арабских государств Залива. Генеральный Секретариат). Эр-Рияд, 1991. С. 26.

¹⁰ Аль-Баянат аль-хитамиийя ли даурат Аль-Маджлис аль-аая ли Маджлис ат-таавун ли дувваль аль-халидж аль-арабийя (Заключительные коммюнике

сессии Высшего совета Совета сотрудничества арабских государств Залива), Эр-Рияд, 1997. С. 21.

¹¹ Васаик Маджлис ат-таавун аль-халиджий. Аль-джуж ас-сани (Документы Совета сотрудничества арабских государств Залива. Часть вторая). Доха, 1988. С. 86

¹² Там же. С. 88–90

¹³ MEED, 22 July 1983. P. 4.

¹⁴ Сахифат «Указ» ас-саудий ан киммат Маджлис ат-таавун (Саудовская газета «Указ» о саммите Совета сотрудничества). Цит. по: Васаик Маджлис ат-таавун аль-халиджи. Аль-джуж ас-сани. С. 401.

¹⁵ Quandt W. B. Saudi Arabia in 1980-s. Wash., 1981. P. 3.

¹⁶ См., в частности, об этом: Валькова Л.В. Саудовская Аравия. Нефть, ислам, политика. М. 1987. С. 56–67.

¹⁷ Лукин В.П. Центры силы. Концепции и реальность, М., 1983, с. 177.

¹⁸ Quandt W.B. Op. cit. P. 12.

¹⁹ См. об этом, в частности: Халед ибн Султан, цит. произв. С. 186–187.

²⁰ Ар-Раджхи С.А., цит. произв. С. 152.

²¹ В течение времени подготовки и проведения операции по освобождению Кувейта расходы Саудовской Аравии составили более 55 млрд. долларов США, что равнялось 31% общей суммы расходов стран антииракской коалиции по «восстановлению международной законности» в зоне Персидского залива. – Там же. С. 154–155.

²² The Middle East and North Africa 1996, L., 1996. P. 219.

²³ Ibid. P. 161.

²⁴ Middle East Policy, vol. IY, N 4, Oct.1996. P. 159.

²⁵ Здесь и далее см.: Al-Alkim H.H. The GCC States in an Unstable World. Foreign Policy Dilemmas of Small States. L., 1994. P. 81.

²⁶ The Military Balance 2000–2001. L., 2001. P. 131.

²⁷ The Military Balance 2001–2002. L., 2002. P. 134.

²⁸ Здесь и далее см.: Хадис Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн ли Викалят аль-анба аль-умманийя. 29 десембер 2001 (Заявление Хранителя Двух Святых Оманскому информационному агентству. 29 декабря 2001). – <http://www.mofa.gov.sa/>

²⁹ См., например: Аль-Баян ас-сухуфий аль-лязи асдараху Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя фи хитам аамаль ад-даура араба ва аль-ишрин аль-истиснайя ли-ль Маджлис аль-визарий. Джидда. 11 йулиу 2001 (Заявление для прессы, принятое ССАГПЗ по завершению двадцать четвертой, чрезвычайной сессии Министерского совета. Джидда. 11 июля 2001). – <http://www.mofa.gov.sa/>

³⁰ Хадис Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн ли Викалят аль-анба аль-умманийя.

³¹ Пресса стран Залива квалифицировала эту речь как «самую сильную критику ситуации в Совете сотрудничества». – См., например: Аль-Амир Абдалла фи аква интикад ли-ль вад аль-халиджий (Принц Абдалла резко кри-

тикует ССАГПЗ). – Аль-Ватан, Эль-Кувейт, 31 декабря 2001. – <http://www.alwatan/com.kw/>

³² Здесь и далее см.: Сумувву вали аль-ахд. Калимат аль-джальса аль-ифтиханий фи ад-даура ас-сания ва аль-ишрин лиль Маджлис аль-аала ли Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя. Маскат, 30 декабря 2001 (Его высочество наследный принц. Выступление на церемонии открытия двадцать второй сессии Высшего совета ССАГПЗ. Маскат, 30 декабря 2001). – <http://www.mofa.gov.sa/>

³³ Текст резолюции см. в: Аш-Шарк Аль-Аусат, 1 января 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

³⁴ Маджлис ат-таавун ядъу Аль-Ирак ли кубуль карар Маджлис аль-амн (Совет сотрудничества призывает Ирак принять резолюцию Совета Безопасности). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 23 декабря 2002. – <http://www.asharqalawasat.com/>

³⁵ Текст заключительного коммюнике этого совещания в верхах см. в: Аш-Шарк Аль-Аусат, 13 ноября 2002. – <http://www.asharqalawasat.com/>

³⁶ См., в частности, заявление саудовского министра иностранных дел С. Аль-Фейсала о поддержке его страной инициативы лидера ОАЭ в: Тасрих сумувву аль-амир Сауд Аль-Фейсал. 3 март 2003 (Заявление его высочества принца С. Аль-Фейсала. 3 марта 2003). – <http://www.mofa.gov.sa/>

См. также: Аль-Арабийя Ас-Саудийя юайид мубадарат аш-шейх Заид (Саудовская Аравия поддерживает инициативу шейха Заида). – Elaph Publication, 2 марта 2003. – <http://www.elaph.com/>

³⁷ Ан-Насс аль-харфий ли мубадарат аш-шейх Заид (Полный текст инициативы шейха Заида). – Elaph Publications, 1 марта 2003. – <http://www.elaph.com/>

³⁸ Маджлис ат-таавун юдин дарабат Аль-Ирак ли-ль Кувейт (Совет сотрудничества осуждает удары Ирака по Кувейту). – Elaph Publication, 21 марта 2003. – <http://www.elaph.com/>

³⁹ Его участниками были также Сирия, Иордания, Турция и Иран. Вместе с ними в нем по приглашению Саудовской Аравии принимал участие Египет.

⁴⁰ Здесь и далее см.: Аль-Амир Абдалла ябхас маа аль-вузара аль-мушарикин фи аль-муатамар аль-иклими ли дувваль аль-дживар аль-иракий аль-вад ар-рахин (Принц Абдалла обсуждает вместе с министрами-участниками регионального совещания государств-соседей Ирака нынешнюю ситуацию). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 19 апреля 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

⁴¹ Принятое совещанием коммюнике подчеркивало стремление его участников видеть Ирак «стабильным и территориально единым». В нем отмечалось, что «использование природных богатств» Ирака должно отвечать интересам «законного правительства и народа» этой страны. В Ираке, как заявлял этот документ, должно быть «как можно скорее создано демократическое правительство» и разработана «удовлетворяющая народ Ирака конституция», благодаря которой страна будет «жить в мире со своими соседями». Считая, что ООН призвана сыграть «центральную роль в обустройстве послевоенного Ирака», а войска стран-участниц коалиции – покинуть Ирак и «предоставить иракцам право на самоопределение», страны-соседи Ирака выразили свою полную готовность «участвовать в международных

усилиях по оказанию гуманитарной помощи народу Ирака, а также в его обустройстве». – Насс аль-баян аль-хитами ли аль-муатамар аль-иклими фи Ар-Рияд (Текст заключительного коммюнике регионального совещания в Эр-Рияде). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 20 апреля 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

⁴² Амин амм Маджлис ат-таавун аль-халиджий: мин хакк Аль-Ирак ан ястааниф дауруху фи муассасат ва хайат Аль-Маджлис (Генеральный секретарь ССАГПЗ: Ирак имеет право сыграть свою роль в институтах и органах Совета). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 26 мая 2003. – <http://www.asharqalawsat.com/>

Глава IV

ФИНАНСОВАЯ ПОМОЩЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Экономическая помощь Саудовской Аравии странам афро-азиатского региона и, в частности, ее финансовая составляющая представляет собой один из наиболее существенных компонентов саудовского внешнеполитического курса. В списке стратегических задач внешней политики этой страны «оказание экономической помощи» занимает четвертое место, уступая лишь вопросам обеспечения внешней безопасности, укрепления солидарности со странами арабского и исламского регионов и, наконец, поддержания мира и международной стабильности¹. Саудовское королевство рассматривает эту помощь в качестве наиболее адекватного метода решения других задач своего курса в сфере международных отношений.

1. Внешнеэкономическая помощь Саудовской Аравии: цели и задачи

Едва ли не важнейшей характеристикой внешнеэкономической помощи Саудовской Аравии является ее международная институализация, включенность в потоки помощи, предоставляемой развивающимся странам мировым сообществом. Источники этих потоков, естественно, различны. В 1986 г. около 30% саудовских кредитов и займов развивающимся странам предоставлялось через арабские региональные финансовые организации, 20% – Международную Ассоциацию развития (IDA)/Международный банк реконструкции и развития (МБРР), 16% – фонд ОПЕК, 10% – иные региональные фонды, 8% – специализированные агентства ООН и, наконец, 7% – через Международный фонд сельскохозяйственного развития и Международную корпорацию финансирования (IFC)/МБРР².

Среди арабских региональных финансовых организаций, через которые предоставляется саудовская финансовая помощь, необходимо назвать, в первую очередь, Арабский валютный фонд³ и Арабский фонд экономического и социального развития⁴ (доля саудовского участия в каждом из них составляет соответственно 14,85% и 23,99%). Тем не менее, их список значительно шире, включая, в частности, Арабский банк для экономического развития Африки⁵ и Арабскую Организацию гарантии капиталовложений⁶, доля саудовского участия в каждой из этих структур соответственно 24,92% и 24,5%. Вместе с тем, в качестве канала внешнеэкономической помощи Сау-

довской Аравии существенны и неарабские региональные фонды и организации. Важнейшие среди них – Исламский банк развития⁷, Фонд ОПЕК для международного развития⁸, Африканский фонд развития⁹ и Африканский банк развития¹⁰ (при саудовском участии, составляющим соответственно 24,92%, 30,1%, 2,8% и 0,16%).

Круг специализирующихся на предоставлении экономической помощи развивающимся странам международных финансовых организаций, в деятельности которых принимает участие Саудовская Аравия, действительно широк. Он включает прежде всего МБРР (доля саудовского участия в котором составила в 1997 г. 5.403.845.000 долларов США или 3% в совокупном объеме его капитала того времени и, как итог этой ситуации, – место в его совете исполнительных директоров), а также дочерние организации Банка. Речь идет, в частности, о Международной ассоциации развития (IDA) и Международной корпорации финансирования (IFC), штаб-квартиры которых расположены в Вашингтоне¹¹. В случае первой из этих организаций вклад Саудовской Аравии составлял 2,1 млрд. долл., или 2,2% в совокупный объем ее капитала в 1997 г., второй же – 3 млрд. долл., или 1,31%¹². Не менее значительно участие саудовского королевства и в деятельности Международного Валютного фонда (МВФ), членом исполнительного совета которого оно является (саудовское участие в его совокупном капитале составило в 1997 г. 9,7 млрд. долл., или 3,3%), а также Международного фонда сельскохозяйственного развития (10,15% его совокупного капитала)¹³.

Ежегодное долевое участие Саудовской Аравии в программах и фондах ООН позволяют рассматривать и эти международные организации в качестве важного канала доставки ее внешнеэкономической помощи развивающимся странам афро-азиатского региона. Среди них, в частности, Программа развития ООН (3,500 млрд. долл.), Фонд ООН по промышленному развитию (1 млрд. долл.), Фонд ООН по деятельности в области народонаселения (30 тыс. долл.), Детский фонд ООН (1 млрд. долл.), Фонд ООН для борьбы с наркотиками (50 тыс. долл., а также периодические дополнительные пожертвования), Международная программа питания (391 млн. долл.), Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (100 тыс. долл.) и Ближневосточное агентство помощи палестинским беженцам (1,2 млрд. долл., а также периодические дополнительные пожертвования). Наконец, речь идет и о Международном комитете Красного Креста, ежегодный взнос Саудовской Аравии в бюджет которого составляет 200 тыс. долл.

Объем этой помощи значителен на фоне идентичных показателей для иных нефтедобывающих государств, среди которых, в первую очередь, участники Совета сотрудничества, а также государства-члены ОПЕК. Если в течение 1970–1995 гг. общий объем финансовой помощи арабских стран внешнему миру составил около 102,5 млрд. долл., то доля членов ССАГЗ в его рамках превысила 93% (64,1% – Саудовская

Аравия, 16,4% – Кувейт, 10,6% – Объединенные Арабские Эмираты и, наконец, 2% – Катар). Только в 1995 г. участие Саудовской Аравии в общеарабской внешнеэкономической помощи (достигшей в то время 1,15 млрд. долл.) равнялось 58,9%¹⁴. В свою очередь, в течение 1980–1987 гг. ею было предоставлено 69% общего объема внешней помощи всех государств-членов ОПЕК¹⁵.

Несомненна и существенная роль национальных финансовых структур в контексте предоставляемой Саудовской Аравией международной помощи. В 1974 г. был создан Саудовский фонд развития. Целью его деятельности провозглашалось «содействие развитию наций в сфере экономики для поддержки миссии ислама ..., укреплению политической и экономической независимости этих наций»¹⁶. Если в момент создания уставный капитал Фонда составил 10 млрд. саудовских риалов, то в начале 80-х годов при активном содействии саудовского правительства он достиг 25 млрд. риалов¹⁷. К 1988 г. Саудовский фонд развития заключил 253 соглашения о предоставлении займов для финансирования 244 проектов развития в 59 странах афро-азиатского региона на общую сумму в 17,3 млрд. саудовских риалов. В течение всего периода 80-х годов в деятельности Фонда все более четко проявлялась тенденция к предоставлению помощи прежде всего государствам мусульманского мира. Из 59 стран, получивших за это время его помощь, 32 были исламскими, а общая сумма предоставленных им займов со стороны Фонда составляла 76% ее совокупной стоимости¹⁸.

Наконец, важный канал саудовской финансовой помощи предоставлен различными национальными благотворительными организациями, действующими под координирующим руководством созданной по личной инициативе короля Фахда в 1987 г. при Лиге исламского мира Всемирной Организации исламской помощи. Описывая ее, саудовский автор отмечал, что она действует под непосредственным руководством короля и наследного принца¹⁹. Ее работа сконцентрирована на том, чтобы оказывать помощь «четырем группам нуждающихся в мире ислама – жертвам природных катастроф и войн, беженцам, мусульманским меньшинствам и бедным». При этом цитируемый саудовский автор считает необходимым подчеркнуть, что, по меньшей мере, в отношении двух первых групп нуждающихся деятельность Всемирной Организации исламской помощи идентична той, которая осуществляется Международным Красным Крестом, Комиссариатом ООН по делам беженцев и ЮНИСЕФ.

При этом цитируемый автор видит и существенные различия между тем, как оформляется помощь в ее религиозной и международной трактовке. Всемирная Организация исламской помощи сопровождает свою гуманитарную деятельность широкой и активной пропагандой исламского вероучения.

Речь в ее случае идет и о реализации ею «дополнительных социальных программ», среди которых, в частности, программы помощи в

проведении праздников *жертвоприношения и разговения*, поддержки и создания религиозных школ и центров (за время с 1985 по 2000 гг. ею была оказана помощь более 300 тыс. школьников в созданных ею более чем 200 школах). В ряду этих программ находится и помощь мусульманским паломникам (выходцы из России, других постсоветских и постюгославских государств занимают среди них важное место), стремящимся совершить хадж к святыням ислама в Мекке и Медине. В течение 1987–1996 гг. общая сумма расходов этой Организации на оказание помощи различным мусульманским государствам или общинам в странах их проживания составила более 309 млн. долл.²⁰

Значение саудовской финансовой помощи становится еще более очевидным при сравнении ее с соответствующими показателями для ведущих мировых держав. Официальное саудовское издание, опирающееся на данные международной статистики, отмечало в этой связи, что доля внешней помощи саудовского королевства составила в 1987 г. 3,7% его национального дохода. В том же году Саудовская Аравия заняла шестое место в мире (3,7 млрд. долл.) по абсолютному объему предоставляемой внешней помощи²¹. Одновременно, в 1989 г. доля саудовской внешней помощи (1,17 млрд. долл.) составила около 1,46% ВВП страны, увеличившись в 1990 г. до 3,69 млрд. (3,89% ВВП), что позволило Саудовской Аравии выйти на пятое место в мире по абсолютному объему внешней помощи (после США, Японии, Франции и Германии).

Вместе с тем, начало 90-х годов меняло уже сложившуюся ситуацию. Причины, определявшие вновь возникавшее положение, были, вне сомнения, далеки от того, чтобы их можно было бы рассматривать в качестве лежащих в одной плоскости. Тем не менее, их объединял общий знаменатель – начало радикальной трансформации, казалось бы, устоявшейся системы международных отношений как итога распада Советского Союза и создававшихся им после Второй мировой войны блоковых объединений. Видимо, первой среди этих причин был кувейтский кризис, когда Саудовская Аравия взяла на себя основное бремя расходов, связанных с финансированием многонациональных сил в период и после иракской агрессии против Кувейта.

Уже в 1991 г. объем внешней помощи саудовского королевства не превысил 1,73 млрд. долл. Хотя в дальнейшем снижение абсолютного объема внешней помощи по отношению к ВВП страны и становилось устойчивой тенденцией (3,71% ВВП в 1991 г., 0,65% в 1992 г., 0,43% в 1993 г., 0,25% в 1994 г.), Саудовская Аравия, тем не менее, оставалась одним из ведущих мировых финансовых доноров. Выполнение обязательств перед внешним миром осуществлялось ею через каналы международных и региональных финансовых организаций, а также программы и фонды ООН. В 1996 г. общий объем финансовой помощи, предоставленной ею развивающимся странам, был равен 306 млн. долларов.

Но сокращение внешнеэкономической помощи, отчетливо проявлявшее себя в течение всего периода 90-х годов, означало лишь, что Саудовская Аравия ограничивает процесс широкого и, по сути дела, многовекторного предоставления займов и кредитов, а также безвозмездной помощи из создававшихся или инициировавшихся ею арабских и мусульманских финансовых организаций²². Речь более не шла о том, чтобы помощь, источником которой выступали эти организации, направлялась бы широкому кругу развивающихся государств афро-азиатского региона. Она концентрировалась, прежде всего, на странах арабского и мусульманского мира.

Естественно, что и до начала 90-х годов это направление внешнеэкономической деятельности Саудовской Аравии рассматривалось ее «правлящим классом» как приоритетное. Только в период 1974–1988 гг. сумма помощи странам арабо-мусульманского ареала составила 1,3 млрд. саудовских риалов из общего объема саудовской помощи государствам афро-азиатского региона в 2,5 млрд. риалов²³. Становление системы монополярного мироустройства лишь закрепляло ведущую роль королевства в качестве донора арабских и мусульманских стран обоих континентов (лишь в первой половине 90-х годов им было выделено 110 млрд. саудовских риалов)²⁴.

Мусульманская составляющая всегда играла ведущую роль во внешней и внутренней политике Саудовской Аравии. Вместе с тем, период 90-х годов «регенерировал» мусульманское направление саудовской помощи, что определялось прагматизмом политических соображений, вытекавшим из обстоятельств и хода развития кувейтского кризиса, в ходе которого (как и после освобождения Кувейта) иракские лидеры беззастенчиво спекулировали исламской риторикой. В то время (но во многом и в дальнейшем) эта спекуляция оказывала существенное влияние на позицию многих мусульманских государств. В силу этого подчеркнутое внимание саудовской элиты к проблеме предоставления финансовой помощи в первую очередь странам мусульманского мира было призвано содействовать укреплению внешнеполитических позиций страны и решению выдвигаемых ею в этой связи задач. Речь шла прежде всего об обеспечении ее национальной безопасности. В свою очередь, геополитическое положение страны становилось решающим фактором, определявшим направление поиска решения этой задачи, представленное арабо-мусульманским миром.

В саудовском королевстве отмечали, что помощь «развивающимся государствам азиатского и африканского континентов, в первую очередь, арабским и мусульманским странам», выступает как итог «благополучия» саудовского государства, его «экономической мощи и роли ведущего центра арабского и мусульманского мира»²⁵. При этом серьезный акцент, поставленный на этом направлении саудовского курса, получал необходимую для страны религиозно-правовую легитимацию: «Королевство предоставляет экономическую

помощь в силу того, что оно руководствуется претворяемыми им положениями милосердного исламского шариата, призывающего к взаимодействию и сотрудничеству между людьми»²⁶.

Однако «регенерация» мусульманского направления не ограничивалась лишь внешнеэкономической деятельностью саудовского государства. Все те же обстоятельства кувейтского кризиса настойчиво заставляли страну представлять перед исламским миром в качестве «модели», основные контуры которой должны были стать основой их экономического и социального развития в условиях сегодняшнего дня. Созданное в начале 90-х годов министерство мусульманских дел, вакфов, призыва и руководства становилось в этой связи центром координируемой государством деятельности, с помощью которой мусульманский мир должен был получить неискаженное представление о королевстве, существование которого выступало как «благоденствие Всевышнего Господа по отношению к человечеству». Речь шла о том, что оно «построено на истинной мусульманской вере, следует путем благородной книги Господа и руководствуется сунной его пророка Мухаммеда»²⁷.

Возникла принципиально новая ситуация, когда традиционная для страны финансовая помощь мусульманским странам и общинам в государствах, где мусульмане не являются господствующим конфессиональным сообществом (включая страны Западной Европы, а также Северной Америки), дополнялась активной и финансируемой исключительно из саудовских фондов культуртрегерской деятельностью. Эта деятельность была призвана доказать, что «мусульманская культура является всемирной культурой гуманизма, важнейшими характеристиками которой выступают ясность, всеобъемлющая сущность и активное позитивное начало, определяющее жизнь человека и общества». Ее основополагающим принципом выступал отказ мусульман от действий, противоречащих ведущим положениям религиозной доктрины, никогда не призывавшей к «жестокости и насилию»²⁸.

Окрашенная в неизбежные для Саудовской Аравии религиозные тона риторика в сочетании с продолжавшейся финансовой помощью означала всего лишь, что королевство в контексте решения ведущего положения своей внешнеполитической доктрины – обеспечения национальной безопасности страны – приступало к созданию находящихся под его действенным покровительством групп политической элиты во внешнем для страны мира. Только в 1997 г. саудовские власти выделили действительно значительные суммы на нужды мусульманских научных и учебных заведений различных стран. Среди них, например, Центр исламских исследований, истории, искусства и культуры в Стамбуле (1,16 млн. сауд. риалов), Исламский технологический институт в Дакке (2,73 млн. сауд. риалов), Университет Аль-Азхар в Каире (400 тыс. сауд. риалов), Исламский институт в Чикаго

(2,18 млн. сауд. риалов)²⁹. Наконец, важной статьей расходов министерства мусульманских дел, вакфов, призыва и руководства становилась координация деятельности мусульманских проповедников, подготовленных на его средства в различных странах мира. В течение 1997–1998 гг. при непосредственном участии министерства семинары проповедников были проведены в Уганде, Малайзии, Индии, Бангладеш, а также в Германии и США³⁰.

Глобальная перестройка системы международных отношений с сопровождавшими ее вновь возникавшими конфликтными ситуациями в огромной мере стимулировала саудовскую деятельность в этом направлении. Распад Советского Союза и Югославии, в пределах бывшей территории которых возникали новые государства с господствующим в численном отношении или значительным мусульманским населением, предоставлял Саудовской Аравии поистине уникальную возможность расширить сферу своей международной (как экономической, так и культуртрегерской) деятельности.

Более того, кровавый путь раннего этапа эволюции постсоветских (армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха, военные действия в российской Чечне и постюгославских государствах (ситуация в Боснии и события в Косово) становились для этой страны поводом предстать перед мусульманским миром в качестве одного из наиболее последовательных поборников защиты интересов единомышленников, стать для них «источником добра, землей благородства и безвозмездных благодеяний»³¹. Одновременно, новые возможности жизнедеятельности центральноазиатских государств и Азербайджана, становившихся членами ОИК, а также позитивные изменения в положении российской мусульманской *уммы* значительно расширяли сферу внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности Саудовской Аравии.

2. Саудовская Аравия и ситуация в Боснии и Косово

17 апреля 1992 г. Саудовская Аравия официально признала независимость Республики Босния и Герцеговина. В заявлении саудовского министерства иностранных дел в этой связи отмечалось: «Правительство Королевства Саудовская Аравия приветствует независимость Республики Босния и Герцеговина и стремится к укреплению сложившихся между ними исторических отношений в сфере культуры, а также духовных связей между народами Королевства Саудовская Аравия и Республики Босния и Герцеговина. Правительство Королевства Саудовская Аравия надеется, что его шаг будет содействовать укреплению мира и стабильности в регионе, а также поддержанию международной безопасности и мира»³². Речь шла о претворении в жизнь традиционных для саудовского королевства принципов «исламской солидарности», но цитируемое заявление заключало в себе

и несколько важных для дальнейшей саудовской деятельности на Балканах международно-правовых аспектов.

Едва ли не в первую очередь эти аспекты были связаны с новым статусом одного из государств, возникшего в результате распада широкой югославской федерации. Саудовская Аравия, действия которой в направлении признания этого статуса оказали решающее воздействие на позицию многих мусульманских государств, провозглашала поддержку боснийской независимости, солидаризируясь с общими подходами ведущих членов мирового сообщества в отношении процессов, происходивших в начале 90-х годов на территории бывшей Югославии. Ее отношение к ним не становилось, тем самым, исключением из общего правила, определявшего в те годы политический курс государств Европейского Сообщества или Соединенных Штатов.

Более того, Босния, как и другие постюгославские государственные образования, не только была признана ведущими державами мира, но и включалась в деятельность существующих международных организаций, среди которых, в частности, ООН. Но в саудовской позиции по Боснии, как и в целом в отношении к складывавшейся в начале 90-х годов новой системе балканских международных отношений содержались ярко выраженные специфические нюансы.

Саудовская Аравия, что со всей очевидностью вытекало из цитированного заявления ее внешнеполитического ведомства, рассматривала боснийское государство в качестве мусульманского политического образования. В комментариях саудовской прессы в связи с признанием Республики Босния и Герцеговина подчеркивалось, что на Балканах возникла «вновь родившаяся исламская республика», с которой в первую очередь королевство и устанавливало ранее прерывавшиеся или нестабильные отношения. Уже это обстоятельство было принципиально: Саудовская Аравия более не рассматривала боснийских мусульман как меньшинство, проживающее в окружении иного в конфессиональном отношении большинства, когда возможность поддержания связей с этим меньшинством всегда опосредована необходимостью обязательного поддержания контактов с правительственными структурами немусульманского государства. Отныне «центр» мусульманского мира устанавливал прямые контакты с его балканской «периферией».

В рамках саудовской постановки вопроса, в этой «вновь рожденной» республике прежнее меньшинство становилось ведущей конфессиональной общиной, имеющей неоспоримое право рассматривать себя в качестве титульного этноса вновь создающегося государства. Боснийские мусульмане становились основной силой и при формировании институтов нового государства. Саудовская позиция откровенно маргинализировала участие в их создании представителей других боснийских этно-конфессиональных групп (православных сербов и католиков хорватов). При этом, развивая отношения с правительством А.Изетбеговича, саудовское королевство действовало в

рамках его признанного в мире статуса – единственной законной структуры во вновь возникшем государственном образовании.

Более того, саудовский курс в ходе боснийского кризиса становился едва ли не моделью дальнейшей политики королевства в отношении региона восточноевропейской и северной мусульманской «периферии» – всего «постсоциалистического» пространства. Но эта промусульманская откровенность, при всех ее издержках, ни в коей мере не могла рассматриваться как проявление линии «двойных стандартов» в боснийском (как и в иных конфликтных ситуациях) вопросе в силу жестко определяемой религиозным выбором и внутренней ситуацией линии поведения королевства.

В июне 1992 г. в Стамбуле состоялась созванная по инициативе Саудовской Аравии конференция министров иностранных дел государств-членов ОИК, целью которой, по мнению саудовской стороны, должно было стать «разоблачение сербского заговора» против Республики Босния и Герцеговина. Участники конференции призвали ООН занять более решительную позицию в отношении «сербских преступлений», а также применить в отношении Сербии статью 7–10 Устава ООН как к «государству-агрессору». В свою очередь, Саудовская Аравия, в свете развития внутривоснийской ситуации, призвала «мусульманские и дружественные государства» разорвать дипломатические отношения с Белградом, отказаться от дипломатического признания Сербии и не допустить ее вступления в ООН в качестве правопреемницы бывшей Югославии. 17 августа 1992 г. проходившее под председательством короля Фахда заседание саудовского совета министров заявило о своем признании в полном объеме резолюции Совета Безопасности ООН № 757 о введении режима санкций в отношении Сербии и Черногории.

В начале декабря 1992 г. по инициативе Саудовской Аравии в Джидде прошла чрезвычайная конференция министров иностранных дел государств-членов ОИК. В ее работе принял участие президент Республики Босния и Герцеговина А.Изетбегович. Открывая конференцию, король Фахд заявил о том, что Саудовская Аравия «безоговорочно встала на сторону боснийских братьев, подвергающихся сербской агрессии». В своей речи он подчеркивал, что его страна «поддержала рекомендации и решения Лондонской конференции». Тем самым, как говорил саудовский монарх, «всем нам необходимо удвоить усилия ради того, чтобы эти решения стали предметом практической реализации, и, в первую очередь, в том, чтобы под эгидой ООН было гарантировано поступление гуманитарной помощи гражданам Боснии и Герцеговины». Уже в ходе работы конференции в Джидде король Фахд издал указ о создании на территории Албании (этот выбор оправдывался ссылками на «сходство боснийского и албанского мусульманских обществ») лагерей для боснийских беженцев. Для финансирования этих лагерей было выделено около 20 млн.

долл.³³ В 1992 г. в Саудовской Аравии был создан Высший комитет по сбору пожертвований для мусульман Боснии и Герцеговины во главе с одним из членов правящей семьи – губернатором провинции Эр-Рияд принцем Сальманом бен Абдель Азизом Аль Саудом. Комитет стал централизованным источником многогранной саудовской помощи Республике Босния и Герцеговина³⁴.

В течение восьми лет своего существования Комитет предоставлял боснийским мусульманам помощь, общая сумма которой составила 1,6 млрд. саудовских риалов (в рамках этой суммы денежная помощь составила 1,4 млрд. риалов)³⁵. Официальное издание этой организации сообщало, что источником всех видов этой помощи были «пожертвования» граждан, учреждений и организаций. Одним из жертвователей был король Фахд – переданная им Комитету сумма равнялась чуть более 127 млн. риалов. В свою очередь, «пожертвования правительства Хранителя двух благородных святынь» составили 327,5 млн. риалов. Кроме того, через Саудовский фонд развития саудовское правительство предоставило Комитету 281 млн. риалов частично в качестве безвозмездного дара, а частично займа³⁶.

Полученные Комитетом суммы – почти 843 млн. риалов, или более 58% – были израсходованы на поддержку «стойкости мусульман Боснии» (эвфемизм, за которым скрывалась военная помощь правительству А.Изетбеговича), 27% (почти 456 млн. риалов) – на продовольственное обеспечение и, наконец, около 23% (немногим более 377 млн. риалов) – на «проекты развития и восстановления». В контексте этих проектов Комитет истратил почти 55,5 млн. риалов на «программы мусульманского призыва и образования», немногим более 53,5 млн. риалов на медицинские нужды, почти 51 млн. – на «программы помощи сиротам», более 22,5 млн. – на возвращение беженцев, более 23,5 млн. – на социальную помощь и, наконец, более 15 млн. – «на нужды отопления» домов боснийских мусульман. Это были значительные расходы! Однако, не менее существенны и другие аспекты саудовской помощи, которые были далеки от собственно ситуации в Боснии.

Выше уже отмечалось, что создававшаяся саудовскими властями организация помощи боснийским мусульманам была централизована, и ей придавалось (во главе ее – представитель правящей династии, ведущий жертвователь – монарх) действительно государственное значение. Комитет становился воплощением идеи общенационального единства саудовцев, их сплочения вокруг монарха. Идею этого общенационального сплочения подчеркнуто выражал глава Комитета принц Сальман бен Абдель Азиз Аль Сауд: «Королевство Саудовская Аравия стремится содействовать чаяниям мусульман всего мира. Для осуществления этой благородной цели оно предоставило все свои цивилизационные, политические и экономические возможности. Всегда, когда мусульманское государство или мусульманское меньшинство в

какой-либо стране оказывается жертвой войны или катастрофы, правительство и народ королевства становятся первыми, кто оказывает ему помощь. Правительство и народ затягивают свои пояса, они врачуют раны, они оказывают помощь в справедливом деле. Они делают это потому, что исходят из долга веры, потому, что их страна является местом великой духовности, центром притяжения для сердец всех мусульман, видящих в этой стране и ее народе источник добра и самопожертвования во имя блага своих единоверцев»³⁷.

Высший комитет по сбору пожертвований для мусульман Боснии и Герцеговины стал организацией, охватывающей всю страну. Во всех ее провинциях создавались местные комитеты сбора пожертвований в пользу боснийских единоверцев, которые, в свою очередь, руководили деятельностью комиссий, создававшихся на уровне внутрипровинциальных административных образований. Роль министерства мусульманских дел, вакфов, призыва и наставления становилась в этом деле ведущей: основными структурными единицами, в которых осуществлялся сбор пожертвований, выступали мечети. Более того, одно из направлений его деятельности заключалось в подготовке кадров для боснийских школ, организация бесплатного паломничества боснийцев-мусульман к мекканским святыням, выпуск учебной и пропагандистской литературы.

В свою очередь, фетвы верховного муфтия страны придавали необходимый оттенок легитимности любым начинаниям правительства в сфере помощи Боснии. В состав многочисленных структурных подразделений Комитета (в соответствии со спецификой их деятельности) были введены представители министерства иностранных дел, министерства финансов и национальной экономики, министерства обороны и авиации, министерства внутренних дел, органов безопасности и внешней разведки; министерств, курирующих вопросы образования, средств массовой информации, Саудовского комитета Красного Полумесяца. Прием пожертвований в обязательном порядке осуществлялся отделениями Компании банков Ар-Раджхи, Банка Эр-Рияда и Народного коммерческого банка.

Ради сбора пожертвований использовались рынки, магазины, места проведения развлекательных мероприятий. В каждом (даже незначительном) населенном пункте страны в пользу боснийских мусульман проводились благотворительные базары и концерты, дома саудовских граждан посещали представители Комитета. Саудовское радиовещание и телевидение становилось ведущим центром пропагандистской и агитационной деятельности в поддержку сбора пожертвований³⁸, неоднократно транслируя связанные с этим выступления короля, наследного принца, главы Комитета и руководителей его структурных подразделений. Членской организацией Комитета стал Саудовский фонд развития. Участие в его деятельности было почти обязательным для саудовских бизнесменов.

За идеей общенационального единства скрывалась четкая и, безусловно, важная цель внутренней политики государства. Включая в состав структурных подразделений организации помощи боснийским мусульманам широкий слой улемов, представителей интеллигенции и бизнеса, объединяя их под лозунгами «исламской солидарности» в ее конкретном преломлении «мученичества» единоверцев в одной из стран, саудовский «правящий класс» содействовал сокращению поля деятельности внутренней оппозиции. Для этого ему и была нужна жестко централизованная и всеобъемлющая организация, рядовыми и руководящими членами которой выступал бы, по сути дела, весь социум в силу того, что лишь на этой основе становилось возможным в наиболее адекватной степени канализировать контрэлитарные настроения и практику действия. Оппозиционность режиму выносилась за пределы королевства, вместо прежней «разрушительности» она наконец-то обретала «конструктивный» характер. Но речь шла не только об укреплении позиций этого «класса» внутри собственной страны.

Высший комитет по сбору пожертвований для мусульман Боснии и Герцеговины опирался на содействие со стороны Исламского банка развития и действовал под эгидой Всемирной Организации исламской помощи. Сложение таких сил предполагало, что эта организация становится символом единства мусульман в масштабе всего мира. Здесь не принципиальна степень саудовского участия в капитале каждой из этих двух организаций. Куда важнее политический эффект их деятельности как во внутрисаудовском, так и международном масштабе. Но в любом случае, этот эффект содействовал повышению престижа и влияния Саудовской Аравии в мусульманском мире.

Тем не менее, саудовская деятельность в годы боснийского кризиса ни в коей мере не могла рассматриваться как далекая от международной институализации. Региональное бюро Комитета в Загребе (в дальнейшем, после окончания военных действий в Боснии оно было переведено в Сараево) находилось в тесном контакте с представительствами ООН, ее комитетов и организаций (прежде всего, с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Международным комитетом Красного Креста и ЮНЕСКО), а также с командованием многонациональных сил в Боснии. Речь шла не только о совместной реализации мер, включавших возвращение беженцев и создание для них достойных условий существования, но и проектов (совместно с ЮНЕСКО), имеющих значение для сохранения культуры боснийских мусульман и создания в местах их проживания современной системы школьного и университетского образования³⁹. Эта сторона саудовской помощи Боснии ни в коей мере не может преуменьшаться.

Многие параметры развития кризисной ситуации в Косово⁴⁰ де-лали саудовскую политику в отношении развития событий в этом регионе Югославии, как и методы ее проведения, идентичной линии

королевства в Боснии. Более того, эта политика решала те же самые задачи, что и в случае с боснийскими мусульманами. Тем не менее, общий контекст развития косовского конфликта обладал собственными, специфическими нюансами, не учитывая которые Саудовская Аравия не могла.

Присутствие на территории сегодняшнего Косово значительного контингента многонациональных сил KFOR и формирование в его пределах по сути дела независимых от югославских органов власти политических институтов отнюдь не означало его окончательного отторжения от Югославии, но всего лишь приостановку действия суверенитета этой страны в отношении части ее территории. Для саудовской политики это обстоятельство было весомым. На протяжении всего времени косовского конфликта «правящий класс» королевства рассматривал его не как кризисную ситуацию международного масштаба, а как внутригосударственный конфликт, который, тем не менее, мог, по мере своего развития, перерасти и в иное качественное состояние. Саудовская Аравия безоговорочно поддержала действия Запада в отношении косоваров и Югославии, что во многом предопределило сдержанность курса королевства в ходе косовского конфликта и его лояльность к официальной позиции Соединенных Штатов и их союзников по НАТО в отношении будущего Косово.

Дискурс саудовских политиков всегда квалифицировал Косово только как «район», воздерживаясь от употребления каких-либо развернутых или детализированных определений его административно-географического статуса. Это было, вне сомнения, строгим следованием принципам политической корректности, распространявшимся и на саудовскую терминологию, касавшуюся косовского населения. В королевстве использовали термин «народ Косова», что полностью соответствовало европейскому и американскому понятию «косовары», подразумевавшему и в рамках саудовской риторики существование самостоятельной этно-конфессиональной величины, отнюдь не обязательно политически связанной с албанским национальным сообществом, но находящейся в состоянии борьбы с другой этно-конфессиональной величиной страны ее проживания – сербами.

Выступая на открытии второй сессии Консультативного совета, король Фахд, в частности, говорил: «Трагедия мусульманского народа Косово всегда остается в памяти нашей страны. Мы считаем, что происходящее там является одним из серьезных испытаний для нашей мусульманской нации. ... Сербы совершают варварские действия, едва ли не открытую агрессию. Именно так необходимо называть все то, что там происходит: убийства, депортации, изгнание и этнические чистки. Вплоть до военного вмешательства НАТО мы призывали мировое сообщество принять решительные меры для прекращения геноцида и преступных актов террора, совершаемых сербскими войсками в районе Косово против мирного гражданского насе-

ления. Ныне же, когда район Косово стал безопасным, мы выражаем надежду, что изгнанники вернутся к своим очагам, а цели и чаяния народа Косово станут реальностью в обстановке безопасности и мира, а также наказания тех, кто совершил против него агрессию»⁴¹.

Особый статус Косово, территория которого контролируется войсками KFOR, предполагал более высокую степень координации деятельности Саудовской Аравии, стран Запада, военные формирования которых составили основу международных многонациональных сил, и международных организаций. Необходимость более весомой координации вытекала из очевидных различий в статусе Боснии и Косова. Первая была суверенным государством, и саудовские власти могли устанавливать с ее политическими структурами прямые связи. Существование же сегодня отношений между саудовскими организациями и косовскими институтами ни в коей мере не может рассматриваться как признание их суверенного статуса – эти институты всего лишь органы местного самоуправления, а их деятельность контролируется военным командованием KFOR.

Более того, и саудовская деятельность не только первоначально в лагерях косоваров в странах-соседях Югославии, но и в дальнейшем в пределах Косово становилась реальностью только благодаря международным организациям и командованию международных сил. В силу этого и других обстоятельств саудовская помощь Косово носила исключительно гуманитарный характер (что доказывал, в частности, значительный уровень прозрачности отчетов и изданий национальных организаций), не включавшая в себя, в отличие от боснийского случая, военный компонент. Но все это не означало, что Саудовская Аравия не придавала своей помощи жителям Косово государственного значения.

В начале 1998 г. в рамках созданной ранее и предназначенной для помощи Чечне Программы спасения им. короля Фахда⁴² королевским указом был образован Объединенный саудовский комитет спасения Косово и Чечни. Его руководителем стал принц Наеф бен Абдель Азиз, министр внутренних дел Саудовской Аравии⁴³.

Боснийский кризис и связанная с ним деятельность (как ее позитивные, так и негативные аспекты) по оказанию помощи местному мусульманскому населению становились для саудовских властей моделью поведения и в ходе конфликта в Косово. Естественно, что создававшаяся ими в ходе развития боснийских событий всеобъемлющая структура помощи становилась основой этой модели. Объединенный комитет спасения Косово и Чечни, с точки зрения своего организационного строения, по сути дела, повторял Высший комитет по сбору пожертвований для мусульман Боснии и Герцеговины, все так же действуя под эгидой Всемирной Организации исламской помощи. Его низовые подразделения функционировали во всех провинциях страны, а также во внутрипровинциальных административных обра-

зованиях. Многочисленные мечети (как и места скоплений людей – рынки, магазины, стадионы) превращались в пункты сбора пожертвований. Ради их сбора все так же проводились благотворительные базары и концерты. В состав комиссий Объединенного комитета (в зависимости от их специализации) вводились представители все тех же министерств и ведомств страны. Комитет имел собственные региональные представительства на Балканах (первоначально в Тиране и Скопье, а затем – после возвращения беженцев в Косово – в Приштине). Наконец, его крупнейшими жертвователями становились монарх и правительство, представленное, в первую очередь Саудовским фондом развития⁴⁴.

Процесс создания Объединенного комитета предполагал еще большее огосударствление ранее действовавших более самостоятельно и формально независимых от саудовских властей фондов и организаций помощи. В его комиссии в обязательном порядке включались представители Благотворительной ассоциации «Аль-Харамейн», Ассоциации «Исламский вакф», Всемирного форума исламской молодежи⁴⁵.

Саудовская Аравия уже не считала обязательным для себя (хотя и не отказывалась это делать) действовать в контексте международных исламских организаций, все более выступая как самостоятельная величина в вопросах предоставления помощи единоверцам. Собственные действия в этой сфере в большей мере акцентировали ее роль в качестве основного защитника их интересов и чаяний. Более того, уже боснийская ситуация подтверждала существование значительных различий в подходах стран-членов ОИК к решению проблем Балкан. В случае Косово (а в дальнейшем и постсоветского пространства) эти различия становились все более ощутимыми и очевидными.

Но, видимо, усиление централизованного начала в рамках Объединенного комитета вытекало и из более прозаических причин. Одной из них было специфическое отношение представителей как боснийских, так и косовских властных структур к получаемым ими значительным финансовым средствам. И не случайно в этой связи, что саудовская помощь косоварам во все большей степени принимала форму поставки гуманитарных грузов и, как отмечали издания Объединенного комитета, была «целевой».

К 1999 г. общая сумма собранных Объединенным комитетом пожертвований составила 195 млн. саудовских риалов⁴⁶. На полученные средства в лагеря косоваров в Албании и Македонии по воздуху и морским путем было доставлено не менее 3 тыс. т. продуктов питания и предметов первой необходимости⁴⁷. Действия Объединенного комитета на территории Косово предполагали создание им семи комиссий по распределению помощи (по числу внутренних административных образований внутри этого района), работавших в непосредственном контакте с командованием KFOR. Находившиеся в распо-

ряжении Объединенного комитета финансовые средства были израсходованы на возвращение беженцев в места их постоянного проживания (чуть менее 4 млн. риалов), а также на оборудование местных больниц современной аппаратурой, поставку им лекарств и медицинских инструментов и подготовку врачей-психологов и психиатров (почти 3 млн. риалов). Из этих же средств Управлению Верховного комиссара ООН по делам беженцев и командованию KFOR было выделено не менее 100 тыс. немецких марок на восстановление школ. Около 600 тыс. риалов было истрачено на строительство двух стратегически важных мостов. Но речь шла и о расходах, имевших специфически религиозную окраску. Так, например, представители Объединенного комитета ежемесячно выплачивали имамам косовских мечетей, не имевшим средств к существованию, по 50 долл. Разумеется, предметом особого внимания саудовских представителей в Косово стало строительство и восстановление мечетей, организация изучения религиозных дисциплин в школах и пропаганда внедрения норм ислама в жизнь косовских мусульман.

Значительные средства были затрачены Объединенным комитетом на организацию кампании солидарности с косоварами и, разумеется, пропаганды саудовской помощи. Эта кампания была значительно более мощной, чем в период боснийского кризиса, и направлена не только на мусульманский мир, но и на все мировое сообщество. К участию в ней были привлечены саудовские и арабские (кувейтские и египетские) телевизионные каналы, а также CNN. В газетах Косово было опубликовано не менее 3,5 тыс. материалов о саудовской помощи, репортажи о работе Объединенного комитета регулярно демонстрировались саудовским телевидением⁴⁸.

Вся эта деятельность проходила в рамках международных акций по оказанию помощи косоварам. При этом Саудовская Аравия становилась активным участником их деятельности. Во время визита в Косово в 1999 г. специального представителя саудовского монарха министра труда и социальных дел Королевства Али бен Ибрагима Ан-Нимля был подписан протокол о взаимопонимании с руководителем миссии Всемирной Организации здравоохранения в Косово, которому были переданы медицинское оборудование и лекарства на сумму в 1 млн. долл.⁴⁹ Представитель саудовского монарха в ходе своего визита достиг договоренности с руководством миссии ООН в Косово (UNMIK) о выделении саудовской стороне земельного участка для строительства культурного центра им. короля Фахда в Приштине.

Предполагается, что этот центр будет состоять из мечети, школы с классами для обучения иностранным (включая и арабский) языкам и компьютеру, а также спортивного городка. Расходы на первый этап строительства этого центра должны составить более 4 млн. саудовских риалов. Одновременно руководителю миссии ООН в Косово было сообщено, что в дальнейшем Саудовская Аравия предоставит на осуществление проектов

развития в Косово 30 млн. долл. в качестве дара короля Фахда, а также 40 млн. долл. в виде долгосрочного займа Саудовского фонда развития.

3. Саудовская Аравия на постсоветском пространстве: финансовая помощь

Вопросы, связанные с саудовской помощью некоторым новым постсоветским государствам – страны Центральной Азии и Азербайджан, как и части внутрироссийских национально-административных образований (Татарстан, Башкортостан и большинство республик Северного Кавказа), давно уже стали предметом острых дискуссий в российской общественно-политической среде и научных изысканий отечественных ученых⁵⁰.

Многие российские исследователи проблем внешней помощи мусульманским сообществам в границах бывшего Советского Союза со стороны их саудовских единоверцев предпочитают не обращаться или почти не обращаться к правительственным документам или материалам (с их действительно высокой степенью прозрачности) действующих под эгидой королевства фондов и организаций помощи. Картина этой помощи, ее побудительных причин и ее эволюции, основывающаяся чаще всего на тенденциозных публикациях в российской прессе, становится, к сожалению, слишком однобокой и непропорционально искаженной. Более того, российские исследователи слишком часто игнорируют или упрощают крайне подвижный контекст отечественного и, в целом, постсоветского ислама, в который вписывается саудовская помощь. В итоге, картина взаимодействия мусульман постсоветского пространства, с одной стороны, и Саудовской Аравии, с другой, выглядит искаженной вдвойне.

Сфера внешней политики предполагает, что естественные национальные интересы различных государств в силу ряда причин могут реализовываться в одних и тех же регионах или этно-конфессиональных анклавах. Должны ли они реализовывать себя в ситуации жестко очерченного взаимного конфликта? На этот вопрос, видимо, стоит дать отрицательный ответ, подчеркнув одновременно наличие альтернативы конфликту. Ею выступает нахождение путей к гармонизации этих интересов, возможное только при одном условии, – взаимном понимании друг друга, способном возникнуть только тогда, когда каждая из сторон сможет верно интерпретировать позицию другой.

Последние годы существования Советского Союза и ранний этап уже самостоятельной эволюции постсоветских государств становились временем беспрецедентной открытости общественных организаций советского и постсоветского пространств для внешнего мира. Речь не шла только об одном из составных элементов этих организаций – мусульманских сообществах. Открытость распространялась на все национальные и конфессиональные группы советского и постсоветских социумов. При этом сама возможность возникновения такого положения определялась, в конечном итоге, тем, что как бывшее гос-

ударство-метрополия, так и вышедшие из его состава политические формирования (Россия была одним из них) переживали этап размывания (в случае Советского Союза последних лет его жизни) или становления (вариант новых стран) собственных «правлящих классов».

Характерной чертой этого этапа стал ранее невозможный процесс активной социальной мобильности, распространявшийся, в том числе и на тот элемент общественного организма, который традиционно квалифицировался в качестве мусульманского. Этот процесс знаменовал собой и начало религиозного возрождения, распространявшегося и на ислам⁵¹. В свою очередь, едва начинавшаяся в то время саудовская помощь становилась лишь одним из внешних факторов воздействия на этот процесс.

Принципиальны, видимо, две далеко не совпадающие и, более того, разноуровневые проблемы, связанные как с началом, так и с последующими этапами взаимодействия постсоветских мусульманских сообществ и Саудовской Аравии. Если первая из них имеет отношение к внутренним обстоятельствам возникновения и эволюции исламского возрожденческого движения на постсоветском пространстве, то вторая – к обстоятельствам взаимодействия Саудовской Аравии с мусульманскими сообществами постсоветских государств и национально-административных образований.

Как и в Саудовской Аравии времени становления королевства (впрочем, и на протяжении всей эпохи его последующей эволюции), на постсоветском пространстве ислам выступал, прежде всего, как орудие гомогенизации части местных общественных организмов и легитимации выдвижения на авансцену общественно-политической жизни новых элитарных групп. Кризисное состояние других идейных систем и вынужденное обращение к нему апеллировавших к национальным, социалистическим или либеральным ценностям структур лишь доказывало это. В этом отношении его роль и место в общественном сознании и политической практике были абсолютно идентичны роли и месту иных религиозных доктрин, существующих в пределах этого пространства. Но эти же роль и место, естественно совмещавшиеся для ислама с необходимостью обращения к внешним для постсоветских государств или регионов центрам (Саудовская Аравия в силу столь же естественных причин была среди них объективно ведущим) уже в момент возникновения мусульманского возрождения, создавали для его приверженцев ситуацию множественности полюсов притяжения. Эти полюса, неизбежно конкурирующие между собой, нуждались в нахождении точек соприкосновения.

Представители первых саудовских фондов помощи («Аль-Харамейн», «Исламский вакф»), начинавшие свою деятельность на постсоветском пространстве в первой половине 90-х годов, отчетливо ощущали это обстоятельство. Обращаясь к своим жертвователям, одно из изданий Всемирной Организации исламской помощи подчер-

кивало: «Четыре года мы работаем в стране (бывшем Советском Союзе, – *авторы*), которая была родиной и дала нам великих ученых – блестящих факихов и имамов-обновителей, сохранивших для нас богатства благородной сунны и нашего великого мусульманского наследия. Это страна Абу Абдаллы Аль-Бухари, Муслима Нишапури, Абу Исы Ат-Термези, Абу Дауда Ас-Саджастани, Абу Зара Ар-Рази, Ас-Сархаси, Аль-Бейхаки и многих других. Мы всегда будем испытывать чувство признательности и благодарности по отношению к этим ученым, но мы должны помнить, что эпоха коммунизма надолго отлучила их внуков от ислама. Их внуки родились, зная об исламе только то, что они мусульмане»⁵².

Видимо, это была наиболее адекватная, в контексте поиска точек соприкосновения конкурирующих между собой полюсов притяжения для мусульман России и других постсоветских государств, постановка вопроса. Национальная принадлежность мусульман «северной периферии» исламского мира ни в коей мере не противоречила их принадлежности к более широкому, чем национальный, ареалу цивилизации. Эту идею высказывали представители саудовского фонда помощи. Впрочем, в этом не было ничего парадоксального. Напротив, это была традиционная для саудовского королевства постановка вопроса. Оно исходило из складывавшейся реальности, а не содействовало ее становлению или крушению. Общее направление саудовского курса проявляло себя здесь раньше, чем в ситуации боснийского конфликта и кризиса в Косово.

Более того, в цитировавшемся обращении прослеживалась и другая мысль: ислам на пространстве бывшего Советского Союза только начинает обретать действительно осязаемые черты. Провозглашение членами одной из групп постсоветского социума (для представителей саудовского фонда этот социум все еще был едва ли не един, хотя его уже разделяли вновь возникшие государственные границы) своей принадлежности к исламу само по себе было недостаточно для того, чтобы эти люди могли бы рассматриваться в качестве мусульман. Напротив, в отчетах действовавших в первой половине 90-х годов на бывшей советской территории саудовских фондов речь шла о людях, слишком далеких от подлинного ислама, слишком погрязших в «чудовищных пережитках и предрассудках *джахилии*»⁵³. Это не было осуждением. Это было всего лишь напоминанием саудовским жертвователям о том, что и само общество Аравийского полуострова в определенную эпоху своей эволюции (до появления М.Абдель Ваххаба и создания первого саудовского государства) переживало идентичный этап развития⁵⁴.

Бывшим советским единоверцам должна была быть оказана помощь потому, что они возвращались в международное мусульманское сообщество как наследники великого вклада их предшественников в общее наследие этого сообщества, без которого было бы проблема-

тично существование и самой Саудовской Аравии. Достичь этого можно было через окончательный демонтаж коммунистической системы, которая не только порождала то, что в саудовском королевстве в рамках привычного для него дискурса именовалось *джахилийей*, но и всегда рассматривалась в качестве враждебной королевству силы. Благодаря действиям в этом направлении сфера саудовского внешнеполитического влияния расширилась бы и, как итог этого, стало бы значительнее поле взаимодействия мусульман постсоветского пространства с их зарубежными единоверцами, а также с окружающим их миром. Но ведь цель как можно более широкого вхождения в многообразный мир, ранее невозможного в силу существования все той же советской коммунистической системы, лежала в основе деятельности тех элит, которые приходили к власти и в постсоветских государствах.

Все тот же уже цитировавшийся текст содержал в себе мысль, имевшую прямое отношение и к проблеме взаимодействия Саудовской Аравии с мусульманскими сообществами постсоветских государств и национально-административных образований. Устанавливая контакты с ними (а в дальнейшем и развивая их), саудовские организации помощи опирались на связывающие эти сообщества с их страной (пусть и понимавшиеся первоначально как теоретические) религиозные узы. Отсюда был правомерен акцент, делавшийся этими организациями на том, что эти сообщества дали мусульманскому миру великих ученых и мыслителей, как, впрочем, и на необходимости их вывода из состояния *джахилийи*.

Речь шла, однако, не только об одном из принципиальных положений саудовской доктрины, но и об обычном внешнеполитическом прагматизме. Иные каналы возможного взаимодействия с постсоветским пространством, включая и важнейший из них – национальный, уже был занят другими «центрами силы» внутри ОИК – Турцией (для тюркоязычных политических образований) или Ираном (для Таджикистана). Конечно, развивая свои отношения с ними, обе этих страны активно использовали и мусульманскую риторику, но все же фактор единства происхождения и культуры для них, в конечном итоге, оказывался более существенным. Саудовская же Аравия видела в своих контрагентах не «братьев по крови», а членов «всемирной *уммы*». Это обстоятельство определяло направления работы ее фондов. В этой связи стоит вновь обратиться к уже цитировавшемуся отчету Всемирной Организации исламской помощи, охватывающему период 1993–1997 гг. Этот отчет может рассматриваться как один из образцов деятельности в то время всех саудовских фондов помощи на территории бывшего Советского Союза.

Распространение исламского вероучения становилось основным направлением деятельности Организации и ее региональных представительства в Москве, Баку, Алматы, Казани, Нальчике и Махачкале. Формы этой деятельности были действительно многообразны,okra-

шивая собой те сферы, которые формально, казалось бы, не имели отношения к религии⁵⁵.

Речь шла прежде всего о возведении и реконструкции мечетей. В течение анализируемых в отчете четырех лет Организация оказала помощь в строительстве и восстановлении более 220 мечетей, из них в Азербайджане (27), центральноазиатских государствах (110), Татарстане и Башкортостане (35), Кабардино-Балкарии и Адыгее (22), Сибири (26) и одной в Дагестане. Для Организации вопрос ставился таким образом, что «мечеть является одной из основ создания мусульманского общества, поскольку в Пресветлой Медине пророк, ... прежде всего, воздвиг дом молитвы».

Цитируемый отчет не приводит данных о финансовых расходах по этой (как и почти по всем другим) статье, подчеркивая безвозмездный характер помощи. Но, несомненно, на строительство были потрачены значительные суммы. Достаточно сослаться хотя бы на рост расходов Организации в связи с проведением праздника разговения, составивших в течение первого года деятельности Организации в бывшем Советском Союзе 95,8 тыс., а четвертого – уже 241 тыс. долл. Не менее показательны и расходы на организацию помощи малоимущим единоверцам во время поста в месяц рамадан в Санкт-Петербурге, Дагестане, Чечне, Кабардино-Балкарии, Башкортостане, Татарстане и Азербайджане, составившие в течение второго года деятельности 143 тыс. и четвертого – 224 тыс. долл. Речь шла о долгосрочной политике (в ее рамках сотрудники Организации предполагали восстановить 26 тыс. мечетей, «закрытых красным коммунизмом и превращенных в склады и музеи»).

Рассматривая мусульманское образование как «дух ислама, как источник прозрения человека, благодаря которому он видит путь к спасению», Всемирная Организация исламской помощи участвовала в финансировании более 38 университетов, медресе и дошкольных учреждений. Это были Исламский университет им. имама Аш-Шафии в Махачкале, Институт арабского языка в Нальчике, медресе «Нур аль-Ислам» в Октябрьске (Башкортостан), а также детские сады и школы в лагерях азербайджанских беженцев из Нагорного Карабаха. Эти учреждения нуждались в проповедниках. За четыре года деятельности Организация подготовила 444 проповедника, «готовых нести знание о принципах ислама и столпах веры мусульманам этой страны (бывшего Советского Союза, – *авторы*), начавшим поиск пути к возвращению в лоно своей религии после долгих лет атеистического безверия, насилия и преследований». 77 этих проповедников были подготовлены в Москве, 40 – в Баку, 60 – в Алматы, 102 – в Казани, 65 – в Нальчике и 100 – в Махачкале.

Как и в странах мусульманского мира, Европы или в США, саудовское министерств мусульманских дел, вакфов, призыва и руководства проводило для них семинары, призванные координировать их

деятельность (в Москве, Баку, Алматы, Санкт-Петербурге, Казани, Нижнем Новгороде, Тюмени, Симферополе)⁵⁶. Эти люди, как и выпускники саудовских высших учебных заведений, меняли лицо постсоветского ислама, в огромной мере усиливая процессы мобильности в мусульманской среде государств, возникших на развалинах Советского Союза. Эти процессы по-новому стратифицировали эту среду и, радикализируя ее, изменяли степень ее воздействия на внутреннюю политику. Но не должны ли государства, провозглашающие себя демократическими и открытыми многообразному миру, находить адекватные каналы взаимодействия со всеми категориями своих граждан? Отвечая на этот вопрос положительно, следует все же обязательно иметь в виду, что деятельность иностранного государства на территории другого должна соотнобразовываться с политикой этого последнего и ни в коем случае не создавать напряженности в их отношениях друг с другом. Для этого требуется, реализуя внешнеполитические приоритеты, учитывать национальные интересы страны пребывания и следовать сбалансированным курсом.

Деятельность Всемирной Организации исламской помощи на постсоветском пространстве включала и другие аспекты. Это была помощь единоверцам, пострадавшим от стихийных катастроф и военных действий (беженцы из Нагорного Карабаха в Азербайджане, жертвы гражданской войны в Таджикистане, вооруженных конфликтов в Абхазии и Ингушетии/Северной Осетии). Начиная с 1994 г., через свои региональные представительства в Махачкале и Нальчике Организация оказывала гуманитарную помощь чеченским беженцам на территории Ингушетии и Дагестана. Речь шла, наконец, об участии (на основе сотрудничества с региональным представительством ООН – UNHCR) в освоении пригодных для сельскохозяйственных нужд заброшенных земель в Азербайджане, создании мастерских и хлебопечен для жителей лагерей беженцев, целевой помощи детям-сиротам, оказании содействия в сфере развития здравоохранения. Все эти направления деятельности получали необходимую религиозную легитимацию.

В 1995 г. саудовское правительство приняло меры, во многом корректировавшие политику помощи странам постсоветского пространства. Тому была весомая причина – проблема Чечни, во многом воздействовавшая не только на российскую политику, но и на развитие ситуации внутри всего постсоветского пространства. Коррекция политики означала выделение вопросов помощи Чечне в наиболее приоритетное направление в деятельности саудовского королевства на постсоветском пространстве. В 1995 г. специальным указом короля Фахда и на основе его личного денежного пожертвования в рамках Всемирной Организации исламской помощи была создана Программа им. короля Фахда для спасения Чечни под эгидой принца Абдель Азиза бен Фахда бен Абдель Азиза Аль Сауда⁵⁷.

По сообщению ее бывшего исполнительного директора М.А.Ат-Турки, «эта Программа была ответом чеченскому народу, испытывавшему острую потребность в гуманитарной помощи, которая могла бы ему смягчить груз выпавших на его долю страданий в ходе неравной войны с российскими вооруженными силами»⁵⁸. Он подчеркивал, что саудовская инициатива определялась «невозможностью для международных организаций удовлетворить потребности Чечни в силу того, что этот район находится в глубине территории России». Вместе с тем, его страна и на этот раз стремилась к тесной координации своих действий с ООН. Одно из достижений Программы заключалось в том, что, по словам того же саудовского государственного чиновника, его организация «предприняла все необходимые усилия для того, чтобы на чеченской территории стало бы действовать бюро ООН и получила на это разрешение российских властей»⁵⁹.

Политическая корректность (как и в случае Косово) была константой саудовского курса. В рамках единого государства возникло противостояние между двумя этноконфессиональными группами населения – чеченцами и русскими. Одна из сторон этого противостояния использует против другой «излишнюю силу». Саудовская Аравия оказывает гуманитарную помощь тем, в ком она видит страдающих от применения этой силы единоверцев. Ее инициатива могла бы быть частью международных усилий по спасению чеченцев от катастрофы. Однако, эти усилия в сложившейся ситуации оказывались если не невозможными, то в большой мере затрудненными.

Для руководства действиями Программы, как и в случае других организаций помощи, правительство Саудовской Аравии создало комитет, в состав которого вошел специалист по мусульманскому праву, а также представитель Всемирного форума исламской молодежи⁶⁰. Это было оправданно, поскольку вновь созданная структура нуждалась в религиозной легитимации ее действий, а сотрудники обоих фондов уже имели опыт работы в пределах бывшего Советского Союза. Значительная открытость Северного Кавказа в годы первой чеченской кампании и после подписания соглашений в Хасавюрте значительно расширяла саудовские возможности. Представители Программы предприняли шаги, направленные в первую очередь на «изучение региона, подготовку отчета об объеме и характере необходимой помощи, а также местах нахождения беженцев и пострадавших». Употребляемые автором уже цитировавшегося отчета эвфемизмы не скрывают главного: речь шла о максимально широком ознакомлении с районом военных действий и прилегающими к нему территориями. Очевидно, что, вопрос касался и стратегических интересов самой Саудовской Аравии!

В течение 1995–1997 гг. представители Программы (ее рабочее бюро находилось в Москве) предпочитали оказывать «целевую» помощь беженцам и пострадавшим от первой чеченской кампании (на территории Чечни, в Москве, Ингушетии, Дагестане и Азербайджане).

В то время российские федеральные власти не осуществляли над их деятельностью сколько-нибудь существенного контроля.

Только в течение апреля-августа 1995 г. на предоставление «срочной помощи» (первый этап реализации Программы) было израсходовано 400 тыс. долл. Общая сумма расходов второго этапа помощи (ноябрь 1995 – июль 1997 гг.), включавшая затраты на поставку в регион продуктов питания, лекарств и медицинского оборудования, зимней и детской одежды, палаток, домашней утвари, школьного оборудования и школьных портфелей, составила 5,2 млн. долл. Картина, однако, окажется неполной, если не отметить, что в финансовый отчет второго этапа были включены расходы на оборудование 30 мечетей (300 тыс. долл.), издание арабско-чеченского словаря (2 тыс. долл.) и текущие расходы сотрудников бюро Программы в Москве (чуть более 18 тыс. долл.).

Давая оценку результатам второго этапа деятельности сотрудников Программы в России, ее прежний исполнительный директор сообщал о трудностях, связанных с ее реализацией. Речь шла о тех, которые естественны для условий войны, – чересполосица сфер военного господства, отсутствие безопасности как в зонах боестолкновений, так и на дорогах, нехватка средств транспортировки грузов. Но в ряду этих трудностей автор отчета выделял, прежде всего, «политические трения», определявшиеся существованием «сложного баланса отношений» сотрудников Программы «и с российскими властями, и с чеченскими полевыми командирами». В этой связи он считал, что «подписание обеими сторонами соглашения о мире, отступление российских войск, выборы президента Чечни, в ходе которых победил умеренный лидер А.Масхадов, а также формирование правительства» могут стать необходимыми условиями для продолжения помощи в новых, на этот раз благоприятных для нее условиях.

Период после 1996 г., когда были подписаны соглашения в Хасавюрте, исполнительный директор Программы рассматривал как этап, в ходе которого перед его сотрудниками были поставлены задачи, определявшиеся началом возвращения беженцев к родным очагам. Они включали восстановление чеченских городов и деревень, продолжение поставок в Чечню продовольствия, лекарств, медицинского оборудования, предметов домашнего обихода и одежды. Автор отчета предполагал, что для восстановления некоторых важных объектов в Грозном и Урус-Мартане правительство Саудовской Аравии должно выделить не менее 10 млн. долл. Этими объектами становились центральная больница Грозного и школы чеченской столицы, больница в Урус-Мартане, главная мечеть Грозного и Институт исламских исследований в этом же городе. Не приходится говорить, что эти планы были претворены в жизнь.

С 1998 г., помощь Чечне была продолжена Объединенным саудовским комитетом спасения Косово и Чечни. Его структура, а также

деятельность в контексте помощи Косово рассматривалась выше. Остановимся лишь на чеченском аспекте его работы.

Атмосфера второй чеченской кампании вносила существенные коррективы в политику оказания саудовской помощи регионам Северного Кавказа. Наиболее важной из них становилось то, что представители Комитета называли «возможностью решения проблемы только через российское правительство», подчеркивая тем самым кардинальное отличие чеченской ситуации от положения в Косово⁶¹. Тем не менее, Комитет смог частично решить встававшие перед ним проблемы на основе подписанного между ним и российским министерством по чрезвычайным ситуациям протокола о взаимопонимании, на основе которого он смог открыть свое северокавказское бюро во Владикавказе.

Цитируемый отчет Объединенного саудовского комитета спасения Косово и Чечни подчеркивал в этой связи, что инициатива подписания протокола исходила от саудовской стороны, которая не возражала против условий ее деятельности, выдвигавшихся ее российским партнером. Эти условия включали, в частности, необходимость обязательной договоренности с российской стороной о количественной стороне саудовских гуманитарных поставок. Одновременно выражалось сожаление относительно, по сути дела, невозможности работы по оказанию помощи в регионе для каких-либо международных организаций.

Тем не менее, условия протокола предоставляли право бюро Комитета во Владикавказе самостоятельно складировать получаемые им грузы (продовольствие, медикаменты, палатки, одеяла) на собственном складе в столице Северной Осетии и распределять их в лагерях чеченских беженцев на территории Ингушетии. В дальнейшем же несколько складов Комитета были созданы и на территории Ингушетии, а его представители начали переговоры с российскими властями о возможности предоставления ими разрешения на полеты саудовских транспортных самолетов в один из аэропортов Северного Кавказа. По согласованию с Духовным управлением мусульман Ингушетии Комитет смог открыть в лагерях чеченских беженцев несколько мечетей.

Как и в случае с Косово, Комитет получал право сбора саудовских пожертвований на нужды Чечни. К концу 90-х годов их общая сумма составила более 125 млн. саудовских риалов (из них только в мечетях было собрано более 1 млн. риалов)⁶². Речь вновь шла о значительной сумме. Но эта сумма предназначалась не только для оказания непосредственной материальной помощи беженцам. Немалая доля из нее была истрачена на реализацию «всеобъемлющего информационного проекта, направленного на ознакомление общественного мнения с проблемами чеченских мусульман и саудовской роли в оказании им помощи»⁶³. К его осуществлению были подключены проводившие телемарафоны телевизионные каналы королевства, призывавшие подданных Саудовской Аравии собирать пожертвования в пользу своих единоверцев. Было выпущено немало пропагандистских брошюр, общий тираж которых превысил 1 млн. экзем-

пляров. Предполагалось, что в состав сотрудников бюро Комитета во Владикавказе будет введен представитель по вопросам информации.

Эта сторона проблемы саудовской помощи существенна, как существенны уже предпринимавшиеся саудовскими властями и описывавшиеся российскими исследователями действия, направленные на осуждение политики российского правительства в Чечне⁶⁴. Но чеченское направление саудовской помощи, включая и наиболее болезненная для России ее сущностные характеристики, не есть целенаправленная антироссийская линия внешней политики ведущего центра мусульманского мира (впрочем, это в равной мере относится и к иным направлениям политики Саудовской Аравии, включая и оказываемую ею международную финансовую помощь). Это направление (но также, например, боснийское или косовское) определяется «миссией», однажды возложенной на себя этой страной. Эта «миссия» – константа саудовского курса. Апеллируя к лозунгу «исламской солидарности», она, вместе с тем, прагматична. Ее определяют задачи внутреннего и внешнего курса, важнейшей среди которых выступает максимально возможное обеспечение стабильности эволюции государства и его безопасности и, что может быть в этом контексте самым важным, – последовательное (и под лозунгами защиты ислама и мусульман) вхождение этого государства в международное сообщество.

¹ Лямахат ан савабит ас-сияса ас-саудийя (Очерки о константах саудовской политики). Эр-Рияд, 1995. С. 86–88.

² Там же. С. 65–66.

³ Создан в 1976 г. как общеарабская организация со штаб-квартирой в Абу-Даби (ОАЭ). Целью Фонда провозглашается содействие в создании единой валюты в интересах развития межарабской экономической интеграции и торговли.

⁴ Создан в 1971 г. как общеарабская финансовая организация со штаб-квартирой в Кувейте. Цель Фонда – содействие финансированию экономического и социального развития арабских стран и предоставление необходимой технической помощи.

⁵ Создан по решению состоявшейся в 1973 г. в Алжире арабской встречи в верхах. Штаб-квартира Банка находится в Хартуме. Цель организации – поддержка экономического, финансового и технического сотрудничества между арабским и африканским регионами в интересах арабо-африканской солидарности. Основная помощь Банка направляется неарабским африканским странам.

⁶ Создана в 1974 г. как общеарабская финансовая ассоциация со штаб-квартирой в Кувейте. Цель Организации – поддержка межарабского экономического сотрудничества и содействие свободному движению капиталов в границах арабского мира.

⁷ Создан по решению совещания министров финансов мусульманских стран, состоявшегося в 1973 г. в Джидде (Саудовская Аравия), где и расположена его штаб-квартира. Цель Банка – содействовать экономическому развитию и

социальному прогрессу народов государств-членов, а также мусульманских сообществ различных стран мира.

⁸ Создан в 1976 г. государствами-членами ОПЕК со штаб-квартирой в Вене. Целью Фонда провозглашается поддержка финансового сотрудничества между государствами, входящими в ОПЕК, с одной стороны, и развивающимися странами, с другой, в сфере экономического и социального прогресса. В рамках провозглашаемого сотрудничества государства-члены ОПЕК предоставляют развивающимся странам кредиты на выгодных условиях для стабилизации их валютных систем и оказания им технического и продовольственного содействия. Наряду с этим, Фонд предоставляет кредиты международным организациям, финансирующим различные сферы технической помощи странам афро-азиатского региона.

⁹ Был создан Африканским банком развития в 1972 г. Штаб-квартира Фонда находится в Абиджане (Кот д'Ивуар). Среди членов Фонда государства-члены Африканского банка развития и двадцать пять неафриканских государств. Цель Фонда – поддержка материальных возможностей Банка и предоставление кредитов африканским странам.

¹⁰ Создан в 1964 г. на основе решения Экономической комиссии по Африке ООН и Организации африканского единства. Штаб-квартира Банка – Абиджан. Членами Банка являются пятьдесят африканских и двадцать пять неафриканских государств. Его цель – реализация экономического развития и социального прогресса в африканских государствах.

¹¹ Международная Корпорация финансирования и Международная Организация развития были созданы советом директоров Международного банка реконструкции и развития соответственно в 1956 и 1959 гг.

¹² Джухуд Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи ат-танмия аль-иктисадийя ва аль-иджтимайя фи ад-дувваль ан-намия. С. 53–54.

¹³ Здесь и далее: Там же. С. 55–60.

¹⁴ Джухуд Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. С. 72–73.

¹⁵ Там же. С. 67.

¹⁶ Ас-Суэйг А.Х., цит. произв. С. 194–200.

¹⁷ С 1987 г. установлен фиксированный курс саудовской денежной единицы, составляющий 3, 745 доллара США за 1 саудовский риал.

¹⁸ Ас-Суэйг А.Х., цит. произв. С. 200–210.

¹⁹ Здесь и далее см.: Дарювейш А.Ю.А., цит. произв. С. 55–56.

²⁰ См. в этой связи опубликованную в арабской версии журнала «Беженцы», издаваемого Комиссариатом ООН по делам беженцев, статью бывшего исполнительного директора саудовской Программы помощи им. короля Фахада М.А.Ат-Турки: Ат-Турки М.А.Аль-Амаль аль-игасий ад-дуввалий ва аль-мубадарат ас-саудийя (Международная деятельность в сфере гуманитарной помощи и саудовские инициативы). – Аль-Ляджуун (Беженцы), Аль-Кахира (Каир), № 110, зима 1997. С. 24.

Ат-Турки М.А., цит. произв. С. 25.

²¹ После США (7,78 млрд. долл.), Японии (7,45 млрд.), бывшего Советского Союза (7,40 млрд.), Франции (6,60 млрд.) и ФРГ (4,43 млрд.). – Джухуд Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. С. 66–70.

²² В течение 1974–1988 гг. общий объем финансовой помощи Саудовской Аравии составил 1,6 млрд. саудовских риалов 37 африканским и 9 млрд. саудовских риалов 18 азиатским странам. – Подсчитано по: Ас-Суэйг А.Х., цит. произв. Таблица 3/10. С. 202.

Среди получателей саудовской помощи были отнюдь не только мусульманские государства Азии и Африки. Их список был значительно шире и включал, в частности, Ботсвану, Бурунди, Кабо-Верде, Руанду, Замбию, Заир, Зимбабве, Таиланд, Шри-Ланку, Тайвань, Южную Корею, Непал, Индию. – Там же. Таблицы 4/10–5/10. С. 204–205.

²³ Подсчитано по: Там же. Таблица 8/10. С. 212.

²⁴ Лямахат ан савабит ас-сияс ас-саудийя. С. 63.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 88.

²⁷ Аль-Манашит ас-сакафийя ли Визарат аш-шуун аль-ислямийя ва аль-аукаф ва ад-дава ва аль-иршад (Деятельность Министерства мусульманских дел, вакфов, призыва и руководства в сфере культуры). Эр-Рияд, 2000. С. 17.

²⁸ Там же. С. 11 и 13.

²⁹ Джухуд Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. С. 44–45.

³⁰ Аль-Манашит ас-сакафийя. С. 81.

³¹ Аль-Амир Сальман фи Сараево (Принц Сальман в Сараево). Эр-Рияд, 2000. С. 10.

³² Здесь и далее тексты этого и других саудовских правительственных документов, а также документов ОИК цит. по: Аль-Хейа аль-улья ли джамъи ат-табарруат ли муслими Аль-Босна ва Аль-Херцок. Джухуд ва инджазат. Ат-Такрир аль-хитамий аш-шамиль ан джухуд ва инджазат Аль-Хейа аль-улья ли салих муслими Аль-Босна ва Аль-Херцок (Высший комитет по сбору пожертвований для мусульман Боснии и Герцеговины. Деятельность и достижения. Полный заключительный отчет о деятельности и достижениях Высшего комитета в пользу мусульман Боснии и Герцеговины). Эр-Рияд, 1321 Х. С. 21–25.

³³ Эти лагеря не были созданы, поскольку, как подчеркивает саудовское официальное издание, этому помешала «политика некоторых государств». Неиспользованные денежные средства после прекращения боевых действий в Боснии были направлены, по сообщению того же издания, на «восстановление пострадавших от войны жилищ боснийцев» // Там же. С. 24.

³⁴ Ат-Турки М.А., цит. произв. С. 24.

³⁵ Аль-Амир Сальман фи Сараево. С. 10–12.

³⁶ Здесь и далее: Аль-Хейа аль-улья ли джами ат-табарруат ли муслими Аль-Босна ва Аль-Херцок. С. 98–99.

³⁷ Здесь и далее: Там же. С. 15, 22–24, 47–93.

³⁸ Не приходится говорить, что деятельность саудовских средств массовой информации основана на «исламской миссии государства». Иными словами, как подчеркивается в официальном издании саудовского министерства информации, «саудовские средства массовой информации в ходе своей работы придерживаются норм ислама, призваны стоять на страже вероисповедания нации и не допускать использования методов, противоречащих Божественному шариату, предназначенному Им людям» // Масират аль-налям ас-саудий. Визарат аль-налям (Путь саудовских средств массовой информации. Министерство информации). Эр-Рияд, 1999. С. 106.

³⁹ Аль-Хейа аль-улья ли джами ат-табарруат ли муслими Аль-Босна ва Аль-Херчок. С. 241.

⁴⁰ В саудовских изданиях употребляется албанская форма названия этой территории – *Косова*.

⁴¹ Цит. по: 4 аям фи Косова. Такрир ан зиярат мумассиль Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн ва Сумувву вали аль-ахд маали ад-доктор Али бен Ибрахим Ан-Нимла вазир аль-амаль ва аш-шуун аль-иджтимаъийя иля Косова. 12–15/2/1421 Х. Аль-Ляджна ас-саудийя аль-муштарака ли игасат Косова ва Аш-Шишан (4 дня в Косово. Отчет о поездке представителя Хранителя двух благородных святых и Его Высочества наследника престола его превосходительства доктора Али бен Ибрахима Ан-Нимла, министра труда и социальных дел в Косово. 12–15/2/1421 г. Х. Объединенный саудовский комитет спасения Косово и Чечни). Б/м., 1421 Х. С. 6.

⁴² Ат-Турки М.А., цит. произв. С. 24.

⁴³ Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. Аль-Ляджна ас-саудийя аль-муштарака ли игасат Косова ва Аш-Шишан. Такрир ан абраз мунджазат Аль-Ляджна (Королевство Саудовская Аравия. Объединенный комитет спасения Косово и Чечни. Отчет о наиболее значительных результатах работы Комитета). Б/м, б/г. С. 1.

⁴⁴ Здесь и далее: Там же. С. 12–20.

⁴⁵ См. об этом специальный номер издаваемого Всемирной Организацией исламской помощи журнала «Аль-Игаса Ас-Саудийя», посвященный организации помощи косоварам. – Аль-Игаса Ас-Саудийя, Эр-Рияд, № 26, апрель 2001.

⁴⁶ Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. Аль-Ляджна ас-саудийя аль-муштарака ли игасат Косова ва Аш-Шишан. С. 11.

⁴⁷ Здесь и далее: Там же. С. 2–7.

⁴⁸ Там же. С. 9.

⁴⁹ Здесь и далее: 4 аям фи Косова, С. 22, 28–29, 32–35.

⁵⁰ Сошлемся на одну из последних публикаций на тему, во многом совпадающую с сюжетом этой статьи и содержащую серьезный обзор некоторых итогов научной дискуссии по проблеме взаимоотношений между странами арабского мира и мусульманами России: Поляков К.И. Арабские страны и ислам в России. М., 2001.

⁵¹ В России уже существует значительная литература, посвященная этому вопросу. Достаточно сослаться на исследования А.В. Малащенко: Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998; Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001; а также: Малащенко А., Тренин Д. Время Юга. Россия в Чечне, Чечня в России. М., 2002.

⁵² Вакфа маа масират ита арбаа санават фи джумхарийят Аль-Иттихад Ас-Совьетий ас-сабик. 1412–1416. Хейа аль-игаса аль-ислямийя аль-алямийя (Этапы четырехлетнего пути благотворительности в республиках бывшего Советского Союза. 1412–1416 Х. Всемирный комитет исламского спасения). Джидда, б/г. С. 1.

⁵³ См. оценку мусульман расположенного в Оренбургской области г. Бугуруслана представителями приезжавшей туда в начале 90-х годов миссии фонда «Исламский вакф»: Косач Г.Г. Муфтият российского постсоветского региона: становление и эволюция. – «Вестник Евразии», М., № 2, 2000.

⁵⁴ См. об этом, например, уже цитировавшуюся выше и вышедшую на русском языке саудовскую работу: Шахин С. Объединение Саудовской Аравии. Исторический обзор. Эр-Рияд, 1993.

⁵⁵ Здесь и далее: Вакфат маа масират ита арбаа санават фи джумхарийят Аль-Иттихад Ас-Совьетий ас-сабик, С. 19–42.

⁵⁶ Аль-Манашит ас-сакафийя. С. 82–84.

⁵⁷ Такрир ан аль-мусаадат аль-мукаддама мин Барнамадж аль-малик Фахд аль-игасий ли Аш-Шишан фи аль-мудда мин шахр зи аль-хиджа 1415 х. – шахр шавваль 1417 х. мин иадад аль-мудир ат-танфизий лиль Барнамадж (Отчет о помощи, оказанной Программой спасения Чечни им. короля Фахда в период с месяца зу-аль-хиджа 1415 г. х. по месяц шавваль 1417 г. х., подготовленный исполнительным директором Программы). Б/м, б/г. С. 1.

⁵⁸ Здесь и далее: Ат-Турки М.А. Аль-Амаль аль-игасий ад-дуввалий ва аль-мубадарат ас-саудийя. С. 24.

⁵⁹ Такрир ан аль-мусаадат аль-мукаддама мин Барнамадж аль-малик Фахд аль-игасий ли Аш-Шишан. С. 2.

⁶⁰ Здесь и далее: Там же. С. 2–8.

⁶¹ Здесь и далее: Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. Аль-Ляджна ас-саудийя аль-муштарака ли игасат Косова ва Аш-Шишан. С. 7–8.

⁶² Там же. С. 11–12.

⁶³ Здесь и далее: Там же. С. 10.

⁶⁴ См. об этом: Поляков К.И., цит. произв. С. 81–83.

Глава V

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Начало 90-х годов свидетельствовало, что Саудовская Аравия становилась важным актором не только в контексте региональных, но и глобальных связей. Впрочем, оба этих аспекта ее внешней политики были взаимосвязаны и взаимоопределяющи. Если королевство все более обретало качество ведущего «центра силы» в геополитическом пространстве арабского (и, соответственно, ближневосточного) и мусульманского региона, если в этом пространстве оно (вместе со своими партнерами по ССАГПЗ) выступало как фактор стабилизации и содействия процессу вхождения составляющих его государств в глобализирующийся политический и экономический миропорядок, то оба этих обстоятельства не могли не воздействовать на повышение значения этой страны для всей системы международных отношений.

При этом Саудовская Аравия, последовательно выступая за сохранение и укрепление своего статуса наиболее значимого звена арабо-мусульманского региона и повышения своего международного престижа, стремилась к тому, чтобы стать одним из элементов многополюсного мира. Естественно, в своих контактах с остальными членами мирового сообщества и прежде всего с Соединенными Штатами, королевство хотело бы быть выразителем интересов этого полюса. Для этого у него были основания, а именно: длительная и плодотворная история взаимодействия с ведущей державой современности, несомненно важная роль в системе хозяйственного миропорядка, стабильное развитие (на фоне иных стран арабо-мусульманского мира) в течение всего времени после окончания второй мировой войны и, наконец, сплоченность местного «правлящего класса», объединенного общими интересами сохранения условий безопасного развития страны.

В конечном итоге, возможность решения королевством выдвигавшейся им внешнеполитической задачи зависела от его способности адекватного ответа на вызовы глобализирующегося мира. Это предполагало, что в процессе поиска этого ответа оно должно было находить методы защиты собственных национальных интересов. Вместе с тем, поиск этих методов был немыслим без нахождения компромисса (и, как следствие этого процесса, консервативной модификации констант внешней политики) с ведущими центрами глобализирующегося мира, где основную роль начинали играть Соединенные Штаты. Уже в начале 90-х годов было очевидно, что саудовская политическая элита готова к движению по этому пути.

1. Определение места государства в меняющемся мире

В 1992 г. неоднократно упоминавшийся журнал «Дирасат саудий» опубликовал статью своего сотрудника Х.Аль-Манкури. Она называлась «Королевство Саудовская Аравия и новый миропорядок с точки зрения геополитики»¹. Многие ее положения заслуживают внимательного прочтения.

Для автора этой программной для внешнеполитического ведомства королевства статьи было очевидно, что кризис 1990–1991 гг. в регионе Залива (вне зависимости от различий в позициях великих держав и, прежде всего, США и Советского Союза в отношении путей его решения) стал фактором кристаллизации тенденции к созданию новой системы международных отношений. Эта тенденция, выроставшая из обоюдного стремления обоих полюсов мирового развития, демонстрировала возможности более активных действий в направлении решения как уже существовавших кризисных ситуаций, так и тех «конфликтов, которые могли стать реальностью мирового развития в обозримом будущем». Саудовская Аравия не только приветствовала эту новую реальность, но и стремилась поддержать процесс ее становления. Это определялось прежде всего тем, что перспективы «нового миропорядка» – «уход в прошлое разделявшего супердержавы противостояния» – открывали перед «странами третьего мира» возможность реализации идеи «международного сотрудничества и взаимопомощи ради решения региональных и общемировых проблем». Таким образом подтверждался один из основополагающих принципов внешнеполитической линии саудовского королевства с помощью новой версии того, что творцы его внешней политики называли «живым сочетанием морали и реализма».

По словам Х.Аль-Манкури, региональный кризис вокруг Кувейта уже в момент своего возникновения приобрел отчетливо выраженный международный характер. Вопрос не сводился только к тому, что регион Персидского залива далек от того, чтобы рассматривать его в качестве «маргинального». Хотя акторы системы региональных отношений (саудовский автор имел в виду прежде всего собственную страну), по его словам, должны квалифицироваться в «рамках соотношения государств в системе международных отношений как малые силы», в контексте же международных отношений в Заливе они выступают в роли «максимально эффективных игроков, располагая определенным силовым потенциалом и значительным весом».

Но проблема этим лишь не ограничивалась. Все те же акторы «географически расположены в регионе, принципиально важном для всего мира, где скрещиваются конкурирующие между собой интересы великих держав и где сосредоточены огромные запасы энергетического сырья, в частности, нефти, оказывающие значительное влияние на жизнь большинства стран мира». В какой мере эти акторы, в военном отношении оказавшиеся далекими от самостоятельного решения

кризиса вокруг Кувейта, «будут способны, принимая вытекающие из нового мирового порядка реалии международного согласия и взаимопомощи, обеспечивать себе свободу действия в контексте новых взаимоотношений между великими державами»? Иными словами, «каковы пределы роли малых стран (стран «третьего мира») в процессе укрепления основ нового мирового порядка? Будут ли они партнерами великих держав или зависимыми от них, как это происходило в условиях старого мирового порядка?».

Это постановка вопроса отнюдь не была риторической. Напротив, включая в себя пока подспудную мысль, она выглядела как в высшей степени реалистическая. Эту мысль можно было бы резюмировать следующим образом: в какой мере Саудовская Аравия, оказывавшаяся в прошлом государством, успешно защищавшим «ценности» собственной самобытности и с их помощью легитимировавшим свой внешнеполитический курс, могла теперь апеллировать к этим «ценностям»? Речь шла не только о теории, но и о практике поведения исламской страны, на территории которой после освобождения Кувейта оставались американские вооруженные силы, превращавшиеся в едва ли не единственного гаранта обороны всей зоны Персидского залива, включая и Саудовскую Аравию. Наступило ли время, подчеркивал Х.Аль-Манкури, «выбора такой модели внешней политики, которая предполагает, что в контексте нового мирового порядка свобода действия малых сил окажется ограниченной»?

Ответ на этот вопрос для Саудовской Аравии оказывался отрицательным. Основное положение анализируемой статьи – Саудовская Аравия является страной, «связанной историческими узами со становлением нового мирового порядка». Если с уходом в прошлое разделяющих оба полюса мирового развития противоречий мир вступал в эпоху, когда в большей мере, чем ранее, его развитие будут определять «принципы мира, справедливости и господства права», то это означает, что традиционный саудовский курс оказался дееспособным, поскольку он всегда исходил из того, что «положения мусульманской веры отвечают этим принципам». Дискурс, легитимирующий ее внешнеполитические начинания, оказывался незыблемым. Однако, опираясь на него, страна должна была оправдать свое положение во вновь формирующемся мире или, как писал Х.Аль-Манкури, найти «наиболее адекватную для королевства форму международно-го сотрудничества и взаимодействия».

Автор статьи считал (выражая точку зрения, господствовавшую в рядах саудовской политической элиты), что в принципе такая форма, являющаяся одновременно и инструментом сотрудничества стран и народов, уже существует. Речь шла об ООН как организационном оформлении идеи единого и одновременно многообразного общечеловеческого сообщества и о созданных Объединенными Нациями институтах поддержания и защиты взаимодействия между составля-

ющими это содружество элементами. Саудовская Аравия уже в начале января 1942 г. официально заявила о своем присоединении к заявлению о необходимости создания международной организации для поддержания мира. Объявив войну Германии и Японии, она участвовала в конференции государств, создавших ООН в апреле 1945 г. в Сан-Франциско (где она была представлена в то время наследником престола эмиром Фейсалом), и в октябре того же года подписала Устав Организации Объединенных Наций.

Действия Саудовской Аравии определялись тем, что «провозглашенные Уставом ООН принципы мира, справедливости и суверенитета права в сфере международных отношений полностью совпадают с вероучением религии ислама, на котором строится политический курс королевства». Цитируя одно из заявлений короля Фахда, Х.Аль-Манкури подчеркивал, что деятельность Саудовской Аравии в ООН и ее институтах «отражает ее принадлежность к единой семье международного сообщества, жизнедеятельность которого, вне зависимости от различий интересов его членов, определяется общим для всех них пониманием принципов мира, справедливости, включая и ее экономическую составляющую, и равенства прав».

Таким образом, «новый миропорядок не является новым ни для мирового сообщества, ни для королевства». По словам Х.Аль-Манкури, «новым оказывалось лишь то, что, спустя полвека после создания ООН, появилась реальная возможность практического воплощения в жизнь провозглашенных в момент ее создания принципов». Однако, «вера королевства в то, что Устав ООН в полной мере соответствует его действиям, базирующимся на принципах благородной религии ислама, придавала саудовской политике особый оттенок, не свойственный курсу любого другого государства». Если кто-то из членов международного сообщества и мог претендовать на то, чтобы стать базовым элементом движения мира к полноценной реализации принципов основополагающего документа ООН, то в первую очередь это относилось к саудовскому королевству² «Королевство Саудовская Аравия, – писал Х.Аль-Манкури, – составная часть международного политического, экономического и геополитического баланса сил, определяющая его роль в качестве одной из важных основ нового мирового порядка»³. Что означало это положение цитируемого автора в его практическом оформлении?

Специфика саудовского геополитического положения, продолжал он, заключается в том, что его страна «как часть региона Арабского залива»⁴, объекта конкуренции великих держав на протяжении всего времени современной истории, играет роль связующего звена между Старым и Новым Светом». Но, кроме того, Саудовская Аравия «занимает центральное положение на Ближнем Востоке в узком и широком понимании этого региона». Одновременно, это же государство «занимает срединное положение в арабском и мусульманском мире,

имеющем неоспоримо огромное значение с точки зрения демографической, цивилизационной, политической и экономической».

Более того, «географическое положение» страны принципиально важно, поскольку ее территорию омывают «водные пространства, а также проливы и заливы (Красное море, Арабский и Акабский заливы, Ормузский и Баб эль-Мандебский проливы), как в прошлом, так и ныне являющиеся жизненными артериями для большинства государств развитого мира, а также воротами региона, способствующими развитию торговых и цивилизационных контактов». Все то же географическое положение королевства, «со всех сторон окруженного арабо-мусульманскими государствами, увеличивает его стратегическое значение». Это определяется «открывающейся перед ним возможностью взаимодействия и сотрудничества с соседствующими с ним политическими, экономическими и социальными системами этих государств в силу того, что по своим существенным параметрам они похожи на королевство (речь идет об общей для них принадлежности к арабской и мусульманской «нации», – *авторы*), отличаясь от него только по форме».

Таким образом, Саудовская Аравия не могла рассматриваться только лишь как актор региональной системы. Она была важна и для системы международных отношений. Огромная территория («равная трети территории Соединенных Штатов и двум третям территории Франции», – сообщал Х.Аль-Манкури), как и «огромные запасы разнообразных природных ископаемых» в недрах страны требуют защиты ее безопасности и стабильности. Ведь «королевство важно для нового мирового порядка, а новый мировой порядок важен для королевства».

Итак, саудовский автор вновь возвращался к проблеме национальной безопасности и стабильности, являющейся лейтмотивом внешнеполитической линии королевства. Для этого действительно существовали весомые внутренние и внешние обстоятельства (уже упоминавшаяся выше окружающая регион Залива «анархия и нестабильность»), определявшие «повышенную заинтересованность, – как писал Х.Аль-Манкури, – правительства королевства в отношении защиты национальной безопасности и суверенитета».

Эта заинтересованность определяла постоянное, но «вынужденное в силу существования негативных сторон географического положения королевства» внимание саудовского «правлящего класса» к проблемам закупок вооружения и повышения боеготовности армии, постоянное подчеркивание им идеи пагубности распространения оружия массового поражения, а также порочности применения силы для решения спорных межгосударственных вопросов. Но в не меньшей мере все та же заинтересованность включала в себя и «вопросы внешней политики, строящейся на основе гибкости и умеренности, успешное проведение которой немыслимо без созидания нового мирового порядка, строящегося на принципах сотрудничества, взаимодействия, взаимозависимости государств и их взаимной убежденно-

сти в необходимости формирования безопасного, стабильного и процветающего мира».

Вместе с тем, речь шла и о второй стороне того же сюжета. Если мир должен быть заинтересован в сохранении стабильности и безопасности саудовского королевства, то итогом взаимодействия этого действительно становящегося новым мира, с одной стороны, и его жизненного важного элемента – Саудовской Аравии, с другой, должен был стать адекватный вклад королевства в дело стабильного и безопасного развития этого мира. Традиционная для саудовского политического дискурса идея «солидарности» и «совещательности», обычно применявшаяся только в системе взаимоотношений «Саудовская Аравия – арабский и мусульманский мир», на этот раз переносилась на более высокий уровень – «Саудовская Аравия и объединенное узами принадлежности к ООН мировое сообщество».

Такая постановка вопроса не возникала из ничего. Современное саудовское королевство настойчиво продвигалось к ней на протяжении всей истории своей внешней политики. Тем не менее, разрыв между ригоризмом прошлого (например, «условность» отношений с «христианским Западом» – «землей договора») и все более четко проявлявшим себя в начале 90-х годов «либерализмом» был очевиден. Более того, Х.Аль-Манкури подчеркивал, что «наиболее ярким примером серьезности подходов королевства к созданию нового миропорядка» выступает «восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом **в его новом качестве активного участника процесса реализации международной безопасности и стабильности**» (выделено в тексте, – *авторы*). Саудовская внешняя политика действительно приобретала всеобъемлющий и многовекторный характер.

Итак, обретавший новое качественное состояние «солидарный» и «совещательный» мир благодаря Саудовской Аравии в качестве его «важной основы» мог получить «возможность быть связанным, координировать свои действия, контролировать и господствовать над всеми теми географическими регионами, которые и воздействуют на него, и испытывают его воздействие»⁵. Дальнейшее изложение автором саудовских внешнеполитических подходов, выработанных в 90-е годы не оставляло сомнения в том, что в контексте «нового мирового порядка» Саудовская Аравия должна была стать центром притяжения для этих «географических регионов», поскольку «геостратегически королевство является сердцевиной этого огромного политико-экономического и цивилизационного пространства».

Х.Аль-Манкури подчеркивал, что эти «регионы» (арабский и мусульманский мир, – *авторы*) «близки к стратегическому поясу безопасности Советского Союза». Они «недалеки от региона Южной и Юго-Восточной Азии с его огромными запасами природных и человеческих ресурсов». Более того, «в их центре находится регион Ближнего Востока – очаг политической, экономической и цивилизационной напряженности».

Таким образом, «новый мировой порядок мог помочь королевству преодолеть отрицательные последствия его географического положения», что вовсе не означало, что «королевство откажется от проведения собственной политики в деле обеспечения средств своей защиты» в условиях, когда оно является «второй линией обороны в ходе арабо-израильского противостояния» на Ближнем Востоке и «передовой линией обороны против иранской и иракской экспансии» в Заливе. В условиях «нового мирового порядка» Саудовская Аравия должна была стать «пунктом контроля и упреждения в интересах сохранения безопасности и стабильности создаваемой ныне системы международной безопасности», трансформируясь в «ее геостратегический тыл, задачей которого выступало бы противодействие любым угрозам дестабилизации этой системы». Однако, у этой проблемы был и очевидный геоэкономический аспект.

Саудовская Аравия, располагающая не менее чем 25% мировых запасов нефти, выступает в роли ее ведущего мирового производителя и экспортера. Отсюда вытекает и ее «политико-экономическое значение для развитых промышленных стран», когда «и на региональном, и на международном уровне неоднократно предпринимались попытки разрушить сложившееся положение». Это означает, в свою очередь, что «новый мировой порядок призван содействовать гарантированной поставке энергоресурсов в заинтересованные в них страны на основе сотрудничества и координации действий между королевством и другими нефтепроизводящими государствами, с одной стороны, и государствами-потребителями нефти во главе с Соединенными Штатами, странами Западной Европы и Японией, с другой». Любая попытка «экономической, политической или военной угрозы этому жизненно важному источнику экономического роста», добавлял далее Х.Аль-Манкури, «создаст для саудовского государства крайне опасную ситуацию».

Разумеется, продолжал он далее, Саудовская Аравия предпринимает «последовательные усилия» для диверсификации своей экономики. Но и располагая для этого значительными материальными возможностями, она нуждается в «особых международных отношениях», призванных оказать ей содействие в «получении необходимой технологии и подготовке квалифицированных специалистов». Более того, «особое геополитическое положение королевства возлагает на него ответственность за экономический рост в окружающем его географическом пространстве». Решение задач собственного экономического развития, с одной стороны, и созидание «стабильного и безопасного регионального окружения», с другой, возможно для саудовского государства только на путях «продолжения научно-технического сотрудничества со всеми странами развитого мира».

Однако все это означает также, что и мир заинтересован в Саудовской Аравии. Ведь «в условиях нового миропорядка королевство

станет огромным рынком для значительной части производимой в промышленно развитых государствах продукции». В этих же условиях «иностранные транснациональные компании смогут вкладывать свои капиталы во многие саудовские предприятия, пользуясь гибкими и поощрительными условиями инвестирования, развитой инфраструктурой страны, ее политической стабильностью и безопасностью, дешевой рабочей силой, значительными источниками энергии и широким внутренним и внешним (арабо-мусульманским, – *авторы*) рынком».

2. Саудовская Аравия и вызов международного терроризма

13 сентября 2001 г. наследник саудовского престола принц Абдалла бен Абдель Азиз в ходе телефонного разговора с Дж.Бушем выразил американскому президенту и народу Соединенных Штатов глубокие соболезнования в связи с «террористической акцией, осуждаемой всеми монотеистическими религиями»⁶. Наследный принц заявил: «Мы отводим от ислама и арабов какую-либо ответственность за совершенные деяния, на которые не может пойти разумный человек, верящий в Господа и осознающий вечную миссию ислама». Завершая беседу, саудовский наследный принц подчеркивал: «Мы готовы к сотрудничеству с Вами в отношении выяснения того, кем были исполнители преступной акции, а также их задержания».

Из этого заявления вытекало, что саудовская политическая элита стремится сотрудничать с американской администрацией в ходе антитеррористической операции. Его содержание не оставляло сомнений: двустороннее саудовско-американское сотрудничество могло строиться только на основе учета интересов королевства, продолжавшего рассматривать себя в качестве ведущей державы в рамках арабского геополитического пространства и центра притяжения для мусульман всего мира.

Тем не менее, в какой мере события 11 сентября 2001 г. воздействовали на саудовский внешнеполитический курс, квалифицируемый в качестве «сочетания принципов морали и реализма»? Этот вопрос не кажется праздным. По мнению представителей саудовского «правящего класса», присутствие 15 граждан королевства среди 19 обвинявшихся американскими властями в совершении террористических акций в Нью-Йорке и Вашингтоне было «истиной, которую никто не может опровергнуть»⁷.

Конечно, признание этого факта саудовским министром внутренних дел принцем Найефом бен Абдель Азизом обрамлялось заявлениями о том, исполнители этих акций, вероятно, «подверглись промывке мозгов или психологическому давлению». Разумеется, он сообщал, что, быть может, «кто-то оказался способен использовать их глубокие религиозные чувства ради того, чтобы подтолкнуть их к совершению» соответствующего поступка. Член саудовского ис-

теблишмента мог, наконец, сослаться на то, что «пребывание саудовских граждан на борту самолетов еще не означает, что можно обоснованно утверждать, что именно эти саудовцы совершили операцию». Он также заявлял, что «американская администрация до сих пор не предоставила нам серьезных доказательств, подтверждений или обвинений в адрес какого-либо саудовского гражданина, способных убедить нас в том, что этот саудовский гражданин был участником» сентябрьской акции⁸. Но все это не меняло главного – религиозно окрашенные принципы саудовского внутри- и внешнеполитического курса подвергались критике и в США, и в других странах Запада.

20 сентября 2001 г. в Вашингтоне состоялась встреча между Дж.Бушем и саудовским министром иностранных дел принцем Саудом Аль-Фейсалом. На состоявшейся затем пресс-конференции С.Аль-Фейсал заявил, что, по мнению его страны и Соединенных Штатов, «государства всего мира должны стремиться к тому, чтобы излечить мир от заразы терроризма»⁹. Тем не менее, эти его слова сопровождал важный нюанс: «Цель последующих действий состоит в том, чтобы настигнуть преступников, для которых безразличны души не только мусульман, но и приверженцев других религий». Этот нюанс последовательно развивался: «В той же мере, в какой террор направлен против Соединенных Штатов, он направлен и против исламского мира с тем, чтобы создать пропасть между этим миром и всеми другими цивилизациями и, прежде всего, миром Запада. В этом, – по словам министра, – и состоит основная задача, решаемая международным терроризмом, которая, однако, отнюдь не совпадает с интересами ислама и мусульман». Отсюда выводилось обоснование сотрудничества Соединенных Штатов и Саудовской Аравии, – «не допустить возникновения борьбы между двумя мировыми центрами (миром Запада и миром ислама, – *авторы*)». Путь к этому мог проходить только «через последовательную борьбу за ликвидацию баз терроризма».

26 сентября 2001 г. в Эр-Рияде было опубликовано «Заявление королевства о разрыве всех отношений с правительством Талибан»¹⁰. В нем, в частности, отмечалось: «К несчастью, правительство Талибан превратило территорию своей страны в центр сбора, подготовки и вооружения оболваненных людей, представляющих разные национальности, включая и граждан Королевства Саудовская Аравия». Эти люди готовились к совершению преступных деяний, противоречащих законам всех вероучений». Далее в Заявлении подчеркивалось: «Поскольку правительство Талибан продолжает использовать территорию своей страны для ... поощрения преступников на совершение акций террора, постольку правительство Королевства Саудовская Аравия заявляет о разрыве всех связей с правительством Талибан. Однако, разрывая эти связи, правительство подтверждает, что находится на стороне афганского народа и продолжает поддерживать все, что может содействовать безопасности, стабильности и процветанию Афганистана».

Последние фразы не были лишь фигурой речи. В течение всего времени американской операции в Афганистане Саудовская Аравия оказывала значительную гуманитарную помощь афганским беженцам (только в начале октября 2001 г. она составила 10 млн. долл.¹¹). Сразу же после прихода к власти в этой стране временного афганского правительства во главе с Х.Карзаем (которому уже 23 декабря 2001 г. принц Абдалла направил поздравления в связи с успешным завершением в Бонне процесса внутриафганского урегулирования¹²) саудовское правительство предоставило «правительству и народу Афганистана» в качестве дара 20 млн. долл. для «восстановления инфраструктуры страны»¹³. В январе 2002 г. во время визита Х.Карзая в Эр-Рияд были официально установлены отношения между его тогда еще «временным правительством» и саудовским королевством¹⁴. Однако, накануне и в ходе проведения военной акции в Афганистане позиция королевства была взвешенной и осторожной¹⁵.

Саудовская Аравия – элемент «нового мирового порядка» – стала членом антитеррористической коалиции: «Мы почувствовали, – подчеркивал наследный принц Абдалла, – что удар, нанесенный бен Ладеном и членами его группировки, является ударом по нам в той же степени, что и ударом по Соединенным Штатам. Целью его удара было разрушение наших отношений с Америкой»¹⁶. Но вступление монархии в эту коалицию не было безусловным и безоговорочным жестом симпатии к своему союзнику. В рамках этой коалиции королевство претендовало на особое положение. Ведущие фигуры саудовского политического «класса» и страты улемов подчеркивали, что их страна имеет на это право.

Она стала объектом террористических атак еще в 70-х годах прошлого столетия (события 1979 г. вокруг Главной мечети в Мекке¹⁷), т.е. значительно раньше, чем Соединенные Штаты. Эти акции вновь стали реальностью во второй половине 90-х годов XX в. – начале нынешнего века (взрывы в ноябре 1995 г. в Эр-Рияде, в июле 1996 г. в Дахране и в октябре 2001 г. в Хобаре)¹⁸. В этой связи принц Найеф бен Абдель Азиз заявлял: «Мы не должны забывать, что королевство было первой страной, более двадцати лет тому назад впервые столкнувшейся с терроризмом и пострадавшей от него»¹⁹.

Он не сомневался в том, что «мусульмане и мир ислама никогда не простят тех, кто сегодня скрываются в пещерах и тайных убежищах» потому, что только королевство является «подлинной страной ислама, где действительно реализованы нормы шариата». Преступники же никогда не смогут «посеять в душах мусульман сомнение в отношении руководства, улемов, мужчин и женщин королевства, пусть даже, к сожалению, среди его граждан находятся симпатизирующие террористам». Для Саудовской Аравии речь шла о взаимосвязанности двух явлений, «деяния и помысла, призванных посеять ужас или террор», с одной стороны, и «крайнего излишества, включая и его религиозный аспект, или экстремизма», с другой²⁰.

Оценивая эти явления, официальный мусульманский законоучитель отмечал, что в случае «экстремизма» речь идет о человеческих поступках, являющих собой доказательства нежелания придерживаться «предписанной религией умеренности или избрания золотой середины в сфере поведения». Если «умеренность» отброшена, то, тем самым, отказ от следования ей потенциально открывает возможность «совершения террористического действия», которое, в свою очередь, представляет собой «акцию насилия или угрозы его применения в интересах осуществления преступного индивидуального или коллективного замысла».

Иными словами, «террорист» не может быть связан с религиозной доктриной, поскольку к совершению преступления он приходит только тогда, когда отказывается от естественного для верующего поведения, предпочитая ему крайние формы мышления и практики действия. В этой связи, У.бен Ладен, как это стремились доказать саудовские политики, представал в качестве наиболее яркого доказательства перехода от «умеренности» к «крайности» и, в дальнейшем, к акциям «преступного террора».

«Стеснительный, воспитанный и внутренне скрытный юноша» в начале 80-х годов отправился в Пакистан, движимый благородными целями – содействовать сбору пожертвований для помощи афганским *моджахедам*²¹. Рассказывая о бен Ладене и разоблачая один из «антисаудовских мифов», бывший саудовский посол в Лондоне (ныне министр) Г.Аль-Кусейби исходил из аксиоматического для него положения, заключающегося в том, что система саудовского воспитания и школьной подготовки основана на религиозном принципе «умеренности». Именно эта система создала «стеснительного и воспитанного» бен Ладена, первоначально ставившего перед собой «высокую морально-этическую задачу», отвечавшую принципам внешней политики его страны, – помочь страждущим и угнетенным «братьям по вере». Но, быть может, в силу присущих ему качеств, например, интровертности, полученная им дошкольная и школьная подготовка оказалась неспособной противостоять испытанию²².

В конце-концов, бен Ладен оказался в Афганистане, где «долгая история кровопролития придавала оттенок варварства всем участникам войны»²³. Там, «в начале 90-х годов он подвергся процессу трансформации – стеснительный юноша превратился в самого опасного международного террориста. Даже если сегодня все еще и идут споры о том, принимал ли он на самом деле участие в боевых действиях уже ясно, что он спустился с гор, будучи уверенным, что с помощью небольшой группы бойцов он смог поставить на колени Советский Союз и содействовать его окончательному крушению». Далее Г.Аль-Кусейби продолжал: «Когда я слушал некоторые его заявления, мне казалось, что он безумец, считающий, что, коли он разгромил одну из великих держав, то способен уничтожить и оставшуюся. Я не психи-

атр, но его слова и дела показывают, что это – человек, которому свойственна опасная мания величия. ... Он убивает потому, что наслаждается убийством». Типичный случай перехода от «крайности – экстремизма» к «деянию, сеющему ужас, – терроризму».

Виновата ли саудовская социальная среда в том, что появляются люди, подобные У.бен Ладену? Для саудовских политиков ответ на этот вопрос отрицателен. И дело не только в том, что уже достаточно давно этот человек был лишен подданства саудовского королевства, уроженцем которого он является. Вопрос сложнее, и он связан, прежде всего, с ролью Саудовской Аравии в арабском и мусульманском мире.

Если политический курс королевства характеризует «умеренность»²⁴, то ее естественными союзниками становятся «умеренные мусульманские государства и Запад». Далее цитируемый автор продолжал: «Опираясь на многие структуры, – от Совета сотрудничества арабских государств Залива до Международного банка, – мы содействовали тому, чтобы мусульманские и немусульманские государства следовали бы нашему примеру в сфере собственного развития». Но это приводило к тому, что «Саудовская Аравия становилась объектом критики со стороны некоторых арабских и мусульманских стран в силу того, что она умеренна и близка к Западу и, прежде всего, Соединенным Штатам. В течение последних тридцати лет я никогда не слышал и не читал, что королевство стремится подорвать стабильность того или иного мусульманского государства. И я задаю вопрос: а каким был бы арабский и мусульманский мир сегодня, если бы не руководящая взвешенная и умеренная роль, которую в этом мире играет Саудовская Аравия?»²⁵.

Это был серьезный вывод, означавший, что вступление в международную антитеррористическую коалицию ни в коей мере не означало, что саудовское королевство намеревается отказаться от принятых в нем шариатских норм жизни и поведения. Они должны были остаться той основой, с помощью которой внутри страны достигалась необходимая степень гомогенизации социума, а также осуществлялась его медленная, но последовательная трансформация.

На Западе должны были понять, как утверждали члены саудовской политической элиты, что суннитский ислам и принятый в королевстве его ханбалитский *мазхаб*²⁶, представляет собой «вечную цивилизационную миссию мусульманской нации, несущую знание и мысль». Эта «миссия» направлена на то, чтобы «воспитывать человеческое сообщество в духе культуры толерантности, диалога, обмена материальными и духовными благами, сотрудничества, уважения человека, отказа от терроризма и тирании»²⁷.

Иными словами, это открытая религиозная доктрина, «существующая», как подчеркивал принц Абдалла бен Абдель Азиз, открывая состоявшуюся в марте 2002 г. в Эр-Рияде конференцию «Ислам и диалог цивилизаций», «в меняющемся мире и не страшась не только

достижений современной науки, но и иных цивилизаций». Напротив, на «родине ислама возникли школы и университеты, были созданы библиотеки, а в университеты Запада были отправлены многочисленные студенты. Ведь того, – продолжал саудовский наследный принц, – требует Господь. И только благодаря предписанному Им цивилизационному диалогу свет уничтожает тьму, а души людей начинают прозревать и осознавать суть современных научных открытий, раскрывающих тайны окружающей нас и созданной Им вселенной»²⁸.

Представители саудовской политической и религиозной элиты понимали при этом, какой огромный ущерб стабильности их государства приносила антиисламская составляющая (в которой саудовский истеблишмент видел прямое следствие распространения идей С.Хантингтона²⁹), сопровождавшая антитеррористическую кампанию. Для них это было естественно, поскольку эта составляющая становилась одним из источников, питавших оппозиционные настроения внутри королевства. Для саудовской политической элиты адекватным ответом на складывавшуюся внутри страны ситуацию становилось не только усиление роли мусульманской риторики, но и, что не менее важно, проведение активного курса на укрепление религиозных основ жизнедеятельности социума.

Встречаясь с членами Консультативного совета, принц Абдалла подчеркивал важность «создания новых рабочих мест для сыновей и дочерей страны» или «развития ненефтяных секторов экономики». Но в не меньшей степени его интересовало «сохранение исламского вероучения, претворение исламского шариата, укрепление роли его принципов» в жизни страны, «защита этих принципов, означающая одновременно защиту отечества». Духом шариатских установок требовалось пронизать «сферы промышленности, сельского хозяйства, торговли, добычи природных ископаемых» и, наконец, «подготовки человеческого потенциала». Этот дух следовало в еще большей мере «распространить на административную систему, улучшив качество предоставляемых гражданам услуг».

В Саудовской Аравии стремились свести к минимуму последствия воздействия антиарабских, антисаудовских и антимусульманских выступлений в Соединенных Штатах на наиболее активные слои саудовского социума (интеллигенцию и «предпринимательский класс»). Прибыв в декабре 2001 г. на родину, посол королевства в Вашингтоне принц Б.бен Султан заявлял, что все сообщения о «дурном обращении с саудовскими гражданами в Америке – не более, чем искаженные слухи, цель которых состоит в том, чтобы нанести ущерб прочным отношениям, связывающим две дружественные страны»³⁰. Говоря же о «неких трудностях» в деятельности саудовских финансовых учреждений на территории США, он подчеркивал: «Все, что говорится об этих трудностях, – слухи и преувеличения. Королевство заинтересовано в поддержании своих экономических интересов, в со-

хранении интересов своих коммерсантов и, в целом, интересов саудовских экономических структур потому, что королевство играет влиятельную роль в Соединенных Штатах, служа одновременно интересам мусульман и ислама».

Впрочем, речь шла не только о риторике. Участвуя в антитеррористической коалиции, Саудовская Аравия стремилась к активному взаимодействию с США в области обмена оперативной информацией о членах организации «Аль-Каида», местах их дислокации и деятельности, что предполагало, в частности, введение контроля над их финансовыми возможностями³¹. Одновременно, в королевстве категорически отвергали высказывавшуюся после начала вооруженной акции в Афганистане в некоторых арабских странах идею бойкота американских товаров³². Впрочем, в равной мере это относилось и к вопросу о нефтяном бойкоте ведущей страны Запада³³.

Выступая в апреле 2002 г. на заседании Конгресса по вопросам саудовско-американских нефтяных и экономических отношений, саудовский министр нефти и минеральных ресурсов А.И.Ан-Нуэйми подчеркивал: «Тот, кто думает, что отношения между королевством и Соединенными Штатами основываются только на нефти, а значение королевства заключается только в его нефтяных богатствах, ошибается. Нефть выступает лишь как часть вопроса отношений между нашими странами»³⁴. Далее он продолжал: «Когда на Ближнем Востоке появилась новая независимая сила – Королевство Саудовская Аравия, его основатель король Абдель Азиз считал США своим естественным союзником. Это происходило потому, что президент Вудро Вильсон выдвинул принцип права народов на самоопределение в то время, когда большинство стран мира находилось под гнетом европейского колониализма». Отсюда вытекало, что, как и в прошлом, Соединенные Штаты должны видеть в Саудовской Аравии державу, суверенно выбирающую и принципы своего внутреннего устройства, и основы проводимой ею линии в сфере международных связей и контактов. Если же, как вытекало из слов А.И. Ан-Нуэйми, саудовская сторона честно выполняет свои партнерские обязательства по отношению к США (как в области нефти, так и коммерческих связей), то это значит, что и ее партнер должен считать необходимым «развивать еще более тесные отношения с королевством».

Однако, существовал и дополнительный внешний аспект проблемы саудовского участия в деятельности международной антитеррористической коалиции. В ситуации после 11 сентября саудовское руководство стремилось достичь единства действий в традиционных для него сферах региональной деятельности. Это были, естественно, государства ССАГПЗ, арабское геополитическое сообщество и мусульманский мир. Мусульманская риторика в их случае была более чем уместна.

В конце декабря 2001 г. на сессии Высшего совета ССАГПЗ в Маскате наследный принц Абдалла подчеркивал³⁵: «Арабская и исламская нация понесла огромный ущерб в связи с безрассудным поведением убийц, поднявших лозунги ислама (хотя в их руках эти лозунги – ложь) и заявивших, что они действуют на благо арабской и мусульманской нации, оказавшейся первой жертвой их преступления». В этих условиях, подчеркивал принц, «все мусульмане должны без оговорок и открыто осудить любые террористические действия». Неоспоримость положения о том, что ислам «являет собой религию милосердия и любви», требовала от мусульман, по словам Абдаллы, основанного на «мудрости и добром увещании отношения к другим, показывающего, как ведет себя настоящий мусульманин».

Единые, как это всегда подчеркивали в Саудовской Аравии, с точки зрения культуры, ценностей социума, религии и основ политических систем страны-участницы ССАГПЗ могли бы сыграть решающую роль в пропаганде идеи «умеренности», благодаря которой «остальные цивилизации» окончательно увидели бы в арабском геополитическом сообществе и мусульманском мире не «чуждый им элемент», а составляющую «единого человечества».

10 октября 2001 г. в столице Катара Дохе открылась 9-я (чрезвычайная) сессия совещания министров иностранных дел государств-членов ОИК. Саудовская Аравия не только участвовала в ее проведении, но и активно содействовала тому, чтобы все участники сессии осудили события 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне, выразили свои соболезнования и «чувства симпатии» американскому народу, подчеркнув «законность преследования виновных в совершении террористических акций и их передачи органам юстиции для наказания»³⁶. И далее заключительное коммюнике сессии подчеркивало: «Основываясь на положениях Хартии ОИК, касающихся борьбы с международным терроризмом, совещание выражает стремление государств-членов Организации исламская конференция принять активное участие в усилиях, предпринимаемых международным сообществом под эгидой ООН, в интересах борьбы со всеми формами терроризма, выкорчевывании его корней и достижении стабильности и безопасности в мире». Это был важный успех саудовской дипломатии, дополнявшийся и тем, что в текст коммюнике было включено положение не только о «несовместимости терроризма и благородной религии ислама», но и о стремлении стран ОИК к «углублению диалога, способствующего дальнейшему сближению исламского мира и Запада».

3 апреля 2002 г. на чрезвычайной сессии совещания министров иностранных дел государств-членов ОИК в столице Малайзии Куала-Лумпуре выступал заместитель саудовского министра иностранных дел Н.У.Мадани³⁷. Ведущей мыслью его выступления было четко выраженное и сопровождавшееся новыми идеями положение, связанное

с тем, что саудовское королевство, которое давно «подвергается атакам террористов», считает для себя «естественным и логичным выступить в качестве инициатора осуждения чудовищных террористических преступлений, ареной которых стали США».

В равной мере «естественным и логичным» для королевства было и то, что оно «выступило инициатором сотрудничества исламских стран с усилиями международного сообщества, направленными на то, чтобы захватить и наказать преступников, а также на проведение беспощадной кампании против терроризма как такового». По словам саудовского дипломата, его страна «будет содействовать тому, чтобы эта кампания длилась бы столько, сколько понадобится для ликвидации всех источников терроризма и защиты всех возможных его жертв, где бы они ни находились».

Эта позиция подтверждалась и в ходе состоявшейся в июне 2002 г. в Хартуме встречи министров иностранных дел государств-членов ОИК. Речь принимавшего в ней участие руководителя саудовского внешнеполитического ведомства принца С.Аль-Фейсала не оставляла в этом никаких сомнений. Он говорил о вступлении «мирового сообщества после событий 11 сентября 2001 г. в новую историческую эпоху»³⁸. Для него было ясно, что «исламская нация может остаться на обочине истории, ... если она не извлечет уроков из своего нынешнего состояния», «не откажется от противостояния и не перейдет к сотрудничеству, оставив все, что ведет к греху и агрессии».

3. Саудовская Аравия и иракский кризис

Проблема Ирака как части той группы стран, которую в США называли «осью зла», не могла остаться вне поля зрения саудовского руководства. Это было естественно. Американские угрозы в адрес Ирака были направлены против непосредственного соседа саудовского королевства, когда под вопрос была поставлена законность власти в одном (пусть и не ведущем) из акторов системы арабских (и ближневосточных) международных отношений. Наконец, конфликтная ситуация в связи с Ираком (в отличие от вопроса о палестино-израильском противостоянии) раскалывала эту систему, в то время как саудовский курс был направлен на ее укрепление в интересах упрочения ведущей роли страны в пределах ее геополитического пространства.

Саудовская Аравия оставалась членом международной антитеррористической коалиции, и это определило возможность сохранения (несмотря на некоторые серьезные противоречия) ею высокого уровня отношений с Соединенными Штатами в период кризиса вокруг Афганистана. Однако, американская позиция в отношении Ирака означала возможность возникновения дополнительных (и, возможно, более глубоких, чем в афганском случае) противоречий, если не кризиса, в сфере саудовско-американских отношений и, как их следствия,

изменения роли и места Саудовской Аравии как в области региональной, так и международной политики. Вырабатывая свое отношение к событиям вокруг Ирака, саудовский «правлящий класс» должен был учитывать все эти обстоятельства.

Проблема Ирака после 11 сентября 2001 г. становилась едва ли не самым серьезным направлением дискуссий между США и Саудовской Аравией. Это было естественно, поскольку, по мнению королевства, единство международной антитеррористической коалиции, как и участие в ней арабских и мусульманских государств без положительного для арабо-мусульманского мира решения этой проблемы было бы затруднено, если не невозможно в принципе. Идя на необходимые компромиссы в своих отношениях с США, Саудовская Аравия считала важным, чтобы ведущая держава мира шла на адекватные компромиссы в отношении региона, где саудовское королевство осуществляло свой внешнеполитический курс.

Принимая в марте 2002 г. в Джидде вице-президента США Р.Чейни, где он встречался с королем Фахдом и наследным принцем Абдаллой, представители саудовского «правлящего класса» заявили ему, что королевство «отказывается разрешить американским войскам использовать его территорию для удара по Ираку или любому другому арабскому или исламскому государству»³⁹. Эта позиция была четко выражена принцем Абдаллой: «В нынешних условиях удар по Ираку станет катастрофой, имея в виду возможные последствия для региональной безопасности». Наследник престола был откровенен: «Вместо удара по Ираку Вашингтон должен использовать международные усилия, чтобы заставить Ирак выполнить резолюции ООН».

Принц Абдалла «посоветовал» Р.Чейни содействовать «безопасности региона, оказав давление на Израиль, чтобы положить конец серии актов насилия в отношении палестинского народа и создать независимое палестинское государство со столицей в Восточном Иерусалиме». Отныне саудовский «правлящий класс», определяя линию своего поведения в иракском вопросе, неизменно связывал кризис вокруг этой страны с необходимостью адекватного, по мнению этого «класса», решения проблемы палестино-израильского противостояния в ходе *интифады мечети Аль-Акса*. По мнению саудовского наследного принца, только оказав давление на Израиль, США смогут доказать, что они стремятся к «установлению справедливого и прочного мира в регионе в качестве условия, способного во многом помочь уничтожению корней терроризма, против которого Соединенные Штаты возглавляют международную коалицию». Тон наследного принца был резок, но в Саудовской Аравии подчеркивали, что «Эр-Рияд не входит в число тех, кто получает экономическую помощь Вашингтона, а это позволяет ему обеспечивать независимость собственных решений и не подвергаться американскому давлению».

В конце апреля 2002 г. по приглашению Дж.Буша принц Абдалла посетил Соединенные Штаты. Официальное саудовское сообщение отмечало, что саудовско-американские «переговоры затрагивали вопросы осуждения терроризма арабскими и мусульманскими странами»⁴⁰. Для принца Абдаллы, по его словам, встреча с Дж.Бушем означала «начало сильных личных отношений» между ними, «создающих основу для укрепления отношений между странами». При этом саудовский наследный принц заявил американскому президенту, что его страна ни в коем случае не примет участия в возможной военной акции против Ирака. Более того, он подчеркивал, что саудовские аэродромы, а также воздушное пространство страны и ее территория не будут предоставлены в распоряжение американских (и их союзников) вооруженных сил.

Принц Абдалла был откровенен, говоря, что если США «не примут дополнительных усилий для прекращения агрессивных актов со стороны Израиля, то они будут продолжать терять свой авторитет на Ближнем Востоке, создавая там обстановку нестабильности, порождающую угрозу американским интересам». Ради недопущения развития ситуации в этом направлении Саудовская Аравия, будучи «другом Соединенных Штатов», считала необходимым содействовать тому, чтобы США «осознали опасность, которой они подвергаются, утрачивая авторитет и нанося ущерб своим интересам». Не приходится говорить, что наследный принц считал, что залогом сохранения Соединенными Штатами своего авторитета на Ближнем Востоке, может быть только поддержка ими выдвинутой им в Бейруте инициативы.

Упорство, проявлявшееся саудовским руководством в вопросе о невозможности использования территории своей страны для нанесения ударов по Ираку (увязываемое с необходимостью скорейшего создания палестинского государства), становилось поводом для оказания жесткого давления на королевство. Весомым подтверждением этого была публикация в американских газетах отрывков из доклада экспертной группы Л.Муравича (аналитический центр RAND Corporation), в котором говорилось, что в определенных кругах американских политиков Саудовская Аравия рассматривается в качестве враждебного США государства. Подобные утверждения вызвали резко негативную реакцию саудовской политической элиты.

Но эта реакция имела свои пределы. Саудовский министр иностранных дел отмечал, в частности, что предпринятая в этом докладе попытка «представить королевство в качестве врага Соединенных Штатов Америки», как и «многие другие публикации и доклады, отрицательно оценивающие королевство», не более чем «измышления, источником которых выступают дискуссионные клубы и исследовательские центры, но не американская администрация». По словам С.Аль-Фейсала, «немыслимо», чтобы Саудовская Аравия, «сотрудничающая с США в сфере обмена информацией, создавая с ними

совместную комиссию по замораживанию финансовых потоков, служащих терроризму, могла обвиняться в поддержке терроризма, действующего и против королевства». В своем заявлении он говорил: «Этот и подобные ему доклады и сообщения служат лишь одному: создать мнение, что Соединенные Штаты не нуждаются в союзниках для войны с терроризмом, а стремятся создать себе врагов из числа государств, которые органически являются их союзниками»⁴¹.

Саудовская реакция заставляла американскую администрацию отмежевываться от возможной интерпретации доклада Л.Муравича в качестве официальной позиции руководства США. Практически сразу же после публикации этого документа Дж.Буш связался по телефону с принцем Абдаллой, чтобы заявить ему, что «Соединенные Штаты и Королевство Саудовская Аравия связывают прочные, проверенные историей отношения». Американский президент квалифицировал «любые заявления об ухудшении отношений между обеими странами как безответственные акты, выражающие лишь точку зрения их авторов и не способные повлиять на вечную дружбу и сотрудничество между нами»⁴². Заявления, идентичные тому, которое было сделано Дж.Бушем, последовали также и от Р.Чейни, К.Пауэлла и других высших чиновников американской администрации.

Состоявшееся в Каире в начале сентября 2002 г. совещание министров иностранных дел арабских стран заявило о своем «категорическом неприятии любой угрозы агрессии против Ирака». В постановке этого вопроса речь шла о том, что «угроза безопасности и целостности любого арабского государства станет угрозой национальной безопасности всех арабов». Речь шла не только о словах, но и о делах, поскольку соответствующие послания были направлены в Тель-Авив и Вашингтон. Не менее категоричны были и требования о немедленном прекращении «израильской агрессии против палестинского народа». Саудовская точка зрения становилась основой для выработки общеарабской позиции в отношении Ирака.

Однако, эта точка зрения имела и другую сторону. Министры иностранных дел стран-членов ЛАГ потребовали от Ирака «не прекращать диалог с ООН», понимавшийся прежде всего как согласие иракской стороны с идеей допуска на его территорию международных инспекторов. Осуждая Израиль, в Каире вместе с тем подчеркивали, что «арабские страны усилят политическую, дипломатическую и информационную деятельность, нацеленную на то, чтобы разъяснять мировому общественному мнению, что путь к миру на Ближнем Востоке проходит только через реализацию известных резолюций Совета Безопасности ООН и международных соглашений»⁴³. По мнению С.Аль-Фейсала, «совещание арабских министров иностранных дел было хорошим и важным»⁴⁴.

Итоги каирского совещания содержали в себе действительно важное и принципиально необходимое для Саудовской Аравии поло-

жение. Ведь предъявлявшееся к иракскому правительству требование сохранения контактов с ООН рассматривалось ею в качестве способа избежать вспышки новых военных действий в регионе Персидского залива. Любая позиция Ирака в отношении этого требования (конечно же, при условии учета Соединенными Штатами точки зрения своего «стратегического партнера») создала бы для саудовской дипломатии необходимое поле для маневра. Выступая 12 сентября 2002 г. на 57-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Дж.Буш связал возможность нанесения военного удара по Ираку с согласием этой страны на выполнение ряда выдвинутых им условий, одним из которых было «немедленное и безусловное уничтожение оружия массового поражения», означавшее и признание им необходимости возвращения в Ирак международных инспекторов⁴⁵.

Саудовский министр иностранных дел приветствовал изменение американского подхода, заявив, что «позиция королевства соответствует новой позиции американского президента, выразившей себя в его желании действовать вместе с ООН в отношении проблемы Ирака». Иными словами, как отмечал он, «если ООН примет решение о мерах в Ираке, то королевство будет готово с ней сотрудничать», поскольку «любое государство, подписавшее Устав ООН, должно выполнять, как того требует статья седьмая Устава, резолюции Совета Безопасности»⁴⁶.

В то же время, встречаясь вместе с министрами иностранных дел арабских стран, принимавшими участие в работе той же сессии Генеральной Ассамблеи, с иракской делегацией, С.Аль-Фейсал подчеркивал в переданном через нее обращении к правительству Ирака: «Мы требуем от наших братьев в Ираке принять идею безусловного возвращения инспекторов». Если, по его словам, этого не случится, то «ни одно арабское государство не сможет помочь Ираку или бросить вызов Совету Безопасности, поскольку тогда другие арабские государства станут объектом применения против них международных санкций». Текст этого обращения был поддержан всеми арабскими коллегами С.Аль-Фейсала⁴⁷.

Естественно, что саудовская политическая элита приветствовала резолюцию Совета Безопасности ООН № 1441. В заявлении состоявшегося 19 ноября 2002 г. заседании кабинета министров страны в этой связи подчеркивалось: «Совет министров приветствует принятие Ираком резолюции Совета Безопасности, предусматривающей возвращение в эту страну международных инспекторов, и выражает надежду на то, что этот шаг положит конец напряженности в регионе, отдалит от него призрак войны и возможность использования против Ирака военной силы». В том же документе отмечалась необходимость «всестороннего сотрудничества иракского правительства с инспекционной комиссией и его полного содействия выполнению ею возложенной на нее миссии»⁴⁸.

Саудовская Аравия продолжала борьбу за сохранение и укрепление своего статуса регионального «центра силы». Но для этого она должна была постоянно подчеркивать, что является естественным элементом единого международного сообщества. Выражая свои соболезнования американскому президенту по случаю первой годовщины событий 11 сентября 2001 г., принц Абдалла отмечал в своем послании: «Те, кто совершили террористические акции против американского народа, действовали против всего человечества. Их злобный замысел должен был стать искрой, из которой вспыхнула бы кровавая битва между религиями и цивилизациями. Однако, – отмечал он, – я хотел бы вновь подтвердить Вам, что искренние сыны ислама не позволят группке свернувших с истинного пути экстремистов говорить от имени ислама и исказить присущее ему милосердие»⁴⁹.

В свою очередь, выступая 20 сентября 2002 г. на 57-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, министр иностранных дел С.Аль-Фейсал отмечал: «Королевство Саудовская Аравия ... приняло законы, направленные против тех, кто осуществляет акты террора, и ввело предмет “борьба с терроризмом” в качестве одной из основных дисциплин, преподающихся в его учебных заведениях». Саудовская Аравия считала, как он говорил, что для нее «принципиально важно» содействовать тому, чтобы «международная антитеррористическая деятельность превратилась бы в подлинно всемирную акцию». Но это означало также и то, что целью этой акции должна была стать «помощь всем членам международного сообщества с тем, чтобы защитить их от зла терроризма, включая и те формы террора, которые официально поддерживаются государствами»⁵⁰. Иракский кризис вновь связывался с саудовским пониманием сути израильской политики.

Саудовская позиция фиксировалась и арабскими совещаниями в верхах, предшествовавшими началу военной акции в Ираке. Заключение коммюнике бейрутского саммита ЛАГ в марте 2002 г. требовало от ООН активизации действий международного сообщества, направленных на разблокирование ситуации в обоих регионах Палестинской Национальной автономии, считая действия израильских властей ярким «проявлением государственного терроризма». Участники совещания в верхах в ливанской столице выражали свое стремление активно участвовать в ликвидации террористической угрозы миру, но они резко возражали против «попыток некоторых кругов связать феномен терроризма с исламом и арабами». Наконец, все тот же документ подчеркивал, что члены ЛАГ «подтверждают свое неприятие попыток использования антитеррористической кампании для выдвижения угроз в отношении какого-либо арабского государства». Тем самым, подчеркивали главы арабских государств, «готовится агрессия против безопасности и стабильности региона, что противоречит задачам и принципам ООН и международному праву»⁵¹.

ООН оценивалась творцами саудовской внешней политики как естественное поле взаимодействия, на котором осуществляется выработка совместных планов противостояния терроризму всех членов международного сообщества. Арабский мир трактовался как один из элементов этого сообщества. Еще в январе 2003 г., говоря о потенциальной возможности принятия ООН новых антииракских резолюций, принц Абдалла подчеркивал: «Если великие державы достигнут координации действий в отношении Ирака, то ООН должна будет предоставить арабам шанс договориться с их иракскими братьями. Это требование арабов»⁵².

Наконец, встреча глав государств и правительств ЛАГ в Шарм аш-Шейхе в начале марта 2003 г. вновь столь же четко и недвусмысленно проводила мысль об опасных последствиях дестабилизации арабского региона в случае начала военных действий в Ираке. Принятые этой встречей документы гласили, что только ООН и Совет Безопасности могут быть той инстанцией, которая правомочна принимать решения в отношении дальнейшего развития кризиса вокруг Ирака. В ходе саммита в Шарм аш-Шейхе члены ЛАГ достигли принципиального согласия не участвовать в возможных военных действиях на иракской территории. «Дела арабского региона и развитие существующим в нем режимов, – как подчеркивало его заключительное коммюнике, – это вопросы, которые решаются только народами региона в соответствии с их национальными интересами и вне вмешательства извне». Главы арабских стран настойчиво требовали, тем не менее, от иракского правительства оказывать «всесторонней содействие» деятельности международных инспекторов⁵³. По сути дела, это был минимум того, что могла достигнуть саудовская дипломатия в отношении выработки общеарабской позиции по Ираку в канун начала военной фазы решения кризиса.

Скорее всего, в течение длительного времени развития кризиса вокруг Ирака саудовский «правлящий класс» склонялся к мысли, что военная фаза в его эволюции окажется неосуществима в силу того, что США и Великобритания не смогут вести боевые действия, не получив поддержки со стороны арабского мира и, прежде всего, самого королевства⁵⁴. Но не менее серьезные надежды он возлагал и на позиции ведущих европейских стран (Франция и Германия назывались здесь в первую очередь), как и на способность участников антивоенных акций в различных странах мира воздействовать на свои правительства.

В Саудовской Аравии понимали, что излишнее ужесточение позиции по Ираку способно усложнить отношения королевства с Соединенными Штатами, что, в конечном итоге, поставит под вопрос признание ими саудовской лидирующей роли в арабо-мусульманском регионе. Конечно, стремясь оказать давление на американскую администрацию, саудовские лидеры уже в канун начала военной операции заявляли о возможности выдвижения требования о выводе аме-

риканских войск с территории королевства⁵⁵. Однако, прагматические интересы взаимодействия с США и реальная невозможность обеспечения единой общеарабской позиции по Ираку (доказательством этого стал саммит в Шарм аш-Шейхе, где инициатива президента ОАЭ не получила должной поддержки) заставляли Саудовскую Аравию корректировать свою позицию. Этому способствовало и все более крепнувшее понимание того, что франко-германская позиция по Ираку не несла в себе какого-либо положительного начала⁵⁶.

Наиболее ярким показателем этого процесса в преддверии военной акции становились многочисленные заявления представителей политического истеблишмента королевства о его озабоченности присутствием саудовских добровольцев в рядах отрядов «*федаинов* Саддама» и необходимости ужесточения позиции по вопросу о борьбе с международным терроризмом⁵⁷. Вместе с тем в Саудовской Аравии тщательно анализировали все заявления главы американской администрации, выделяя в них и приветствуя все, что могло свидетельствовать о «*позитивных изменениях позиции США в отношении справедливого дела палестинского народа*»⁵⁸. Ирак, что во все большей мере ощущали в Саудовской Аравии, становился препятствием на пути решения задач королевства в арабо-мусульманском мире.

Начало военных действий лишь усиливало это направление в саудовской политике. Обращаясь 25 марта 2003 г. к народу Саудовской Аравии, король Фахд и наследный принц Абдалла подчеркивали, что начало военных действий на территории Ирака было итогом не только «неудачи дипломатии сторонников мира» (в числе которых в первую очередь называлось королевство)⁵⁹, сколько «многолетних ошибок иракского правительства»⁵⁹.

Разумеется, саудовские руководители в течение всего времени военной операции в Ираке говорили о том, что начавшаяся «новая война в Заливе» несет «страдания братскому иракскому народу» и заявляли о необходимости ее «немедленной остановки»⁶⁰. Одновременно, используя возможности формально неправительственной Всемирной организации исламской помощи, Саудовская Аравия приступала к оказанию гуманитарной помощи иракскому населению⁶¹. Возникала ситуация, которая в определенной степени была идентична саудовской политике во время военной акции в Афганистане. В свою очередь, отсутствие в Ираке международно признанного правительства заставляло королевство использовать не прямые каналы помощи.

Саудовская Аравия значительно раньше, чем это было сделано в Совете Безопасности ООН (резолюцию № 1483 которого королевство, конечно же, приветствовало⁶²) заявила о своем признании «оккупационного» статуса американско-британских войск и администрации в Ираке⁶³. Эта администрация должна была содействовать не только «сохранению единства и территориальной целостности Ирака», но и «помочь в создании отвечающего интересам народа этой междуна-

родно признанного временного переходного правительства». Будущее иракское правительство, которое хотели бы видеть в Саудовской Аравии, должно быть «демократическим и стремящимся к миру и плодотворному сотрудничеству с соседями Ирака». Оно должно было стать «партнером королевства в его стремлении содействовать восстановлению братского Ирака»⁶⁴.

4. Мир после Ирака: первоначальный набросок саудовской позиции

Как выглядит мир после завершения иракского кризиса и каково место саудовского королевства в этом мире? Эти вопросы неизбежно вставали перед саудовским политическим истеблишментом. Его представители должны были дать на него убедительный и логичный ответ, набросок которого появлялся уже в момент начала военной акции.

Современный мир стал более «глобальным», даже если его «глобальный характер и искажен» появлением стремящейся к «гегемонии» одной «международной силы» – Соединенных Штатов, говорили, обращаясь 25 марта 2003 г. к народу, король Фахд и наследный принц Абдалла⁶⁵. В этом мире арабский регион оказался слабым звеном. Он «распылен», ему «всегда не хватало единой и эффективной политики, помогающей воплощать в жизнь принимаемые им решения и заявления». Оба высших представителя саудовского политического истеблишмента подчеркивали важность «реформирования политических и экономических институтов арабского сообщества» – задачу, выдвинутую новой инициативой принца Абдаллы, даже не обсуждавшуюся на саммите в Шарм-аш-Шейхе (причиной этого назывался кризис вокруг Ирака). Реализация этой инициативы (как и выдвинутой принцем Абдаллой в Бейруте) могла бы, как подчеркивалось в обращении, содействовать «выходу арабов из ситуации застоя и деградации» и помочь им «достойно ответить на вызовы глобализирующегося мира».

Речь шла об «Арабской хартии», рассматриваемой в Саудовской Аравии в качестве документа, который призван стимулировать (в случае, если он будет принят странами-членами ЛАГ) экономические и политические реформы в арабском мире⁶⁶. Важнейшим положением этого документа стала идея «внутренней реформы в арабских государствах», одним из направлений которой должна стать «дальнейшая эволюция политического участия», а также «планомерное и взвешенное поощрение творческого подхода и созидательной мысли» в том, что касается развития существующих общественно-политических структур⁶⁷.

Итак, возникла проблема места страны и возглавляемого ею общества в современном, теперь уже окончательно глобальном мире. Была ли Саудовская Аравия одинока в арабском мире в своем понимании задач, стоящих перед регионом?

Военные действия на территории Ирака, как и в начале 90-х годов, вновь выдвигали вперед группу тех арабских стран, которые

рассматривали себя в качестве интегрального элемента нового политического и экономического миропорядка. Как и во время войны за освобождение Кувейта, эта группа включала не только саудовское королевство, но и Египет и страны ССАГПЗ. Они действовали под лозунгом осуществления «демократических реформ в регионе Ближнего Востока» и, как выражал эту мысль саудовский министр иностранных дел, стремились «доказать народам региона, что то, что не было опасностью для Японии (политические преобразования времени американской оккупации, – *авторы*), не может быть опасностью для Ближнего Востока»⁶⁸. Задачей этих стран становилось создание сильного блокового объединения, влияние которого было бы распространено на весь регион арабского мира – речь шла о формировании «эффективных исполнительных механизмов развитой системы арабской безопасности»⁶⁹.

Итогом состоявшейся 3 апреля 2003 г. встречи египетского президента и саудовского министра иностранных дел стало заявление о том, что ЛАГ нуждается «в реформе, предусматривающей прежде всего коррекцию ее Устава». Предстоящий арабский саммит, по мнению египетской и саудовской сторон, должен был инициировать этот процесс. По словам М.Х.Мубарака, «если после войны регион и не станет принципиально иным, все же он должен извлечь уроки из текущих событий, должен пойти по пути развития, что принципиально важно для самого региона». Основой для движения по этому пути должна была стать нереализованная инициатива «реформирования арабского сообщества», предложенная наследным принцем саудовского королевства⁷⁰.

Иницилируя этот процесс⁷¹, саудовская сторона считала необходимым подчеркнуть, что действия в этом направлении «отвечают принципам и нормам международного права и едва ли не в полном объеме соответствуют интересам государств региона, мира и в первую очередь Соединенных Штатов»⁷². Иными словами, возникала ситуация, в рамках которой Саудовская Аравия, опираясь на провозглашенную ею идею «демократизации» арабского мира и возглавляя этот процесс, во многом восстанавливала традиционно высокий уровень своего взаимопонимания с США. Впрочем, это был едва ли не единственный способ сохранить в современном глобальном мире свою роль лидера арабского (и мусульманского) мира.

Во всяком случае, говоря о «реформаторской» инициативе наследного принца, С.Аль-Фейсал делал важное замечание: «Резкое изменение ситуации в Ираке повлияло на государства региона и даже на межарабские отношения. Что же касается саудовско-американских отношений, то обе страны спокойно преодолели переходный (военная фаза конфликта вокруг Ирака, – *авторы*) этап. Хотя обе страны и дискутировали друг с другом, тем не менее, между ними постоянно происходили консультации. Как раз итогом этих дискуссий и консуль-

таций и стало более значительное, чем в прошлом, укрепление отношений между обеими странами»⁷³.

Террористические акции 12 мая 2003 г. в Эр-Рияде еще больше сближали позиции США и Саудовской Аравии. Если американский президент подчеркивал в связи с ними, что «Королевство Саудовская Аравия является другом» Соединенных Штатов⁷⁴, то в Саудовской Аравии заявляли, что «события 11 сентября в Соединенных Штатах и 12 мая в Саудовской Аравии означают, что отныне кровь американцев и кровь саудовцев слиты воедино»⁷⁵. Саудовская делегация во главе с принцем Абдаллой была приглашена для участия в саммите 2003 г. восьми промышленно развитых государств мира во французском Эвиане⁷⁶. Запад (прежде всего, США) видел в ней силу, без участия которой искоренение международного терроризма стало бы трудновыполнимой задачей. В свою очередь, свое стремление усилить участие в этом процессе саудовский «правлящий класс» активно демонстрировал⁷⁷. Его волновало в первую очередь сохранение и поддержание стабильности «глобального мира», отношения с которым он вновь собирался строить на основе традиционного для его внешней политики принципа «умеренности»⁷⁸.

¹ Здесь и далее см.: Аль-Манкури Х. Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя ва ан-низам ад-дуввалий аль-джадид мин аль-манзур аль-джиополитикий (Королевство Саудовская Аравия и новый миропорядок с точки зрения геополитики). – Дирасат саудийя, Эр-Рияд, № 6, 1992. С. 126–150.

² Анализируя основные направления деятельности саудовской дипломатии в ООН, глава Управления Комитета по сотрудничеству министерства иностранных дел королевства отмечал в их ряду прежде всего проблемы арабомусульманского мира и, в частности, «палестинский вопрос в силу того, что он является основной проблемой арабов и мусульман, а также потому, что его появление совпало по времени со становлением Объединенных Наций, что и определило этот вопрос в качестве одного из осевых сюжетов деятельности этой международной организации». Не менее остро Саудовская Аравия была заинтересована и в решении вопроса о нераспространении оружия массового поражения, включая его ядерный, химический и биологический компоненты. Наконец, третьим направлением деятельности саудовской дипломатии в ООН становилось положение в зоне Залива, в рамках которого кризис вокруг Кувейта был одной из главных тем. См.: Аль-Джадия А.-Р.М. Сийяса Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи итар Аль-Умам Аль-Муттахида (Политика Королевства Саудовская Аравия в рамках Объединенных Наций). – Ас-Сияса аль-хариджийя лиль Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм. С. 810–811.

³ Здесь и далее: Аль-Манкури Х., цит. произв.

⁴ Обычное в арабском мире название Персидского залива.

⁵ Здесь и далее: Аль-Манкури Х., цит. произв.

⁶ Здесь и далее: Иттисаль Сумувву вали аль-ахд би ар-раис аль-американский (Разговор Его высочества наследника престола с американским президентом) // <http://www.mofa.gov.sa/>

⁷ Здесь и далее см.: Аль-Амир Найеф фи хадисихи ли маджаллят «Дер Шпигель» (Принц Найеф в интервью журналу «Дер Шпигель»). Цит. по: Айн аль-Якин. Эр-Рияд, 21 декабря 2001. – <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

⁸ Стоило бы отметить, что все эти доводы стали официальной точкой зрения, последовательно эволюционировавшей в заявлениях представителей саудовской политической элиты. Сошлемся, например, на лекцию, прочитанную в июле 2002 г. в Центре арабских исследований лондонского Вестминстерского университета недавним послом Саудовской Аравии в Великобритании Г.Аль-Кусейби. Развивая тему «эксплуатации» саудовских граждан в ходе событий 11 сентября, он, в частности, говорил, что легкость получения саудовскими студентами американских въездных виз «предоставила тому, кто планировал нападения на Америку, великолепную возможность использовать их, а не других арабов или мусульман». По его мнению, «большинство этих саудовцев были не более, чем исполнителями приказов, не знающими истинной цели операции. Более того, – подчеркивал Г.Аль-Кусейби, – Усама бен Ладен постарался для того, чтобы подлинная цель этой операции была бы известна как можно меньшему числу ее участников». См.: Гази Аль-Кусейби ва арбаа асатыр ан Ас-Саудийя: аль-ваххабийя, Аль-Каида, Талибан ва ада ли Америка ва аль-Гарб (Гази Аль-Кусейби и четыре мифа о Саудовской Аравии: ваххабизм, Аль-Каида, Талибан и вражда к Америке и Западу. Айн аль-Якин, 12 июля 2002. – <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

⁹ Здесь и далее: Сахиб ас-сумувву аль-маякий вазир аль-хариджий яджтамиу би ар-раис аль-американский (Его королевское высочество министр иностранных дел встречается с американским президентом) // <http://www.mofa.gov.sa/>

¹⁰ Здесь и далее текст Заявления цит. по: Аль-Джазира, № 10590, 26 сентября 2001. – <http://iplog4.suhuf.net.sa/>

¹¹ Хадим Аль-Харамейн яамур би такдим 10 маяйин доллар мусаадат аджиля ли аш-шааб аль-афганй (Хранитель Двух святынь издает распоряжение о предоставлении 10 млн. долларов в качестве срочной помощи афганскому народу). – Аль-Джазира, № 10596, 2 октября 2001 // <http://iplog4.suhuf.net.sa/>

¹² В тексте послания, в частности, говорилось: «По случаю занятия Вашим превосходительством поста главы временного правительства братского исламского государства Афганистан я рад направить свои поздравления и наилучшие пожелания новому, руководимому Вами правительству в деле управления делами Афганистана. Хотел бы подчеркнуть важность сохранения единства территории и народа Афганистана, реализации достигнутых в Бонне соглашений, а также положений известной резолюции Совета Безопасности ООН». – Аль-Джазира, № 10679, 24 декабря 2001 // <http://iplog4.suhuf.net.sa/>

¹³ Аль-Малик Фахд ва вали аль-ахд ябхасани фи Ар-Рияд аль-вада фи Афганистан маа раис аль-хукума аль-афганийя аль-мувакката (Король Фахд и наследник престола обсуждают в Эр-Рияде положение в Афганистане вместе с главой временного афганского правительства). – Айн-аль-Якин, 25 января 2002 // <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

¹⁴ См. об этом: Там же.

¹⁵ Достаточно сослаться, например, на заявление министра внутренних дел принца Найефа, говорившего в ходе состоявшейся в октябре 2001 г. в Манапе и посвященной вопросам борьбы с международным терроризмом встрече министров внутренних дел ССАГПЗ, что, «хотя королевство против терроризма и выступает за его искоренение во всем мире, оно считает, что борьба с терроризмом должна осуществляться усилиями всего международного сообщества». Это означает, подчеркивал он, что «позиция королевства заключается в необходимости завершения уже начавшейся войны. Никто не желает ее продолжения, поскольку из-за нее гибнут невинные мирные люди, на совести которых нет никаких грехов». – Аль-Джазира, № 10624, 30 октября 2001. – <http://iplog4.suhuf.net.sa/>

¹⁶ Аль-Амир Абдалла: Фи мактаби хитаб ядау ли татбия камиль маа Исраиль мукабиль инсихаб камиль ва укафтуху би сабаб унф Шарон (Принц Абдалла: В моем бюро находится послание, призывающее к полной нормализации отношений с Израилем в обмен на всеобъемлющий вывод войск. Но я приостановил его отправку из-за совершаемого Шароном насилия). – Айн аль-Якин, 22 февраля 2002. – <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

¹⁷ После долгих лет молчания о них вновь вспомнил принц Найеф Абдель Азиз. – Аль-Амир Найеф фи муатамар сухуфий: маукуф Аль-Мамляка би набз аль-ирхаб лейса джадидан (Принц Найеф на пресс-конференции: позиция королевства в связи с искоренением терроризма не нова). – Аль-Джазира, № 10595, 1 октября 2001/ – <http://iplog4.suhuf.net.sa/>

¹⁸ Быть может, едва ли не в первый раз мысль о том, что Саудовская Аравия неоднократно становилась объектом террористических атак была официально высказана заместителем саудовского министра иностранных дел Низаром бен Убейдом Мадани в ходе чрезвычайной сессии министров иностранных дел мусульманских государств, посвященной вопросам терроризма и состоявшейся в апреле 2002 г. в Куала-Лумпур. См. Калимат Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя амам ад-даура ат-тариа (Выступление представителя королевства Саудовская Аравия на чрезвычайной сессии). – <http://www.mofa.gov.sa/>

¹⁹ Здесь и далее: Аль-Амир Найеф фи ифтитах муатамар аш-шурат ва идарат аль-мурур (Принц Найеф на открытии съезда представителей полицейских управлений и органов дорожного контроля) // Аль-Джазира, № 10613, 19 октября 2001. – <http://iplog4.suhuf.net.sa/>

²⁰ Здесь и далее см. официальную точку зрения по этим вопросам, излагаемую профессором саудовского Исламского университета им. имама Мухаммеда бен Сауда Сулейманом бен Абдель Рахманом Аль-Хукейлем. – Аль-

Хукейль Сулейман бен Абдель Рахман. Хукук аль-инсан фи аль-ислям ва татбикатуха фи Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Права человека в исламе и их реализация в Королевстве Саудовская Аравия). Эр-Рияд, 2001. С. 187–210.

²¹ Здесь и далее: Гази Аль-Кусейби ва арбаа асатыр ан Ас-Саудийя ...

²² Коллега Г.Аль-Кусейби по саудовскому политическому истеблишменту, министр высшего образования Х.Аль-Анкари, в частности, заявлял: «В этом (2002 г., – *авторы*) году средние школы Королевства Саудовская Аравия закончило 200 тыс. учеников, а в прошлом – 175 тыс. Если несколько из этих учеников в дальнейшем были обвинены в терроризме, означает ли это, что всю саудовскую систему школьной подготовки можно обобщенно называть “местом, где пестуются террористы”?». – Вазир ат-таалим аль-али ас-саудий: Хальфийят Фукуяма ля туаххилуху ли тафсир аль-ислям (Саудовский министр высшего образования: Фукуяме нехватает знаний для понимания ислама). – Айн-аль-Якин, 8 февраля 2002. – <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

²³ Здесь и далее: Гази Аль-Кусейби ва арбаа асатыр ан Ас-Саудийя ...

²⁴ Здесь и далее: Вазир ат-таалим аль-али ас-саудий: Хальфийят Фукуяма ля туаххилуху ли тафсир аль-ислям.

²⁵ Так, в частности, в саудовском истеблишменте категорически не принимали критику западных феминистских организаций, обвинявших королевство в том, что «саудовские власти проводят в отношении женщин этой страны политику, подобную той, которую в отношении афганских женщин проводил режим Талибан». Отвечая им, его представители подчеркивали: «Существуют *столпы* ислама, и мусульмане должны следовать им. ... На Западе же просто стремятся расширить круг собственных ценностей и распространить их на другие сообщества, которые, кстати, претворяют внутри себя справедливую систему гарантий прав человека». – Там же.

²⁶ Применительно к этому *мазхабу* категорически отвергалось определение «ваххабизм», поскольку М.Абдель Ваххаб создавал не «новую религиозную доктрину или исламскую школу», а лишь возглавил «реформаторское движение», целью которого становилось восстановление на Аравийском полуострове «ханбалитской школы в качестве одной из четырех основных школ суннитского *фикха*». – Там же.

²⁷ Сумувву вазир аль-хариджий: калима фи муатамар аль-ислямий ли вузара аль-хариджий. Ад-Даура 29, Аль-Хартум, 26 йюнию 2002 (Его высочество министр иностранных дел: выступление на конференции министров иностранных дел мусульманских государств. Сессия 29, Хартум, 26 июня 2002). – <http://www.mofa.gov.sa/>

²⁸ Вали аль-ахд ас-саудий фи калима фи ифтитах надва «Аль-Ислям ва хивар аль-хадарат» (Наследник саудовского престола произносит речь при открытии конференции «Ислам и диалог цивилизаций»). – Айн аль-Якин, 22 марта 2002. – <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

²⁹ См. комментарий, распространенный Саудовским агентством новостей, подчеркивавший, касаясь идей «борьбы цивилизаций», что «в абсолютно взаимозависимом мире, где столь высоко ценится свобода торговли и свобода передвижения, странно видеть, как возводятся стены, которых не было раньше, но которые понадобились сегодня. Слишком много общего между традициями Запада и системой ценностей Ислама. Тот, кто стремится заменить «холодную войну» сценарием «Запад против Ислама» не добьется успеха». – The Aftermath of the Collapse of the Soviet Union. – <http://www.saudinf.com/>

³⁰ Здесь и далее: Тасрих аль-амир Бандар бен Султан бен Абдель Азиз (заявление принца Бандара бен Султана бен Абдель Азиза). – Айн аль-Якин, 29 декабря 2002. – <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

³¹ Отметим, в частности, серию заявлений представителей саудовских банков и благотворительных организаций о «прозрачности» их денежных операций, следовавших сразу же за принятыми официальными властями мерами контроля. См., например, заявление генерального секретаря Всемирной Организации исламской помощи, указывавшего на установление контроля «со стороны руководящего органа королевства». – Амин амм Хайат Аль-Игаса аль-ислямийя ли «Указ» (Генеральный секретарь Исламской помощи заявляет газете «Указ»). – Указ, Эр-Рияд, 19 августа 2002. – <http://www.okaz.com.sa/>

³² См. об этом, в частности: Хиляль хадисихи ли сахифат «Араб таймс» аль-кувейтийя аль-амир Аль-Валид: аль-мукатаа аль-арабийя ли-ль мунтаджат аль-америкийя ля танфаа (В заявлении кувейтской газете «Араб таймс» принц Аль-Валид подчеркивает: арабский бойкот американских товаров не принесет пользы). – Аль-Джазира, № 10807, 1 мая 2002. – <http://iplog4.suhuf.net.sa/>

³³ Современный саудовский автор следующим образом резюмирует принципы нефтяной политики королевства: «Внимание королевства к этому дару природы определяется тем, что этот дар – жизненная артерия национальной экономики, что и определяет постоянное стремление страны гарантировать увеличение спроса на нефть. Вместе с тем, Королевство последовательно выступает за стабилизацию цен на нефть и рост своих нефтяных доходов, но так, чтобы этот его курс не наносил бы ущерба интересам и экономике стран-потребителей». – Ас-Саляма А.Х., цит. произв. С. 648.

Эти принципы остались неизменными в ходе событий и в Афганистане, и затем в Ираке.

³⁴ Здесь и далее: Вазир ан-нафт ас-саудий амам Муатамар аль-илякат аль-битрулийя ва аль-иктисадийя ас-саудийя аль-америкийя (Саудовский министр нефти выступает на Конгрессе саудовско-американских нефтяных и экономических отношений). – Айн аль-Якин, 26 апреля 2002. – <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

³⁵ Ниябатан ан Хадим аль-Харамайн аш-шарифайн аль-малик Фахд бен Абдель Азиз фи аль-кымма аль-халиджийя (От имени Служителя двух Благо-

родных святынь короля Фахда бен Абдель Азиза на саммите стран Залива). – Айн-аль-Якин, 4 января 2002. – <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

³⁶ Здесь и далее см.: Ихтитам аль-иджтимаа ат-тариа ли-ль муатамар аль-визарий аль-ислямий (Завершение чрезвычайной сессии совещания министров мусульманских стран). – Аль-Джазира, № 10605, 11 октября 2001. – <http://iplog4.suhuf.net.sa/>

³⁷ Здесь и далее см.: Калима Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя амам ад-даура ат-тариа ли вузара аль-хариджийя Муназзамат аль-муатамар аль-ислямий хауля аль-ирхаб (Выступление представителя Королевства Саудовская Аравия на чрезвычайной сессии министров иностранных дел Организации исламская конференция). – <http://www.mofa.gov.sa/>

³⁸ Здесь и далее см.: Сумувву вазир аль-хариджийя. Калима. Аль-Муатамар аль-ислямий ли вузара аль-хариджийя. Ад-Даура 29. Аль-Хартум, 26 июня 2002 (Его высочество министр иностранных дел. Выступление. Встреча министров иностранных дел исламских государств. Сессия 29. Хартум, 26 июня 2002). – <http://www.mofa.gov.sa/>

³⁹ Аль-Малик Фахд ва Чейни ябхасани аль-кадыйя аль-филистынийя ва ат-тасид аль-аскарый аль-исраилий фи Ад-Дыффа ва Газза (Король Фахд и Чейни обсуждают палестинскую проблему и израильскую военную эскалацию на Западном берегу и в секторе Газа). – Айн аль-Якин, 22 марта 2002. – <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

⁴⁰ Машруа аль-8 нукат ас-саудий ядфау идарат Буш иля иадат таквим хутутиха (Саудовский проект из восьми пунктов заставляет администрацию Буша переоценить собственные планы). – Айн аль-Якин, 3 мая 2002. – <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

⁴¹ Сумувву аль-амир Сауд Аль-Фейсал. Мукабаля. Вашингтон, 11 августус 2002 (Его высочество принц Сауд Аль-Фейсал. Встреча. Вашингтон, 11 августа 2002). – <http://www.mofa.gov.sa/>

⁴² Здесь и далее: Бахс ат-татаввурат ад-дуввалийя ва аль-иклимийя фи лика аль-малик Фахд ва аль-малик Хуан Карлос (Обсуждение международных и региональных событий во время встречи короля Фахда и короля Хуана Карлоса). – Айн аль-Якин, 6 сентября 2002 // <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

⁴³ Маджлис Аль-Джамиа аль-арабийя ярфуд «ай тахдид биль удван» аля Аль-Ирак (Совет Лиги арабских государств отвергает «любую угрозу агрессии» против Ирака). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 6 сентября 2002. – <http://www.asharqalawasat.com/>

⁴⁴ Сауд Аль-Фейсал: иджтимаа маджлис вузара аль-хариджийя аль-араб кан джейдан ва мухимман (Сауд Аль-Фейсал: встреча арабских министров иностранных дел была хорошей и важной). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 6 сентября 2002. – <http://www.asharqalawasat.com/>

⁴⁵ См. текст этого выступления на: <http://www.un.org/>

⁴⁶ Аль-Маджлис юхазир Багдад мин авакиб адам ат-таджавуб маа маталиб Аль-Умам Аль-Муттахида (Совет Безопасности предупреждает Ирак о по-

следствиях отказа выполнять требования Объединенных Наций). – Аль-Джазира, 16 сентября 2002. – <http://www.al-jazirah.com/>

⁴⁷ Вашингтон татаваккы имхаль Саддам Хусейн аяман ли танфиз аль-матлуб (Вашингтон предполагает дать Саддаму Хусейну несколько дней на выполнение требований). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 16 сентября 2002. – <http://www.asharqalawasat.com/>

⁴⁸ Хадим Аль-Харамейн аталляа Маджлис аль-вузара аля мубахасатихи маа аль-малик Абдалла (Хранитель Двух Святынь проинформировал Совет министров об итогах его переговоров с королем Абдаллой) // Аль-Джазира, 20 ноября 2002. – <http://www.al-jazirah.com/>

⁴⁹ Аль-Амир Абдалла фи рисаля ли ар-раис аль-американый (Принц Абдалла подчеркивает в письме американскому президенту). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 13 сентября 2002 // <http://www.asharqalawasat.com/>

⁵⁰ Калимат Сахиб ас-сумувву аль-маякий аль-амир Сауд Аль-Фейсал амам Аль-Джамийя аль-амма ли-ль Умам Аль-Муттахида фи дауратиха ас-сабия ва аль-хамсин. 20 сентябрь 2002 (Выступление Его королевского высочества принца С.Аль-Фейсала на пятьдесят седьмой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 20 сентября 2002). – <http://www.mofa.gov.sa/>

⁵¹ Баян аль-кымма ракм 28 аль-ляти укидат аамалюха фи аль-джумхурий аль-любнаний (Коммюнике 28-го саммита, работа которого проходила в Ливанской Республике). – <http://www.arab-summit.org/>

⁵² Вали аль-ахд ястакбил дуюф Аль-Джанадарийя (Наследник престола принимает гостей фестиваля Аль-Джанадарийя). – Айн аль-Якин, 17 января 2003. – <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

⁵³ Насс аль-байан аль-хитами ли кыммат Шарм аш-Шейх (Текст заключительного коммюнике саммита в Шарм аш-Шейхе). – <http://www.arab-summit.org/>

⁵⁴ См., в частности, заявление С.Аль-Фейсала телекомпании CNN 11 декабря 2002. – Аш-Шарк Аль-Аусат, 12 декабря 2002. – <http://www.asharqalawasat.com/>

⁵⁵ См. об этом: Ас-Саудийя сататлуб сахб аль-кувват аль-американый (Саудовская Аравия требует вывода американских войск). – Elaph Publication, 14 марта 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>

Как заявлял в начале мая 2003 г. С.Аль-Фейсал, после окончания военных действий в Ираке и «в силу того, что возлагавшаяся на расквартированные в королевстве войска США задача, заключававшаяся в обеспечении безопасности полетов над югом Ирака, оказалась исчерпана, эти войска будут выведены за пределы территории королевства». – Сумувву вазир аль-хариджийя. Аль-Иджаз ас-сухуфий ад-даурий. Ар-Рияд, 6 майу 2003 (Его высочество министр иностранных дел. Резюме пресс-конференции. Эр-Рияд, 6 мая 2003). – <http://www.mofa.gov.sa/>

⁵⁶ Комментируя разработанный в конце февраля 2003 г. проект американо-британско-испанской резолюции по Ираку и франко-германо-российский меморандум по ситуации в Ираке, С.Аль-Фейсал, саудовский министр иностранных дел подчеркивал: «Если американское решение похоже на удар Ирака мечом, то франко-германское решение означает его удушение». – Сауд Аль-Фейсал: баад кымма Шарм аш-Шейх ля хаджа ли кымма ислямийя истиснаий (С.Аль-Фейсал: после саммита в Шарм аш-Шейхе нет необходимости проводить чрезвычайную

встречу в верхах глав государств и правительств мусульманских стран). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 27 февраля 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

⁵⁷ См. об этом, например: Муджахидун саудийюн фи Аль-Ирак (Саудовские моджахеды в Ираке). – Elaph Publication, 14 марта 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>; а также: Рисаяя электронийя мин саудий фи «Фидайи Саддам» (Электронное послание саудовца, члена организации «Федайи Саддама»). – Elaph Publication, 6 апреля 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>

⁵⁸ См., например, одно из последних из них в канун начала военной акции: Сумувву вазир аль-хариджий. Аль-Иджаз ас-сухуфий ад-даурий. Ар-Рияд, 6 майу 2003.

⁵⁹ Здесь и далее текст обращения см. в: Айн аль-Якин, Эр-Рияд, 28 марта 2003. – <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

⁶⁰ См., например, тексты заявлений С.Аль-Фейсала на проходивших в саудовской столице 25 марта, 1 апреля и 9 апреля 2003 г. его пресс-конференций. – <http://www.mofa.gov.sa/>

⁶¹ См., например: Хайат аль-игаса аль-ислямий аль-алямий тукаддим мусаадат ли-ль-иракийин би кымат мильон доллар (Всемирная организация исламской помощи оказывает помощь иракцам на сумму миллион долларов). – Elaph Publication, 31 марта 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>; Хайат аль-игаса аль-ислямий аль-алямий тукаддим аксар мин мильоней риал мусаадат тыббийя ли-ль-Ирак (Всемирная организация исламской помощи оказывает медицинскую помощь иракцам на сумму более двух миллионов риалов). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 2 марта 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

⁶² См.: Ас-Саудийя туаккид фи аль-муатамар аль-ислямий фи Тахран анна аль-ирхаб ля дин ляху (Саудовская Аравия заявляет на совещании министров иностранных дел ОИК в Тегеране, что у терроризма нет религии). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 2 марта 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

⁶³ Здесь и далее см. коммюнике состоявшегося 18–19 апреля 2003 г. в Эр-Рияде «регионального совещания» министров иностранных государств соседей Ирака. Выступая на нем, С.Аль-Фейсал был конкретен и четок – речь шла об «обязательном учете той ситуации, которую создала война, а не той, которую мы желали бы видеть или реализовать, абстрагируясь от этой ситуации». – Насс аль-баян аль-хитамий ли аль-муатамар аль-иклимий фи Ар-Рияд (Текст заключительного коммюнике регионального совещания в Эр-Рияде). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 20 апреля 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

⁶⁴ Ас-Саудийя туаккид фи аль-муатамар аль-ислямий фи Тахран анна аль-ирхаб ля дин ляху.

⁶⁵ Здесь и далее: Айн аль-Якин, Эр-Рияд, 28 марта 2003. – <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

⁶⁶ Полный текст инициативы. – Насс мубадара аль-амир Абдалла бен Абдель Азиз ли ислях аль-вад аль-арабий (Текст инициативы принца Абдаллы бен Абдель Азиза по реформе арабской ситуации). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 2 марта 2003 г. – <http://www.asharqalawasat.com/>

Предполагалось, что принц Абдалла выдвинет этот документ в качестве саудовской инициативы на состоявшемся в начале марта 2003 г. в Шарм аш-

Шейхе саммите ЛАГ. – Абдалла бен Абдель Азиз юаджилъ мубадара ислях аль-халь аль-арабий иля аль-кымма аль-мукбиля (Абдалла бен Абдель Азиз переносит выдвижение инициативы реформы арабской ситуации на будущий саммит). – <http://www.elaph.com:9090/>

⁶⁷ Цит. по тексту, распространенному среди участников арабского саммита в Шарм-аш-Шейхе в начале марта 2003 г. – Насс мубадара аль-амир Абдалла бен Абдель Азиз ли ислях аль-вад аль-арабий.

⁶⁸ См.: Сумувву вазир аль-хариджийя. Аль-Иджаз ас-сухуфий ад-даурий. Ар-Рияд, 9 апрель 2003 (Его высочество министр иностранных дел. Резюме пресс-конференции. Эр-Рияд, 9 апреля 2003). – <http://www.mofa.gov.sa/>

⁶⁹ Выражение М.Х.Мубарака. – Мубарак юхаззир мин тахаввуль аль-харб иля маасат инсанийя (Мубарак предостерегает от опасности превращения войны в гуманитарную катастрофу). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 1 апреля 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

⁷⁰ Мубарак юталиб би ташкиль хукума интикалийя сариан фи Багдад (Мубарак требует скорейшего создания переходного правительства в Багдаде). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 4 апреля 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

⁷¹ По словам С.Аль-Фейсала, его страна уже разработала «исполнительные механизмы» реформы. – Сауд Аль-Фейсал: Ас-Саудийя ааддат алийят мубадарат ислях аль-вад аль-арабий (Саудовская Аравия подготовила механизмы реализации инициативы по реформированию арабской ситуации). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 7 мая 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

⁷² См. об этом: Ас-Саудийя сататлуб сахб аль-кувват аль-американкий мукабилъ ислахат джузрийя би худу нахва Аш-Шарк Аль-Аусат хади (Саудовская Аравия потребует вывода американских войск в обмен на спокойное проведение коренных реформ, способных привести к появлению умиротворенного Ближнего Востока). – Elaph Publication, 28 марта 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>

⁷³ Сауд Аль-Фейсал: Ас-Саудийя ааддат алийят мубадарат ислях аль-вад аль-арабий.

⁷⁴ Буш: Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя садыхатуна (Буш: Королевство Саудовская Аравия – наш друг). – Elaph Publication, 16 мая 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>

⁷⁵ Ли-ль-Вилайят Аль-Муттахида 11 айлюль ва ли Ас-Саудийя 12 айяр (У Соединенных Штатов – 11 сентября, у Саудовской Аравии – 12 мая). – Elaph Publication, 19 мая 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>

⁷⁶ Барис: Ас-Саудийя дуият ли кыммат Эвиан ли вазниха ас-сиясий ва аль-иктисадий (Париж: Саудовская Аравия приглашена в Эвиан в силу ее политического и экономического престижа). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 29 мая 2003. – <http://www.asharqalawsat.com/>

⁷⁷ Как заявлял С.Аль-Фейсал, «Королевство перед лицом всего мира берет на себя обязательство преследовать преступников, где бы они ни находились». – Аль-Мамляка татааххад би муляхакат аль-муджримин (Королевство обязуется преследовать преступников). – Elaph Publication, 27 мая 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>

⁷⁸ См.: Раис тахрир «Ар-Рияд»: юттахим кадат фикр исламийин (Главный редактор «Ар-Рияд» обвиняет лидеров исламской мысли). – Elaph Publication, 27 мая 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>

Глава VI

МЕХАНИЗМ ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

Политическая система Саудовской Аравии опирается на союз между правящей семьей Аль Сауд и представителями религиозных кругов, персонифицированных в лице Совета высших улемов. Возникновение этого альянса национальная традиция относит ко времени создания первого саудовского королевства в XVIII в., когда идеи Мухаммеда Абдель Ваххаба – мусульманского реформатора, основателя ваххабитского течения – стали идеологической основой последующих саудовских государственных образований.

Предлагаемое саудовскими исследователями определение системы существующих в королевстве властных отношений – «исламская консультативная и конституционная монархия»¹ – означает, что в королевстве существует «многообразие институтов»² (процесс становления которых все еще продолжается), влияющих на принятие политического решения, включая и его внешнеполитический аспект. В их ряду находятся те элементы политической системы государства, которые являются «официальными» центрами национальной власти, – король, Совет министров, министерства и ведомства, а также *пропарламент* – Консультативный совет.

Все эти элементы юридически оформлены и иерархизированы. Основой их формализации и возникновения на этой основе системы взаимозависимости «официальных» структур власти стали принятые в начале 90-х годов конституционные акты, важнейшим среди которых является Основной закон правления³. Иерархическая подчиненность этих элементов означает лишь, что механизм разработки и осуществления внешнеполитического решения не только централизован, но одновременно является и многоуровневым.

1. «Официальные» властные структуры и процесс принятия внешнеполитических решений

Политическая система Саудовской Аравии⁴ предполагает «сотрудничество» трех ветвей государственной власти – юридической, исполнительной и законодательной⁵. Все эти три ветви, формально связанные, соответственно, со стратой улемов, правящим семейством и широким спектром различных социальных групп, участвующих в работе Консультативного совета, представляют собой три уровня процесса принятия саудовского внешнеполитического реше-

ния. Формальное провозглашение Основным законом юридической ветви власти ведущей⁶ (что определяется сохранением роли Корана и Сунны в качестве конституции страны) отнюдь не отменяет роли короля как «высшей инстанции» применительно к каждому из элементов существующей политической системы⁷. Это подтверждается и приносимой «гражданами присягой подчинения монарху на Книге Всевышнего Господа и Сунне Его Пророка»⁸.

Иными словами, сегодняшний саудовский монарх Фахд бен Абдель Азиз в своем качестве «властителя»⁹ является центральным звеном политической системы страны, и обладая статусом главы Совета министров, представляет собой основной элемент механизма принятия государственного решения как в области внутренней, так и внешней политики¹⁰. Сфера полномочий монарха предполагает, что «в соответствии с нормами ислама король осуществляет *шариатскую* политику нации, руководит претворением в жизнь исламского шариата, законодательных постановлений, общей политики государства, обеспечивает безопасность страны и ее оборону»¹¹.

Таким образом, проведение внешней политики государства является неотъемлемой прерогативой короля¹², а министерство иностранных дел, как и министерства внутренних дел, обороны и авиации, а также юстиции, рассматриваются в соответствии с саудовской традицией (как, в частности, и управление внешней разведки или Национальная гвардия) в качестве одного из «институтов поддержания суверенитета»¹³. Сложившаяся в стране практика назначений на пост глав этих министерств и управлений требует, чтобы их руководители были представителями семейства Аль Сауд или, как в случае с министерством юстиции, семейства потомков М.Абдель Ваххаба – Аль Аш-Шейх.

Описывая этот уровень, саудовский исследователь подчеркивает, что непосредственное окружение короля осуществляет «общее планирование политики, намечает окончательные контуры курса королевства в отношении существующих проблем», а те или иные члены Совета министров, в том числе и министр иностранных дел, «получают указания»¹⁴ короля, играющего роль «высшего руководителя страны»¹⁵. Разумеется, в состав этого окружения входит и наследник престола, возглавляющий Национальную гвардию, «выбираемый королем и смещаемый королевским указом», а сфера его полномочий заключается в том, что он «посвящает себя делам наследования», а также «деятельности, осуществляемой им по поручению короля». Речь идет о первом уровне принятия внешнеполитического решения.

Следующий его уровень связан с деятельностью Совета министров, прерогатива формирования и роспуска которого принадлежит исключительно королю. Членами формируемого монархом Совета министров могут быть только «саудовцы по происхождению», достойные и «дееспособные» граждане страны, «не подвергавшиеся суду за

преступления против веры и чести». Любой член правительства, вступая в должность, приносит в присутствии короля, наследника престола и высших сановников государства присягу подчинения: «Во имя Господа милостивого, милосердного. Клянусь Великим Господом, что буду искренне предан моей вере, а также моему властелину и моей стране. Клянусь не разглашать государственные тайны, стоять на страже интересов и законов государства и исполнять мои обязанности честно, преданно, искренне и справедливо». Наконец, член правительства не может совмещать свой «пост в Совете министров с другой правительственной должностью» или быть стороной, участвующей в коммерческих сделках (прямых или через посредников), связанных с покупкой или арендой государственной собственности¹⁶.

Сложившаяся практика назначений на посты глав министерств, не рассматриваемых в качестве «институтов поддержания суверенитета», не предполагает обязательного предоставления высших министерских постов членам правящего семейства или центрального звена страты улемов. Напротив, в современной саудовской ситуации это почти всегда *«люди науки, знания и умения»*. Многозначность этого определения, употребляемого в нынешних конституционных актах королевства, несомненна.

Его еще недавняя трактовка имела отношение только к представителям традиционного «образованного класса», в своей основе связанного с религиозным знанием и *науками о вере*, а также способностью решать наиболее сложные вопросы текущей жизни, соотнося их с классическими для мусульманина образцами, взятыми из сунны пророка Мухаммеда и его ближайших сподвижников. Тем не менее, в настоящее время это определение интерпретируется значительно шире, отнюдь не обязательно включая в себя представителей только традиционного знания, – его распространяют и на «новый образованный класс».

Основной закон правления предусматривает, что «заместители председателя Совета министров, а также министры-члены Совета министров солидарно ответственны перед королем в сфере реализации исламского шариата, претворения законодательных актов и общей политики государства»¹⁷. Это конституционное положение позволяет саудовскому исследователю говорить, что «министры-члены Совета являются единой рабочей командой, играющей роль центра планирования и теоретического обоснования всех аспектов политики королевства», что соответствует ситуации, вытекающей из Закона о Совете министров: «Совет министров определяет внутреннюю, внешнюю, финансовую, экономическую, образовательную и оборонную политику», а также «контролирует ее претворение в жизнь»¹⁸. Наконец, поступающие на рассмотрение Консультативного совета «законодательные акты, международные соглашения, договоры и концес-

сии» могут быть «изменены на основании королевских указов» и их предварительного «изучения Советом министров»¹⁹.

Министерства и ведомства, среди которых в первую очередь министерство иностранных дел (первое ведомство, созданное основателем современного королевства Ибн Саудом еще в 1930 г.²⁰), являются третьим уровнем механизма принятия решения в сфере международных контактов королевства. Закон о Совете министров, определяя полномочия членов правительства, подчеркивает: «Министр является непосредственным руководителем и высшей инстанцией в отношении дел своего министерства»²¹. Министр может выступать с инициативой выдвижения «проекта закона или иного законодательного акта, касающегося деятельности его министерства». Его предложение может быть обсуждено Советом министров, но только после того, как на это «будет получено согласие главы» правительства²². К министерству иностранных дел – «институту поддержания суверенитета», – основной задачей подразделений которого выступает «поиск методов и путей реализации внешней политики»²³, это относится в первую очередь.

Структура политического департамента саудовского министерства иностранных дел соответствует основным направлениям внешней политики королевства²⁴. Внутренние подразделения этого департамента включают семь управлений: арабского мира, мусульманского мира, Африки, Азии, Запада, международных организаций²⁵ и правовое. В свою очередь, управление арабского мира разделено на отделы Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГПЗ), Аравийского полуострова, Палестины²⁶, ЛАГ и арабских дел.

В рамках бюро министра иностранных дел действует упоминавшийся Институт дипломатических исследований министерства иностранных дел Королевства Саудовская Аравия, занимающийся как исследовательской, так и учебной деятельностью (подготовка саудовских дипломатов, а также дипломатов из стран-членов Совета сотрудничества и государств арабского и мусульманского мира)²⁷. Всеми этими структурными единицами внешнеполитического ведомства ныне непосредственно руководит министр иностранных дел принц Сауд Аль-Фейсал бен Абдель Азиза²⁸ и его заместитель Низар бен Убейд Мадани²⁹. Таким образом, в руководстве ведомства представлен сын одного из предшественников нынешнего монарха – Фейсала и внук Ибн Сауда, принадлежащий к «классу правящей династии»³⁰, а также профессиональный дипломат, выходец из Хиджаза (роль уроженцев которого в современной внешней и внутренней политики королевства остается значительной), представитель той страны современного саудовского социума, которая обычно квалифицируется в качестве «класса национальной интеллигенции».

С 1992 г. в Саудовской Аравии существует (впрочем, национальная историко-политическая традиция считает его дальнейшим разви-

тием действовавших в 20–30-х годах в завоеванном Ибн Саудом Хиджазе консультативных советов³¹) четвертый уровень механизма принятия внешнеполитического решения, представленный назначаемым королем Консультативным советом³². Общая характеристика возложенных на *протопарламент* задач определяется Законом о Консультативном совете: «Следуя источникам исламского шариата, члены Совета служат общему благу, охраняя единство общества, основы государства и интересы нации»³³. Совещательный характер этого элемента саудовской политической системы, членами которого в терминологии Закона о Консультативном совете являются «люди науки, знания и умения»³⁴, подчеркивается ссылками на коранические *айяты*, предполагающие «следование примеру Пророка Всевышнего, совещавшегося со своими последователями, и поощрение нации на то, чтобы она консультировала правителя»³⁵.

Это означает и то, что Консультативный совет имеет право «высказывать свое мнение в отношении общей политики государства», разрабатываемой Советом министров³⁶, включая «изучаемые им законы, законодательные акты, международные соглашения, договоры и концессии». Он также правомочен «выдвигать в отношении них то, что он считает нужным предложить». В силу того, что одно из положений Основного закона правления требует «сотрудничества властей в процессе исполнения ими их функциональных обязанностей», а король «выступает в качестве высшей инстанции для ветвей власти»³⁷, монарх, в своем качестве главы Совета министров, «передает» на рассмотрение Консультативного совета соответствующие решения и постановления. Он же (или от его имени наследный принц) ежегодно выступает «с королевским посланием» перед депутатами Консультативного совета, в котором «излагается внутренняя и внешняя политика государства».

В свою очередь, каждое из министерств, включая и министерство иностранных дел, выступает перед членами Консультативного совета с ежегодным обсуждаемым ими отчетом о своей деятельности. Наконец, решения Консультативного совета по тем или иным обсуждавшимся им вопросам передаются королю как главе Совета министров, который в дальнейшем отправляет их на «рассмотрение» правительства. Если точки зрения двух основных элементов законодательной и исполнительной власти по соответствующим вопросам будут идентичны, то эти решения будут «утверждены королем». В случае же расхождения их точек зрения король «утверждает» ту из них, которую он считает наиболее приемлемой³⁸. Однако, в любом случае, «законы, международные соглашения, договоры и концессии публикуются и изменяются королевскими указами» и только «после их изучения Консультативным советом». Иными словами, в рамках своих законодательно предусмотренных полномочий Консультативный совет создает «необходимые специализированные комитеты», которым принадлежит право первоочередного обсуждения вынесенных на его

рассмотрение проблем³⁹. Одним из них является комитет по внешне-политическим вопросам⁴⁰.

Вне зависимости от того, как оценивать саудовский Консультативный совет (не только с точки зрения его реальных возможностей и статуса в политической системе страны), стоило бы признать, что его существование содействует значительному расширению национального «правлящего класса» за счет вхождения в его ряды представителей нетрадиционных для него социальных страт и слоев. Это означает, что участие выходцев из этих страт в процессе принятия политического решения, включая и его внешнеполитический аспект, становится во многом действительно формализованной процедурой.

За годы, прошедшие с момента начала разработки нефтяных месторождений, саудовский социум подвергся радикальной трансформации. В донефтяную эпоху этот социум включал в себя лишь те группы населения, которые существовали в период домодернизационного развития. Используя определения саудовского исследователя, он состоял из «правлящего класса», включавшего королевское семейство Аль Сауд и потомков религиозного обновителя М.Абдель Ваххаба – семейства Аль Аш-Шейх, а также «классов вождей племен, *ихванов*⁴¹, торговцев, земледельцев, кочевников и скотоводов, рыбаков, ремесленников и рабов»⁴². В свою очередь, в дальнейшем развивавшиеся в королевстве модернизационные процессы вызвали к жизни, сохранив «класс правящего семейства», его очевидную внутреннюю сегментацию. – «Этот класс состоит из нескольких подразделений, так или иначе родственно близких к основателю государства» Ибн Сауду. Вновь возник «класс улемов», центральным звеном которого стало остававшееся тесно связанным с королевской фамилией семейство Аль Аш-Шейх.

«Класс торговцев» постепенно обрел черты также внутренние фрагментированного «предпринимательского класса», различные прослойки которого идентифицируют себя в зависимости от своей исторической «коммерческой знатности», размеров собственности и, наконец, близости к вершине властной пирамиды. Принципиально изменилась роль «класса вождей племен», ставших орудием государства в деле поддержания стабильности в пределах территории расселения того или иного племенного формирования, что содействовало превращению властных структур в основной инструмент «предоставления помощи» и решения проблем этих социальных образований. Королевским указом 1962 г. в Саудовской Аравии было окончательно ликвидировано рабство⁴³.

В саудовском обществе более не существуют «классы» *ихванов* и ремесленников. Если первый был растворен в сформированных в стране полиции нравов (действующих под руководством улемов в комитетах общественной морали⁴⁴) и отрядах Национальной гвардии,

то второй – пополнил собой страту рабочих-нефтяников. Наконец, во все еще формирующейся социальной ткани саудовского общества все большую роль стали играть «классы интеллигенции, новых землевладельцев, служащих или лиц с ограниченным доходом и рабочих». Впрочем, сохранение в рамках этой ткани «класса кочевников» вовсе не означало, что их численность не имела тенденции к последовательному снижению⁴⁵.

Современные саудовские исследования, касающиеся деятельности Консультативного совета, дают возможность определить не только направления развития национальной системы власти, но, что не менее существенно, пути вхождения в процесс принятия политического решения представителей новых общественных страт. Речь идет также и о внешнеполитическом аспекте этого решения.

Депутаты Консультативного совета представляют те социальные или региональные страты, которые ранее, до сопровождавшего нефтяную эпоху эволюции страны широкого распространения образования, не могли быть включены в социально-политические и хозяйственные процессы. Совет становится основной ареной их деятельности. Впрочем, это вовсе не означает, что представители традиционных страт саудовского общества не включены в национальный депутатский корпус. Достаточно отметить, что глава Консультативного совета нынешнего созыва – шейх Салих бен Абдалла бен Хамид является одновременно и *имам-хатыбом* Главной мечети в Мекке.

Естественно, что депутаты национального *протопарламента* не могут рассматриваться как целенаправленно действующая оппозиция (хотя существование в их среде стремления к расширению полномочий Консультативного совета очевидно⁴⁶). Их оппозиционность невозможна как с точки зрения уже цитировавшихся положений саудовских конституционных актов, так и в силу требований, предъявляемых к назначаемым монархом депутатам. Как отмечалось, они должны быть «саудовцами по происхождению и воспитанию»⁴⁷, что уже призвано обеспечивать их лояльность королю. Более того, эти требования вводят в отношении депутатов положения о «благовоспитанности» и возрастные ограничения, – возраст членов Совета «не должен быть менее тридцати лет». Возрастной показатель становился одновременно и указанием на то, что депутаты обладают необходимым для своей успешной работы «опытом».

Не менее важным ограничителем деятельности Совета выступают и некоторые положения его регламента. Это прежде всего требование «опоры на Благородный Коран и Сунну Пророка» в процессе обсуждения включаемых в его повестку дня вопросов, а равно и запрет на создание в нем каких-либо «региональных или племенных коалиций», не говоря уже об образованиях, построенных на идеологических или партийных основах⁴⁸. Хотя реально, как об этом свидетельствуют и данные саудовских авторов, голосование по различным

вопросам внутренней политики часто определяется региональным или племенным происхождением депутатов.

47% респондентов одного из этих авторов подчеркнули, что «региональные соображения играют роль в процессе голосования», а 74% – что эту роль играют «племенные соображения». Только 5% среди них отметили, что при голосовании они руководствуются «соображениями общего культурного порядка»⁴⁹. Тем не менее, и в этом случае существование Консультативного совета дает саудовскому правящему классу возможность в еще большей мере формализовать отношения домодернизационного времени, продолжающие действовать и в, казалось бы, подвергшейся радикальной трансформации ткани саудовского социума.

В течение всего времени существования Консультативного совета в составе его депутатов преобладали представители возрастных групп от 46 до 50 лет и старше 60 лет (26% и 25% соответственно). В то время как доля относительно молодых депутатов (41–45 лет) обычно не превышала 9%⁵⁰. Депутатский корпус представляли выходцы прежде всего из городов (71%). Уроженцы сельских населенных пунктов составляли только 11%, и в нем не было кочевников или, по выражению цитируемого саудовского автора, никого, кто бы «родился в пустыне» (однако, урбанизация саудовского населения вовсе не означает автоматической ликвидации связывающих его уз племенной принадлежности). Наконец, среди них преобладали представители Хиджаза (Западная провинция) и Неджда (Центральная провинция), составлявшие соответственно 42% и 37% от общей численности членов Совета (уроженцы Северной и Южной – Асира провинций составляли 8% и 5%, а Восточной – Аль-Хаса – 8%).

Саудовский депутатский корпус отличается высокой степенью образованности – 65% его членов имеют докторскую степень, 13% – магистерскую, а 22% – степень бакалавра. При этом 75% всех депутатов получили образование в западных (США, Великобритания, Германия и Франция) университетских центрах, 8% в университетах арабских стран (прежде всего, Египта и Ливана) и 14% – в саудовских высших учебных заведениях. Абсолютное большинство депутатов Консультативного совета имели опыт значительной (более 20 лет) предшествующей работы в государственных учреждениях или частных компаниях – 65% (при этом 47% среди них так или иначе, в течение срока от одного года до 20 лет работали на предприятиях и в учреждениях частного сектора). 62% членов саудовского *протопарламента* были заняты в сфере государственного управления, 49% – высшего образования, 14% – в военной, и 11% – в коммерческой областях.

Работа в Консультативном совете была необходима его депутатам (принимая во внимание характер формирования национального законодательного органа и узость сферы его полномочий) для того, чтобы «как можно больше способных саудовцев участвовало бы в

процессе развития государства» – 71% участников проведенного цитируемым автором опроса. Одновременно многие из них выбрали и другие предлагавшиеся им ответы на вопрос о том, «каковы личные мотивы участия депутата в деятельности Консультативного совета?». Среди них – «стремление содействовать завершению процесса формирования органов власти» – 68%, «поощрение широкого народного участия в управлении» – 68% и, наконец, «необходимость развития нынешней политики» – 58%. Речь шла не только о внутренней, но и внешней политике королевства.

Цитируемый саудовский автор рассматривал ситуацию в Консультативном совете в период с 1992 по 2000 г., то есть в течение почти двух его сроков⁵¹. В течение этого времени комитет по политическим вопросам провел 77 заседаний (что составило 6% от общего количества заседаний всех специализированных комитетов), в ходе которых было обсуждено (как и приняты решения) 32 поступивших от Совета министров документа, доля которых в общем количестве документов различных министерств, поступивших в Консультативный совет, равнялась лишь 12%⁵².

Более того, обсуждавшиеся комитетом по политическим вопросам документы имели прагматический характер в силу того, что они были связаны в первую очередь с международными соглашениями, заключенными Саудовской Аравией сразу же после окончания войны за освобождение Кувейта. Это Дамасская декларация арабских государств, участвовавших на стороне международной коалиции в войне против Ирака, и заявления министра иностранных дел королевства С.Аль-Фейсала в этой связи. Обсуждение этих документов курировал в то время глава этого комитета Низар бен Убейд Мадани⁵³.

Комитет по внешнеполитическим делам⁵⁴ Консультативного совета нынешнего созыва состоит из одиннадцати депутатов. Двое из них не указали в своих анкетах даты своего рождения⁵⁵. Тем не менее, возраст абсолютного большинства членов этого комитета составляет 50 лет и выше (и только один среди них достиг 40 лет). Среди членов комитета значительна доля выходцев из Хиджаза (четверо – уроженцы Таифа, Джидды, Турбы и Табука) и Неджда (три уроженца Эр-Рияда), по одному из Асира (Южная провинция) и Аль-Хасы (Восточная провинция). Один из членов комитета не указал места своего рождения, другой же родился в Дамаске. Они (по крайней мере, те десять сообщивших о месте своего рождения) – горожане (хотя сравнивать, например, Турбу и Эр-Рияд было бы, по меньшей мере, нелогично).

Все члены комитета по внешнеполитическим делам имеют докторскую степень, хотя и по разным специальностям. Шесть депутатов имеют специальность «общая политология», один – политолога-специалиста в области международных отношений, один – менеджмента, один – исламских исследований и арабского языка, один – но-

вейшей истории, один – планирования и развития и один – педагогики. Семь из них получили докторскую степень в университетских центрах США, а четверо (включая и учившегося в Кембридже специалиста по исламским исследованиям и арабскому языку) – Соединенного Королевства. При этом степень бакалавра была получено семью членами комитета в саудовских университетах (6 – университет им. короля Сауда в Эр-Рияде и 1 – в Институте единобожия в Таифе), 3 из них получили ее в Соединенных Штатах и 1 – в Англии. Однако уже магистерскую степень семь членов комитета по внешнеполитическим делам нынешней сессии Консультативного совета получали в Соединенных Штатах (один – в Великобритании и еще один в мекканском Институте шариатского права и мусульманских исследований).

Депутаты, работающие в комитете по внешней политике, представляют в основном круг преподавателей и научных исследователей (8 чел) национальных университетских центров, среди которых, в частности, университет им. короля Сауда в Эр-Рияде. Остальные члены комитета до своего назначения в национальный *протопарламент* были сотрудниками различных служб Саудовской национальной нефтяной компании (1 чел.), дипломатами (1 чел.) и военными (1 чел., служивший в Национальной гвардии). В составе комитета нет ни одного представителя страты улемов или правящего семейства. Это обстоятельство выглядит во многом существенным в силу того, что группа «новой национальной интеллигенции» и, в частности, представители специалистов из академической среды имеют возможность, пусть и ограниченную, формализованного выражения собственного мнения в отношении внешнеполитического курса страны.

Речь в данном случае идет не только о вопросах текущей политики, связанных, например, с обсуждением саудовских двусторонних отношений⁵⁶, но и с проблемами стратегического характера, включая противостояние экстремизму на региональном и глобальном уровне⁵⁷. Включение в состав комитета лиц, представляющих несущую конструкцию саудовской национальной экономики (Саудовская национальная нефтяная компания), а также элитное армейское подразделение (Национальная гвардия) позволяет соответствующим структурам государства (хотя формально эта ситуация выступает как невозможная⁵⁸) иметь дополнительный канал влияния на принимаемые внешнеполитические решения. В равной мере это относится и к тем или иным фигурам саудовского правящего класса, среди которых в этом случае и возглавляющий Национальную гвардию нынешний наследник престола принц Абдалла бен Абдель Азиз.

Вместе с тем, формализованные возможности влияния как тех или иных членов национального правящего класса (представляющих правящее семейство в первую очередь), так и новых социальных или региональных страт – «людей науки, знания и умения» – на принятие политического решения в его внешнеполитическом аспекте оказыва-

ется в реальной практике шире, чем только уровень центрального руководства. Принятый в начале 90-х годов вместе с другими конституционными актами Закон об управлении провинциями является дополнительным подтверждением⁵⁹ этого в отношении, по крайней мере, двух саудовских регионов – Западной и Восточной провинций, где (в Джидде для Хиджаза и в Даммаме для Аль-Хасы) существуют представительства министерства иностранных дел⁶⁰.

Положения Закона предусматривают создание в каждой из провинций государства при ее губернаторе (практика саудовской внутриполитической жизни предполагает, что губернаторами Восточной и Западной провинций могут быть только выходцы из семейства Аль Сауд) регионального совета. Главой этого совета является губернатор, его заместитель, мэры административных единиц провинциального подчинения, главы существующих в той или иной провинции региональных отделений центральных министерств и ведомств, а также «не более десяти жителей провинции из числа людей науки, знания и умения». Их назначение в этот совет осуществляется по «указу главы совета министров», однако обнародованию волеизъявления короля предшествует «рекомендация губернатора, согласованная с министром внутренних дел» (в равной мере, это относится и к вопросам роспуска совета).

Как и в случае с Консультативным советом, срок членства в региональном совете не должен превышать четырех лет⁶¹. Сопоставимы и предъявляемые к членам требования, определяющие возможность их участия в управлении делами провинции. Не приходится сомневаться в том, что в случае с региональными советами, создаваемыми в провинциях с их компактно расселенными родоплеменными образованиями и сложной системой иерархии взаимной подчиненности, роль этого социального фактора во многом оказывается формализованной и, что не менее существенно, активно включенной и в региональный и общегосударственный политический процесс.

Региональный совет имеет право создавать специализированные комиссии для обсуждения проблем, связанных с развитием региона («определение полезных для его жителей проектов»). При этом каждый член совета имеет право направлять соответствующие запросы губернатору, который включает их обсуждение в повестку дня проводящихся каждые три месяца заседаний консультативного органа провинции⁶². Закон об управлении провинциями предписывает руководителям представленных на провинциальных уровнях государственных учреждений обязательное присутствие на заседаниях совета в том случае, если обсуждаемые на них вопросы затрагивают сферы деятельности соответствующих министерств.

Наряду с этим, государственные учреждения, имеющие свои представительства в провинциях (к министерству иностранных дел это относится в равной мере), должны «принимать во внимание ре-

шения» региональных советов. В случае же невозможности их исполнения, соответствующее министерство должно выступить с «разъяснением причин» возникающей ситуации. Но региональный совет, в свою очередь, может, если он не удовлетворен «разъяснением», обращаться через министра внутренних дел с апелляцией к высшей инстанции – королю, являвшемуся главой Совета министров. Тем не менее, положительное отношение министерства к решениям регионального совета требует их включения в дальнейший план его действий, касающийся «развития провинции» и предусматривающий финансирование соответствующих «проектов развития» из устанавливаемого государством министерского бюджета⁶³.

2. Религиозные деятели и механизм принятия внешнеполитического решения

Определяемые Основным законом правления концептуальные установки саудовского государства подчеркивают его «следование» духу и букве «Книги Всевышнего Господа и Сунны Его Пророка». В них «черпает свою силу существующая» в королевстве «система правления». Священная же книга мусульман и Сунна выступают в качестве «высшей инстанции» по отношению к любому законодательному акту страны⁶⁴.

«Исламский» характер саудовского государства предполагает, что едва ли не важнейшей его обязанностью выступает «защита вероучения ислама, претворение в жизнь установлений его шариата, содействие следованию пути добродетели и отказу от греха и исполнения долга призыва к Господу». Наиболее ярким примером проведения этого курса становится обязательство государства (глава которого носит титул «Хранителя двух Священных Святынь»⁶⁵) «обеспечивать обустройство и деятельность» мест паломничества в Мекке и Медине⁶⁶.

Если Коран и Сунна выступают «источником правового суждения» по поводу любых вопросов, связанных с жизнедеятельностью государства (в том числе и проводимой им внешней политики), то провозглашение Основным законом правления «независимости» той ветви власти, которая квалифицируется саудовским законодательством как «юридическая», а связанных с ней правоведов подчиняющимися «только власти исламского шариата» в процессе вынесения ими соответствующего суждения, выглядит естественным и оправданным⁶⁷. Столь же оправданным выступает положение основного конституционного акта королевства, предполагающее, что монарх или замещающее его лицо «обязаны исполнять судебные решения»⁶⁸.

В то же время, указание на то, что внешнеполитическое решение «должно определяться благородной доктриной ислама и ценностями мусульманского наследия»⁶⁹, означает, что, по крайней мере, та часть страты улемов, которая включена в систему властных отношений (в частности, Совет высших улемов⁷⁰), является дополнительным

элементом механизма принятия и реализации этого решения, а также важным инструментом его легитимации.

Действительно, описывая роль религиозных деятелей в контексте существующих властных отношений и, как ее следствие, их участие в принятии государственного решения, включая и его внешнеполитический аспект, саудовский автор отмечает, что «улемы являются основной опорой реализации исламского шариата». И далее он продолжает: «Они разъясняют закон, ориентируя людей и давая советы правительствам». Но, более того, добавляет он: «В Королевстве Саудовская Аравия улемы непосредственным образом участвуют в принятии решения, поскольку их голос очень важен для создания социальной базы легитимации режима»⁷¹. В их непосредственном ведении находится один из «институтов поддержания суверенитета» – министерство юстиции и еще одно важное министерство, рассматриваемое как едва ли не самый идеологически окрашенный «институт обслуживания» – министерство мусульманских дел, вакфов, призыва и руководства.

Наконец, улемы играют роль важнейшего инструмента общественной мобилизации, форма которой определяется текущими обстоятельствами развития страны или складывающейся международной обстановкой⁷². Высшая страта саудовских правоведов тесно (включая и брачные узы между представителями семейств Аль Сауд и Аль Аш-Шейх) и специфически включена в саудовский «правлящий класс»⁷³. Отношения между двумя его важнейшими группами, не только предопределившие возможность возникновения национального политического образования, но и продолжающие обеспечивать его внутреннюю стабильность, обладают, несомненно, высоким уровнем формализации.

В контексте же проводимой государством внешней политики это означает, что обе эти группы едины в том, чтобы поощрять «стремление государства содействовать реализации надежд арабской и исламской нации на достижение ею солидарности и единодушия, а также укрепление ее отношений с дружественными государствами»⁷⁴. Речь не идет лишь о конституционном закреплении основных направлений саудовской внешней политики, в рамках которого роль религиозных деятелей, что естественно, значительна. По сути дела, вопрос касается и принципов национальной внешней политики.

Все это означало, что религиозные правоведы активно участвуют в сфере национальной политики, в том числе и в разработке ее внешней политики, постоянно находя наиболее адекватные формы взаимодействия между ними, королевской властью и ее контрагентами в рамках политической системы. В конечном итоге, стремление государства к определению таких форм вытекало из отсутствия устойчивых моделей внутренней организации страты религиозных правоведов, как и неспособности мусульманской политической мысли выработать сколько-нибудь целостную концепцию государственности и конституционного права.

В 1975 г. в Саудовской Аравии был принят Закон о судопроизводстве, подвергшийся в начале 90-х годов значительным изменениям⁷⁵. Формально его целью стала регламентация деятельности судебных учреждений страны, что предполагало и упорядочение взаимоотношений между государством и стратой религиозных вероучителей. Разумеется, текст закона сохранял наиболее важный принцип практики деятельности улемов, провозглашая их подчинение только «власти положений исламского шариата», но соответствующая статья (в начале 90-х годов) дополнялась указанием и на то, что для них обязательны также и «положения существующих законодательных актов»⁷⁶. Это было существенное ограничение «независимости» юридической власти, но в контексте концептуальных установок государства оно не выглядело как попытка радикального изменения практики взаимодействия внутривластных сил. Впрочем, реальная проблема заключалась не только в этом, хотя и в важном, шаге государства.

Закон о судопроизводстве создавал высшую судебную инстанцию, руководящую всеми судами (и, соответственно, правоведами) королевства. Ею стал Высший юридический совет в составе десяти «освобожденных» членов, пятеро из которых, включая и председателя Совета, назначались королевским указом и составляли Постоянный президиум Совета. Наряду с ними, в Совете должны были быть представлены и «неосвобожденные» члены, среди которых в обязательном порядке один из заместителей министра юстиции, а также старейшины судов (разумеется, чередуясь) крупнейших городов страны (Эр-Рияда, Мекки, Медины, Джидды и Даммама).

Специализация Совета предполагала рассмотрение дел, представленных монархом («властителем» в терминологии закона). Сфера его деятельности включала «консультирование» министра юстиции по вопросам судопроизводства, как и «рассмотрение» дел, которые, «по мнению министра юстиции», связаны с нормами шариата. При этом возможность участия в работе Совета его «неосвобожденных» членов определялась только министром юстиции⁷⁷.

Саудовские правоведы становились оплачиваемым государством «корпусом юристов»⁷⁸. Вхождение в него предполагало наличие саудовского гражданства, «добропорядочность и благонравие», юридическую известность, диплом об обучении шариатскому праву в саудовском университете и возраст, нижний предел которого колебался от сорока до сорока двух лет в зависимости от ступени той судебной инстанции, в которой предполагал работать соискатель⁷⁹. Однако, в любом случае, вступление в этот «корпус» могло быть осуществлено только по представлению Высшего юридического совета и, в дальнейшем, на основе королевского указа. Вся дальнейшая деятельность правоведа, на которого теперь распространялись «положения Закона о государственной службе», проходила под жестким контролем министерства юстиции⁸⁰.

Министерство юстиции, возглавляемое ныне шейхом Абдаллой бен Мухаммедом бен Ибрахимом Аль Аш-Шейхом⁸¹, стало инстанцией, осуществляющей «административный и финансовый контроль над судами и другими юридическими учреждениями»⁸². Одновременно положения Закона о судопроизводстве ставили вопрос шире – лишь министерство юстиции может выступать в роли посредника между государством и «корпусом» правоведов. Только министерство «обращается к заинтересованным учреждениям с предложениями и проектами, призванными обеспечить достойный уровень деятельности органов юриспруденции» и оно же «изучает предложения и решения Высшего юридического совета, отправляя в высшие инстанции те из них, которые заслуживают включения в королевские распоряжения или указы».

Иными словами, государство не только инкорпорировало страту улемов, но и в значительной мере сужало возможности ее представителей влиять на сферу проводимой им внутренней и внешней политики. Естественным следствием движения в этом направлении становилось, с одной стороны, провозглашение королевства «благодеем Всевышнего Господа в отношении человечества» в силу того, что оно «построено на истинной мусульманской вере, следует путем Благородной Книги Господа и руководствуется Сунной Его пророка Мухаммеда»⁸³. С другой же стороны, обретение министерством юстиции права административного наказания правоведов (его формы различны, колеблясь от «предупреждения» до «отставки») превращало его в карательный орган для всех сотрудников иерархизированной системы «юридической власти»⁸⁴.

В начале 70-х годов режим приступил к активному «структурированию» страты правоведов, в рядах которой по инициативе государства, отталкивавшегося от необходимой для него реинтерпретации положений религиозной доктрины, во все большей мере выделялась лишь определенная категория вероучителей, способных давать советы «властителю» и от имени всего саудовского мусульманского сообщества⁸⁵ присягать его преемникам. Не приходится сомневаться в том, что только ее члены могли принимать удовлетворяющие государство решения о компетенции монарха и соответствии его действий и поступков нормам шариата⁸⁶. Центральным звеном этой категории были представители семейства Аль Аш-Шейх.

В 1971 г соответствующим королевским указом был создан Совет высших улемов, возглавляемый в настоящее время шейхом Абдель Азизом бен Абдаллой бен Мухаммедом Аль Аш-Шейхом. Он же занимает пост верховного муфтия. Сфера полномочий Совета включала «вынесение суждения по поводу вопросов, интересующих правителя, с точки зрения их соответствия положениям шариата», как и «предоставление рекомендаций по религиозным проблемам, имеющим отношение к принятию законодательных актов, с тем, чтобы

правитель руководствовался бы этими рекомендациями»⁸⁷. Это было существенное обстоятельство.

Однако, саудовская политическая система, продолжая апеллировать к установкам мусульманского права, касающимся сохранения принципа *аш-шура* (*совещательности*) во взаимоотношениях между правителем и вероучителями, тем не менее, во все большей мере содействовала их формализации. Едва ли не наиболее ярким показателем этого становилось отсутствие в указе какого-либо упоминания о личных инициативах религиозных деятелей, направленных на вынесение собственных суждений по вопросам, касающимся внутренней жизни королевства и проводимой им внешней политики. Но если указ о создании Совета высших улемов и прокламировал «полную свободу правоведов в вынесении законного суждения по вопросам, передаваемым на их рассмотрение», то одновременно он предусматривал и «необходимость внимания к их материальному достатку и обеспечению их общественного и личного положения».

Необходимость «реорганизации» всей системы «юридической власти», включая создание министерства юстиции, а также Высшего юридического совета и Совета высших улемов, определялась эпохой серьезных внутренних вызовов (источником которых в 60-е годы становился кризис в рядах семейства Аль Сауд, связанный с отстранением от власти короля Сауда и формированием в Каире группы «красных принцев» во главе с Талялем бен Абдель Азизом), создававших угрозу стабильности режима и основам существования саудовского государства. В дальнейшем же, уже в конце 70-х годов, угроза безопасности страны возникала и в связи с формированием блока сил, действовавших под традиционными для официальной саудовской идеологии религиозными лозунгами.

Саудовский режим действительно нуждался в одобрении своего курса улемами, во все большей мере демонстрируя собственную приверженность тем нормам правления, которые в королевстве обычно интерпретировали в качестве «подлинно исламских». При этом он действовал, не только используя уже имевшийся прецедент (правоведческая фетва 1964 г., позволившая сторонникам Фейсала лишиться власти Сауда⁸⁸), но и окончательно формализуя свои отношения с высшим слоем страты саудовских улемов. На следующий день после захвата Главной мечети в Мекке Совет высших улемов, отвечая на запрос короля⁸⁹ в связи с событиями вокруг основной святыни ислама, вынес свое суждение, издав соответствующую фетву.

Ее текст, ссылавшийся на множество коранических *айятов* гласил: «Следует призвать эту группу людей к повиновению и разоружению. Если они сделают это, то их следует подвергнуть тюремному заключению до тех пор, пока их случай не получит законного рассмотрения. Если же они откажутся сделать это, то необходимо использовать все средства для их ареста, даже если соответствующие

действия и приведут к сражению с ними. В ходе же этого сражения должны быть убиты те из них, кого не удастся схватить»⁹⁰. Последовавшие за обнародованием фетвы и заранее оправданные знатоками норм религиозного права и морали действия власти были адекватны возникшей обстановке.

Итак, в 70-х годах окончательно сложилась ситуация, когда любые, сколько-нибудь значимые начинания государства в политической сфере обязательно санкционировались либо Советом высших улемов, либо Высшим юридическим советом или верховным муфтием. Государство получало возможность обращения к каждой из этих трех инстанций, что, в свою очередь, зависело от того, насколько срочно оно нуждалось в одобрении того или иного своего начинания. Однако, сферы деятельности всех этих инстанций не кажутся полностью совпадающими или дублирующими друг друга. Но, так или иначе, а министерство юстиции, в аппарате которого возникло «управление законодательных исследований»⁹¹, было призвано координировать их действия.

Приводимые саудовскими авторами примеры деятельности этих инстанций подтверждают предположение о неполном совпадении сфер их деятельности и полномочий. В этой связи, специализация Высшего юридического совета заключается, скорее всего, в вынесении суждений по вопросам, которые связаны с возможностями воздействия тех или иных событий международной жизни на внутреннее положение королевства. Одним из этих событий стала иракская оккупация Кувейта в августе 1990 г.

В начале августа 1990 г. министерство юстиции передало на рассмотрение Высшего юридического совета запрос короля, содержащий просьбу о вынесении суждения о «законности (соответствии нормам шариата, – *авторы*)» возможности введения им чрезвычайного положения. Принятая в этой связи фетва Постоянного президиума Совета, оформленная в качестве «послания Хранителю двух святынь», гласила: «Правитель может осуществлять то, что он сочтет необходимым, для того, чтобы не допустить опасности, которая может угрожать его нации и стране, а также будет способствовать сохранению стабильности и безопасности для находящихся в стране Святынь и для его подданных, а также их имущества».

Далее фетва подчеркивала: «Ради этого правитель должен принимать самые доступные и самые надежные меры, которые он сочтет полезными в сложившейся ситуации, ведь они будут призваны победить зло со стороны тех, кто является источником этого зла». Заявляя далее, что члены Высшего юридического совета «поддержат любые начинания, которые Вы предпримите вместе с Вашими близкими советниками», фетва подчеркивала: «Мы будем рекомендовать нации (мусульманской, – *авторы*) в нашей стране и за ее пределами сохранять связь с Господом», поскольку «только правильное устремление к Господу поможет нам в нашей борьбе с врагами»⁹².

Более серьезные последствия этой ситуации, включая оказание содействия международным усилиям, направленным на восстановление суверенитета соседнего государства, и в связи с этим, размещение на территории королевства армейских формирований Соединенных Штатов и их западных союзников по антииракской коалиции, требовали и религиозной легитимации. Речь шла о том, что исламское государство должно было принять войска немусульманских государств. Необходимое для этого суждение выносил Совет высших улемов.

В августе 1990 г. была обнародована принятая Советом необходимая фетва. Она поддержала стремление короля «пригласить» в страну «войска, оснащенные снаряжением, необходимым для того, чтобы посеять страх и ужас в тех, кто намерен совершить агрессию против этой страны, избавив ее тем самым от грозящей ей опасности». Далее в фетве подчеркивалось: «Правитель должен принять все меры и использовать все средства для того, чтобы остановить наступление зла. Нынешние обстоятельства и сложившееся печальное положение, как и нормы шариата, обязывают правителя мусульман использовать все то, что в его возможностях, ради достижения поставленной цели».

Обнародование этой фетвы сопровождалось и публичным выступлением верховного муфтия. Он был более четок и в выборе необходимой терминологии, и в определении позиции религиозных деятелей, говоря: «Саудовское правительство в свете событий, последовавших за насильем, совершенным президентом иракского государства в отношении кувейтского государства, было вынуждено обратиться за помощью к армиям, состоящим из представителей многих наций, среди которых как мусульмане, так и немусульмане. Деяние правительства не только разрешенное (шариатом, – *авторы*), но и необходимое, так как защита ислама и мусульман, целостности страны и ее населения – предписанная правительству обязанность. Деяние правительства, – продолжал он далее, – не противоречит принципам исламского шариата. Ведь шариат и его принципы направлены на то, чтобы поддерживать добрососедство, охранять души и имущество людей, сеять любовь, добросердечие и братство в отношениях с соседями и государствами ислама, а вовсе не вторгаться в страны соседей и не вмешиваться в их дела»⁹³.

Высший юридический совет, но только в сотрудничестве с Советом высших улемов, мог высказывать суждения и по ряду политических вопросов, среди которых, например, установление дипломатических отношений между саудовским королевством и другими странами. В этом случае речь шла, в частности, о проблемах, вставших перед саудовским министерством иностранных дел в связи с тем, что после начала в 1991 г. ближневосточного Мадридского мирного процесса некоторые арабские, страны среди которых были и ближайшие союзники саудовского королевства по Совету сотрудничества (например,

Катар и Оман), устанавливали политические или экономические контакты с Израилем. Саудовское внешнеполитическое ведомство нуждалось в четко высказанном суждении религиозных деятелей по этому поводу.

Соответствующая фетва, в подготовке которой все так же принимало участие министерство юстиции, подчеркивала, что практика ныне действующих международных договоров, касающихся вопросов межгосударственных дипломатических и консульских отношений, «соответствует положениям шариата». Из ее текста вытекало, что «любое полностью суверенное государство имеет неотъемлемое право устанавливать дипломатические отношения с другим, также полностью суверенным государством, даже если какое-либо третье государство испытывает к этому государству чувство вражды или даже протестует против устанавливаемых между ними отношений». Фетва завершалась общим выводом: «Методы принятия решений о создании государствами дипломатических миссий в разных странах различны, и их определяют только соответствующие законы, конституции или внутренние установления соответствующего государства, а не вмешательство третьей стороны. Опираясь на собственные законы, государство создает или ликвидирует свои дипломатические или консульские представительства за границей»⁹⁴.

Важным подтверждением позиции короля и правительства в отношении террористических актов 11 сентября 2001 г. в США стало заявление верховного муфтия королевства. Отталкиваясь от вопроса о том, «какую позицию занимает шариат в связи с произошедшими в Соединенных Штатах Америки событиями и разрешает ли религия ислама поступки тех, кто совершил случившиеся деяния?»⁹⁵, шейх Абдель Азиз бен Абдалла бен Мухаммед Ааль Аш-Шейх дал на него, естественно, отрицательный ответ. Он отметил, что «произошедшие в Соединенных Штатах Америки опасные события, повлекшие за собой гибель тысяч людей, не относятся к тем, которые дозволены исламским шариатом и никак не связаны с мусульманской религией». Его заявление было, разумеется, фетвой и строилось по классическим образцам официального суждения религиозного авторитета в связи с произошедшим событием. Вывод верховного муфтия опирался на систему почерпнутых из Корана и Сунны религиозно-правовых доказательств.

Их смысл сводился к тому, что мир, в котором существует человек, создан и устроен Господом, который запретил «своим рабам – мусульманам и немусульманам – совершение насилия», направленное на разрушение Божественного мира. Одновременно, классические образцы фетвы требовали, чтобы в суждении присутствовали выводы, касающиеся того, какие уроки из анализируемого религиозным авторитетом события должны извлечь верующие (не только мусульмане, но «все государства и народы – мусульманские и немусульманские»).

сульманские»). Для верховного муфтия речь шла, прежде всего, о том, что исполнители актов 11 сентября 2001 г. «совершили насилие, жестокость и притеснение, недопустимые и запретные для мусульманского шариата, с точки зрения которого содеянное ими рассматривается как один из величайших грехов».

Далее он отмечал, что «мусульманин, знающий положения своего вероучения, основанного на книге Господа и сунне Его пророка должен ограждать себя от совершения такого рода деяний, поскольку, действуя так, он вызывает на себя гнев Господа и ввергает себя во вред и порок». Долгом же «улемов мусульманской нации» выступал отныне «правдивый рассказ об этих событиях и разъяснение всему миру Божественного шариата, а также того, что вероучение ислама никогда не было на стороне таких поступков».

Конечно, и на этот раз точка зрения центральной фигуры саудовской страты улемов, призванной придать необходимым оттенком легитимности предпринимаемым «политическим классом» страны шагам, в сложившейся ситуации была не только необходима, но и принципиальна. В конечном итоге, фетва шейха Абдель Азиза бен Абдаллы бен Мухаммеда Ааль Аш-Шейха позволила королю Фахду уже официально заявить на состоявшемся 17 сентября 2001 г. заседании совета министров, что его страна «стоит на стороне Соединенных Штатов, поддерживает их и всесторонне сотрудничает с ними в интересах борьбы против любых форм и проявлений терроризма». Речь шла также и о том, что «Саудовская Аравия отвергает любого своего гражданина, имя которого связано с терроризмом»⁹⁶.

Но, вместе с тем, необходимость быстрой реакции официальных структур на события, менявшие лицо мира, порой позволяла саудовским лидерам если не игнорировать, то добиваться религиозного одобрения своей позиции, с одной стороны, *post factum*, а, с другой, даже не ожидая вынесения «коллективного» суждения какой-либо высшей юридической инстанции.

Так, «Заявление королевства о разрыве всех отношений с правительством Талибан», означавшее, что саудовская власть не будет препятствовать проведению вооруженной акции на территории Афганистана, было легитимировано *имам-хатыбом* Главной мечети в Мекке, «неосвобожденным» членом Высшего юридического совета, но главой Консультативного совета Салехом бен Абдель Азизом бен Хамидом.

В присутствии короля в произнесенной им 28 сентября 2001 г. пятничной проповеди он подчеркивал, что предпринятый шаг «отвечает делу справедливого мира во всем мире и желанной международной стабильности». Он призвал молящихся «встретить предстоящее развитие событий, опираясь на их правильное *шариатское* видение и просвещенное мусульманское восприятие, постольку лишь так мир сможет узнать правду о подлинном блеске ислама». По его словам, «настало время четкого и точного употребления слов и вы-

ражений. Лишь так станет возможным провести грань между законным *джихадом* и его творческими принципами, с одной стороны, и терроризмом с его порочной моралью, с другой»⁹⁷. Не отрицая в принципе роли религиозных деятелей в политической системе королевства, в том числе в принятии внешнеполитического решения, саудовский «правлящий класс» целенаправленно и последовательно сужал сферу возложенных на них полномочий.

Проблема не была связана только с Афганистаном. Подготовка и проведение военной операции англо-американских войск на территории Ирака стали дополнительным поводом для придания необходимой религиозной легитимации «умеренной» позиции саудовского «правлящего класса». Это было естественно. Ситуация, возникшая вокруг Ирака, требовала, с одной стороны, оправдания поддерживавшихся королевством тесных отношений с державами, возглавившими направленную против С.Хусейна коалицию. Но, с другой, действия этих держав оказывали очевидное и, что существенно, более негативное, чем в афганском случае, воздействие на саудовский социум. В Ирак отправлялись саудовские добровольцы⁹⁸, а наиболее жесткие представители религиозной оппозиции открыто призывали мусульман к сопротивлению «агрессии против иракских братьев»⁹⁹. Вместе с тем, эта легитимация вновь доказывала существование тесных связей между институционализированной стратегией мусульманских законоучителей и политической элитой королевства.

Официальная саудовская религиозная интерпретация событий вокруг Ирака отталкивалась от мысли о необходимости отказа мусульманина от поиска какой-либо связи между событиями вокруг Ирака и религиозными убеждениями лидеров и граждан тех стран, которые стали членами *антисаддамовской* коалиции. Одна из проповедей, произнесенных в конце февраля 2003 г. С.А.бен Хамидом подчеркивала, что «насущной задачей законоучителей выступает искоренение осуждаемого экстремизма, возбуждающего ненависть к другим народам». Даже если, говорил он, «в мире сегодня и развернута кампания нападков на ислам», мусульманин не может поддаваться ей, а должен «гордиться и с честью нести слово своей религии, запрещающей распространение лжи и умаление достоинства в отношении кого-либо из посланцев Всевышнего, религии, уважающей всех пророков Господа»¹⁰⁰.

В конце марта 2003 г. в Эр-Рияде было обнародовано подписанное шейхом Абдель Азизом бен Абдаллой Ааль Аш-Шейхом заявление Совета высших улемов в связи с началом военной операции США и Великобритании на территории Ирака¹⁰¹. Естественно, что этот документ был направлен на оправдание саудовской официальной политики в отношении кризиса. Его лейтмотивом становилось утверждение о том, что саудовское руководство предприняло «все необходимые усилия для того, чтобы не допустить войны, а после того, как она

началась, руководствуется стремлением найти достойный выход из происходящих событий и избавить регион от ужасов войны».

Заявление обходило молчанием причины, вызвавшие военные действия. Оно довольствовалось обращением к «исламской нации, ко всем миролюбивым и приверженным принципам справедливости народам и государствам содействовать скорейшему прекращению начавшейся войны». Впрочем, военная кампания на территории Ирака всего лишь ставилась в один ряд с другими войнами, «уже постигавшими человечество и приносившими ему анархию, разрушение цивилизации, смерть, вдовство женщин, согбенность стариков и ужас детей». Войны, отмечалось в нем, «всегда порождали порочное стремление к вражде и ненависти между государствами и народами».

Обращение было направлено на то, чтобы сказать, цитируя высказывания короля и наследного принца, а также, разумеется, коранические *айяты*, что «все члены нации должны отдалиться от разногласий, стать единым целым, отринуть интриги тех, кто хочет расколоть единство». Оно было красноречиво: «Наше королевство и в религии, и в земных заботах должно сохранить свою безопасность. Сделать это возможно, только лишь полагаясь на наших правителей. Долгом же *людей науки* (улемов, – *авторы*), – подчеркивалось в нем далее, – становится отныне просвещение людей, отдаление их от раздоров и их устрашающих последствий, поощрение людей к упованию на Господа и содействие тому, чтобы они верили себя мудрости поставленных над ними».

В свою очередь, фетва, изданная верховным муфтием королевства (ее обнародование было инициировано министерством юстиции), требовала от имамов мечетей «краткости проповедей, касающихся причин *случившегося*», предпочитая никак не квалифицировать события в Ираке. Имамам предписывалось «не допускать враждебности в высказываниях и следовать точке зрения знающих истину правоведов»¹⁰².

Наконец, в начале мая 2003 г. Совет высших улемов, откликаясь на действия органов государственной безопасности и министерства внутренних дел, направленные на поиск и ликвидацию объединений фундаменталистов на территории королевства, обнародовал новое заявление, подписанное шейхом Абдель Азизом бен Абдаллой Ааль Аш-Шейхом. В нем осуждалась «деятельность террористов в стране», а каждый ее гражданин провозглашался «представителем службы безопасности», бдительно следящим за тем, чтобы в пределах королевства «не появлялись бы люди, тайно хранящие оружие, не создавались бы склады взрывчатки, винтовок и ручных гранат».

В этом заявлении вновь подчеркивалось, что долг улемов заключается в том, чтобы «противостоять идеям террористов, игнорирующих свои обязанности перед религией и родиной». Речь шла, прежде всего, о тех саудовских подданных, которые стали членами поддер-

живавших режим С.Хусейна в Ираке отрядов и начинавших возвращаться к себе домой. Их представления провозглашались не «мыслями подлинных моджахедов, а мыслями сеятелей смуты и раздора». Этим «бежавшим террористов» предлагалось «разоблачать, не давая им укрываться». Любые контакты с ними определялись как «сотрудничество во имя греха и агрессии». Террористы и сочувствующие им были объявлены чуждыми саудовскому обществу: «тот, кто поднял оружие против нас и страны, тот не с нами и не со страной»¹⁰³.

Проблема институализации широкого круга религиозных деятелей все еще серьезно стоит перед саудовским политическим истеблишментом. Этот круг численно значителен¹⁰⁴ и политически активен¹⁰⁵.

По инициативе министерства юстиции и министерства мусульманских дел, вакфов, призыва и руководства руководителем второго из них шейх Салех бен Абдель Азиз бен Мухаммед Аль Аш-Шейх уже в октябре 2001 г. провел первые встречи с имамами саудовских мечетей¹⁰⁶. Естественная для его выступлений на этих встречах религиозная риторика не могла скрыть их сугубо политического содержания. Основной мыслью его выступлений было утверждение о том, что, «когда возникает сомнение или меняется обстановка, оценка событий может быть верной только при условии, что эта оценка совпадает с мнением предков». Это означало, что любая попытка иного, не совпадающего с «мнением предков», «истолкования» все тех же событий способна вызвать в «исламской нации раскол, смуту и ненависть».

Более того, все та же попытка означала «отказ от подчинения и послушания властителю». Наконец, имамы должны были понять, что «истолкование событий» не «удел простонародья или хатыбов», а «занятие знатоков». Из заявления министра вытекало, что в среде саудовских правоведов возникали призывы к джихаду в связи с тогда еще эвентуальной вооруженной акцией в Афганистане. Касаясь этого обстоятельства, министр подчеркивал: «Призыв к джихаду – дело правителя, а не кого-то из людей».

Во многом то же самое министр говорил, выступая и перед студентами, специализирующими в вопросах пропаганды и распространения мусульманского вероучения¹⁰⁷. В их случае речь шла об иной, по сравнению с имамами, общественной страте, включавшей в себя не только саудовцев, но и граждан других мусульманских стран и регионов. Да и, кроме того, это были молодые люди, учившиеся на саудовские деньги, их дальнейшая задача состояла в том, чтобы содействовать распространению исламского вероучения. Умонастроения и поступки будущих проповедников, несомненно, усиливали бы (или, напротив, ослабляли) саудовское влияние в среде зарубежных единоверцев.

Для министра мусульманских дел было принципиально подчеркнуть, обращаясь к ним, что они «несут ответственность за дела веры, становясь образцом поведения для людей, когда происходят события и смешиваются дела». В их случае «умеренность в религии» приобретала

огромное значение, – лишь «следуя ей, можно достигнуть истины, далекой и от излишества, и от несправедливости». Не подвергаться влиянию окружения, заявлял член саудовского политического и религиозного истеблишмента, а должным образом воздействовать на это окружение. Или, пользуясь его словами: «Мы слышите вокруг себя речи людей, даже, видимо, тех, кто относит себя к вере ислама. Вокруг вас говорят мусульмане, принадлежащие к разным классам – это улемы, это проповедники, это энтузиасты, это стремящиеся что-то произнести до того, как выскажутся другие. Вокруг вас говорят те, кто распространяют ложные слухи, те, кто владеют различными каналами спутниковой связи (речь шла о катарском телевизионном канале «Аль-Джазира», деятельность которого не раз вызывала нарекания саудовских официальных лиц¹⁰⁸, – авторы). Слушая их, не отклонится от истинного пути лишь тот, кто прочно связан с Кораном и Сунной, кто следует пути предков».

Более яркую картину едва ли не всеобщего брожения в умах, происходившего в саудовском обществе в связи с событиями в Афганистане, в том числе и под влиянием улемов, наверное, трудно себе представить. Противодействовать этому брожению саудовский «политический класс» мог, только лишь обращаясь к религиозной риторике.

Обращаясь 21 декабря 2001 г., в первый день *праздника разговения* к верующим, когда военная акция в Афганистане была еще далека от завершения, король Фахд и наследник престола принц Абдалла подчеркивали: «На переживаемые миром события следует смотреть через призму позитивной роли Королевства Саудовская Аравия, внимательно следящего за их развитием и прежде всего за тем, что эти события несут мусульманам. Королевство стремится сделать голос мусульманской нации единым, считая, что только единство станет благом для мусульман. Ради этой цели королевство проводит курс, направленный на развитие продуктивного и плодотворного диалога между цивилизациями в интересах мира во всем мире и упрочения международной стабильности»¹⁰⁹. Это были слова, описывавшие «дела правителей». В свою очередь, «умеренные знатоки» наследия «предков» придавали этим делам необходимый оттенок религиозной легитимации.

В Мекке, где в день одного из двух основных праздников ислама король Фахд «молился вместе со всеми верующими», имам Главной мечети, обращаясь в своей проповеди к присутствовавшим на молитве, говорил о том, что «ислам – религия умеренности», подтверждая свои слова ссылками на текст Корана и хадисы Пророка. Он утверждал, что «ведущее к излишеству идейное отклонение является одной из основных причин того, что на различных этапах истории в среде мусульман вспыхивали бунты, и их обуревало смятение, вызывавшее нарушение согласия между руководителями и народами». В свете развивавшихся в мире событий это означало, что «люди, народы и правительства должны добиться единства слова нации».

Но это означало также и то, что в дни «тяжелых испытаний» истинно мусульманский совет «сомневающемуся» могут дать только те, кто знают полезную науку, кто действуют праведно, а это – твердые в убеждениях улемы и прозорливые *факихи*. К ним, а не к «сеятелям нездоровых идей и подозрительных мыслей», должен обращаться истинный мусульманин. В тот день имам Главной мечети в Мекке не был одинок. В главной мечети Эр-Рияда также со всеми верующими молился наследный принц Абдалла, а проповедь произносил верховный муфтий Саудовской Аравии. Основные положения его проповеди были идентичны высказываниям его мекканского коллеги.

Однако, ситуация стала еще более сложной в преддверии военной акции в отношении Ирака. Основания для такого вывода можно найти в саудовских информационных изданиях.

В конце января 2003 г. имам-хатыб Главной мечети в Мекке шейх С.А.бен Хамид выступил в священном городе мусульман с лекцией на тему «Пятничная проповедь и ее влияние на процесс совершенствования общества»¹¹⁰. Его лекция состоялась в штаб-квартире секретариата Лиги исламского мира, а собравшаяся аудитория представляла «многочисленных людей добродетели, студентов богословия и руководителей правительственных учреждений». Время проведения этого мероприятия было выбрано не случайно, как не случаен был и состав аудитории слушателей – приближался месяц паломничества, а вероятность нанесения удара по Ираку становилась все более очевидной.

Представитель саудовского религиозного и политического истеблишмента был четок в выборе терминов риторики. Он подчеркивал, что «проповедник должен проводить грань между проповедью, произносимой им в мечети, и политической речью», поскольку «у мечети иная миссия и задача». Проповедь в мечети, а особенно пятничная проповедь, оказывает «огромное воздействие на души верующих», и именно поэтому она должна быть «тесно связана с текстами Книги (Корана, – *авторы*) и Сунны» и в равной мере «вести диалог с душой, направлять ее, требовать от нее отчета и возвращать ее к заповедям, положениям и устремлениям религии».

Это были важные слова, и они далее разъяснялись: «Пятничная проповедь, обращенная к людям всех слоев, классов и должностей, должна нести мусульманам правдивое слово и верные мысли. А проповедник же, влияющий на этих людей, должен играть в отношении них роль воспитателя и учителя, направляя их к добру и справедливости. Лишь тогда он будет угоден Господу!». Это означало лишь, что все тот же проповедник «должен успокаивать желание мести, тушить пламя инстинкта, смягчать чувство ненависти, сея в душах мусульман дух любви, преданности правителю и сотрудничеству с ним».

Шейх С.А. бен Хамид указывал на «необходимость для подданных следовать мудрости их правителей». Долгом проповедника провозглашалось не только «наставление мусульманина в подлинном смысле

айятов Всемогущего Господа и Сунны Его Пророка», но и «оказание содействия правителям в деле отвращения верующего от раскола и смуты». Но не менее важным становилось и другое обстоятельство. Как и в случае с Афганистаном, политический курс саудовского «правящего класса» испытывал воздействие царящих в обществе настроений, в формирование которых улемы вносили весомую лепту.

3. «Неофициальные» структуры в системе принятия внешнеполитического решения

Институализированный процесс принятия внешнеполитического решения не охватывает всех существующих в королевстве «центров» политического влияния. За пределами его многоуровневой системы остаются, по мнению саудовских исследователей, важные с точки зрения возможностей своего воздействия на этот процесс «неофициальные» структуры¹¹¹.

Среди них, по мнению саудовских исследователей, наиболее принципиальна «группа входящих в систему лиц», состоящая из представителей, по меньшей мере, трех, в своей основе различных по своему происхождению (и по своей роли в контексте саудовского социума и политики) страт элиты – «принцы, предприниматели, вожди (*шух*) племен и часть улемов». Положение каждой из этих страт в контексте существующей в стране системы властных отношений, как и «связи» тех или иных выходцев из них с национальным «правлящим классом» дают их представителям возможность «высказывать свое мнение и влиять» на принимаемые этим «классом» внешнеполитические решения.

Тем не менее, воздействие некоторых «неофициальных» саудовских структур на процесс принятия политического решения в контексте нынешней властной структуры страны должно рассматриваться как во многом идущее по пути все более последовательной формализации отношений общества и государства. Деятельность ряда из них (предприниматели или вожди племен), в отличие от «официальных» центров власти, может принимать форму ограниченного, но, тем не менее, находящего необходимые каналы участия в проведении внешнеполитического курса государства, среди которых, конечно же, лоббирование собственных интересов в сфере внешней политики. Однако, в любом случае успех этой деятельности зависит от того, каковы взаимоотношения выходцев из той или иной страты и «правлящего класса» королевства.

Племена. Включение в конституционное определение саудовского королевства понятия «арабское» (открывающая Основной закон правления статья определяет его как «арабское мусульманское государство»¹¹²) позволяет официальным местным изданиям интерпретировать его как признание сохранения племенного характера саудовского общества: «Королевство Саудовская Аравия – арабское госу-

дарство. Его правители и граждане по своему происхождению арабы, выходцы из более ста древних арабских племен. Эти арабские племена составляют саудовский народ»¹¹³. В свою очередь, саудовский автор отмечал, что «правительство Королевства Саудовская Аравия признает существование племени в качестве структурной единицы социума». По его сообщению, «племена все еще важны с точки зрения внутренней жизни страны, исполняя, в основном, в национальном обществе некоторые социальные и хозяйственные функции».

Одновременно он писал, что «во многих регионах королевства вожди племен играют основную роль в жизни» этих объединений, прежде всего в сфере «решения возникающих внутри их племен конфликтов или вражды», что превращает их в «важных персон», хотя эта роль и ограничена «контролем со стороны государства». Суть этого контроля заключается в том, что их действия «регулируются существующими правовыми нормами и правительственными постановлениями» с тем, чтобы племенные структуры стали бы «эффективным орудием поддержания безопасности и стабильности, а также участниками процесса созидания и развития».

Наряду с этим, государство ни в коей мере не допускает возникновения ситуации, когда «племя или вождь племени мог бы действовать, игнорируя нормы мусульманского шариата»¹¹⁴. Ситуация с Ираком, когда успех внешней силовой акции против режима С.Хусейна во многом зависел от позиции лидеров местных племенных и клановых формирований, потребовала более активного участия вождей родственных родо-племенных групп, проживающих, в том числе и в Саудовской Аравии, в контактах со своими иракскими сородичами¹¹⁵.

Предприниматели. В свою очередь, пример представителя иной социальной структуры – саудовского миллиардера принца Аль-Валида бен Талая бен Абдель Азиза, владельца Королевской холдинговой компании, не менее показателен. Известный своей широкой предпринимательской деятельностью (в частности, в фондах поддержки Боснии и Герцеговины, Косово и Чечни¹¹⁶), внук основателя современного саудовского государства и сын главы в начале 60-х годов «красных принцев», он имеет значительные капиталовложения в американских и международных компаниях¹¹⁷. Его экономическая деятельность развивается и в арабском мире, включая и территорию ПНА. Скандальный отказ бывшего мэра Нью-Йорка Джулиани принять от него значительную денежную сумму, предназначенную для оказания помощи родственникам жертв террористических актов 11 сентября 2001 г.¹¹⁸, отнюдь не привел к свертыванию его деятельности на американском фондовом рынке. Этот конфликт был вызван тем, что в момент передачи средств, принц Аль-Валид высказал резкие критические замечания в отношении американской политики в процессе ближневосточного урегулирования.

Принц Аль-Валид остался категорическим противником выдвигавшейся представителями религиозных кругов в арабском мире, включая и Саудовскую Аравию, идеи бойкота американских товаров в качестве средства давления на политический истеблишмент США¹¹⁹ по вопросам Палестины и Ирака, приветствуя все начинания саудовских официальных властей, направленные на сохранение высокого уровня отношений с США. Аль-Валид считал необходимым проведение широких инспекционных действий в Ираке под эгидой ООН, но абсолютно не поддерживал идею военных действий против этой страны¹²⁰. В то время, он выражал настойчивое желание активизировать саудовские внешнеполитические действия на новых направлениях, становясь ныне едва ли не главой группы предпринимателей и политиков, которые считают необходимым (поддерживая саудовско-американское «стратегическое партнерство») развивать экономические отношения с иными центрами современного мира¹²¹.

События 11 сентября 2001 г. инициировали действия саудовского государства, направленные на установление более жесткого контроля в отношении «предпринимательского класса». При этом наиболее жесткий контроль, устанавливаемый по требованию правительства США, охватывал те сферы деятельности, которые осуществляются через каналы государственных и негосударственных благотворительных фондов помощи мусульманским меньшинствам за рубежом (включая и западные страны)¹²².

Участие национального частного капитала в финансировании этих фондов, осуществляемое обычно через торгово-промышленные палаты страны (чаще всего Эр-Рияда, Джидды и Даммама¹²³), а также через крупнейшие частные банки, среди которых, в частности, Банк Ар-Раджи¹²⁴, всегда представляло собой важный канал воздействия предпринимательской страны на принятие национального внешнеполитического решения. После сентябрьских событий 2001 г. ситуация существенно менялась. Саудовские благотворительные фонды становились объектом жесткой критики американских средств массовой информации и финансовых претензий со стороны родственников погибших и пострадавших во время террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне¹²⁵.

В марте 2002 г. в Саудовской Аравии был создан Высший комитет контроля над благотворительными фондами, призванный заниматься делами не только организаций, но и частных жертвователей. Тогда же по инициативе Комитета, действовавшего в тесном контакте с министерством финансов Соединенных Штатов, были заморожены банковские счета ассоциации «Аль-Харамейн» и закрыты ее боснийское и сомалийское отделения, обвиненные в поддержке «Аль-Каиды» и других экстремистских организаций¹²⁶. Деятельность всех благотворительных организаций подверглась финансовому аудиту, в

дальнейшем же они должны были согласовывать иницилируемые ими за границей начинания и проекты с министерством иностранных дел. В свою очередь, саудовские дипломатические представительства получали право проверки работы, уже ведущейся этими фондами в тех странах, где они были аккредитованы¹²⁷.

Изменение международной ситуации и, как его следствие, коррекция саудовской политики в отношении помощи мусульманским меньшинствам, отнюдь не означала сужения сферы деловой активности растущего (и поощряемого правительственной программой приватизации в преддверии вступления страны во Всемирную торговую организацию) саудовского «предпринимательского класса». Его ведущим звеном выступают владельцы частных предприятий (чаще всего сферы пищевой и перерабатывающей промышленности¹²⁸), активно использующие возможности торгово-промышленных палат как для реформирования национальной экономики, включая и изменение положения на внутреннем рынке (предлагая собственное видение курса структурных экономических реформ¹²⁹), так и для установления внешнеэкономических контактов.

Возникающее в связи с этим, положение содействует диверсификации саудовской экономики. При этом антисаудовская и антимусульманская кампания, разворачивающаяся в Соединенных Штатах, как и американская позиция «произраильской лояльности» становится для саудовского предпринимательского класса обоснованием для его все большего внимания к ранее не столь популярным для него рынкам, среди которых все чаще называются «Канада, страны Европы и Азии». Едва ли не наиболее ярким показателем этой переориентации стало относительное снижение уровня саудовско-американского торгового оборота в течение 2002–2003 гг.¹³⁰

Вместе с тем, действуя в направлении поиска альтернативных американским деловым партнерам, национальное предпринимательство содействует и провозглашаемым самим «правлящим классом», представленным в этом случае наследным принцем Абдаллой, реформам в сфере высшего и профессионального образования, направленным на расширение возможностей получения высшего технического образования выходцами из «широких общественных слоев». Как подчеркивают в этой связи представители высшей политической элиты, опираясь на «выходцев из этих слоев», можно будет «сформировать новую личность, обладающую необходимой для страны технической подготовкой и способной, благодаря этому, усвоить научно-технические достижения иных наций»¹³¹.

«Новый образованный класс». Процессы модернизации вызывали к жизни в Саудовской Аравии не только консервативные настроения. Широкий круг созданного государством «образованного класса» – *«людей науки, знания и умения»*, используя эти реалии, все более

активен в выдвижении требований демократизации социума и существующей в стране политической системы.

22 января 2003 г. на встрече наследного принца Абдаллы и группы интеллигенции был поставлен вопрос о необходимости более последовательного проведения реформ. Представленный принцу участниками встречи документ – «Стратегическое видение будущего родины» содержал предложения о расширении участия «всех групп населения» в процессе принятия политического решения, включая не только его внутривнутриполитический, но и внешнеполитический аспект¹³².

Путь к этому лежит, по мнению авторов документа, через учреждение избираемого всеобщим, тайным и прямым голосованием парламента и провинциальных советов как преддверия установления в стране основ гражданского общества. Его создатели считали необходимым содействовать изменению характера саудовской экономики. Она должна была быть «последовательно диверсифицирована» (что означало и выработку современного и ориентированного на поощрение предпринимательской активности законодательства) и не опираться на нефтедобычу. При этом ее будущее развитие, как они предполагали, могло бы содействовать ликвидации «диспропорций регионального развития».

Поданный наследному принцу документ включал и указание на «поощрение культуры прав человека» и окончательное изживание «практики религиозной, конфессиональной, региональной и социальной дискриминации», что, разумеется, ставило вопрос о «предоставлении женщинам обеспечиваемых шариатом гражданских прав». Судебная система страны должна была подвергнуться реформе, что, в частности, требовало исключения «преследования граждан по политическим мотивам».

Авторы документа считали необходимым добиться общественной поддержки реформ, подчеркивая, что «правительство должно созвать общенациональный конгресс», участниками которого станут представители всех регионов королевства. В ходе работы этого конгресса будут обсуждены «основные проблемы» страны для «создания конституционных основ выработки формулы национального согласия и формирования жизнеспособных институтов государства». Участники встречи подчеркивали, что инициатором «необходимых для страны и нации и угодных Всевышнему реформ» может быть только правящее семейство.

При этом, однако, сама возможность выдвижения «образованным классом» страны предложений, целью которых выступают демократические реформы, включающие и расширение участия в принятии политического решения, вытекала, по словам его представителей, из начинаний саудовского истеблишмента, в частности, подготовленной под эгидой принца Абдаллы «Арабской хартии». Если, от-

мечали участники встречи, обращаясь к наследному принцу, королевство выступает «инициатором общеарабских реформаторских перемен, то оно должно стать первым государством региона, вступающим на этот путь».

4. Реформы: сфера принятия политического решения

Лозунг реформ, выдвинутый саудовским «правлящим классом» после 11 сентября 2001 г. и последовавшей затем военной акцией в Афганистане означал, что в процесс принятия политического решения (включая и его внешнеполитический аспект) в королевстве подвергнется дальнейшей трансформации. Поэтому этот лозунг и был поддержан «образованным классом», к которому примыкали и предпринимательские круги¹³³. Более того, поскольку этот лозунг определялся значительными изменениями (если не вытекал из них) в системе международных отношений, где королевство вновь должно было определить свое положение, постольку в ходе реализации «демократических начинаний» поддерживающие их страты должны были высказать свое мнение и в отношении инициативы государства, и по поводу тех или иных аспектов проводимой им внешней политики. В развитии страны, скорее всего, начиналась, хотя еще и ограниченная, эпоха политической либерализации.

В начале апреля 2003 г. министр внутренних дел принц Наеф бен Абдель Азиз заявил о том, что в Саудовской Аравии будут созданы две комиссии (правительственная и общественная, руководимая представителями «образованного класса»), задача которых связывалась с соблюдением прав человека¹³⁴. Для королевства это начинание было беспрецедентным.

Однако, не менее беспрецедентным было и заявление одного из руководителей Консультативного совета, подчеркивавшего, что в недалеком будущем (в силу «быстрого развития саудовского общества») национальный *протопарламент* сможет обрести черты реального законодательного органа. Его депутаты, среди которых, как он отмечал, появятся и женщины, будут избираться. Это, по его словам, «не противоречило нормам шариата»¹³⁵. Последовавшее затем частичное опровержение его заявления¹³⁶ не меняло главного – Консультативный совет мог превратиться в реальную трибуну деятельности «образованного класса».

17 мая 2003 г. стремление королевства продолжать инициированные его «правлящим классом» реформы было подтверждено в выступлении короля Фахда на открытии очередной сессии Консультативного совета. Монарх, в частности, говорил: «Мы стремимся всеми силами к тому, чтобы наши внутренние дела стали объектом нашего собственного пересмотра, направленного в сторону реформы». Он подчеркивал, что все, что уже было сделано в стране, осуществлено и потому, что «члены Консультативного совета являются активными

партнерами правительства в сфере политики и административных преобразований».

Король Фахд подтверждал, что в Саудовской Аравии (наряду с государственной) будет действовать и «общественная комиссия по правам человека», ссылаясь на то, что «ислам был тем первым верованием, которое призвало к уважению прав личности». В этом контексте он заявлял: «Мы будем пересматривать законы, указания и положения контроля с тем, чтобы расширить участие народа в принятии правительственного решения. В рамках благородных шариатских установок мы откроем более широкие горизонты для женщин. ... Ведь гражданка страны – сестра ли, мать, дочь или супруга каждого из нас ... должна стать участницей созидания будущего».

Наконец, король Фахд подтверждал стремление политического истеблишмента своей страны идти по пути экономической либерализации, покончить с «безработицей и нищетой», внести изменения в программы школьного и университетского образования. Для успеха «реформаторских изменений», как он говорил, страна нуждалась в «национальном единстве», основанном на «спокойном братском диалоге», отталкиваемом от «умеренности». Проведение же в жизнь этого принципа провозглашалось «долгом благородных улемов», которые, ради «спасения молодежи от зла разрушительных идей», должны «распространять дух терпимости, которым пропитан шариат»¹³⁷.

Но еще раньше в саудовском обществе началось открытое обсуждение проблем, которые ранее рассматривались как табу¹³⁸. Важнейшими среди них были вопросы, связанные с саудовско-американскими политическими и экономическими отношениями, а в более широком плане – с ролью королевства в современном мире, со свободой средств массовой информации, включая в первую очередь принципиальный аспект этой проблемы – воздействие «четвертой власти» на принятие политического решения, и, наконец, контекст деятельности национальных благотворительных организаций. После событий 11 сентября 2001 г. этот сюжет приобретал очевидную международную окраску.

По выражению одного из участников начавшихся дискуссий, «Королевство находится на судьбоносном перекрестке». Тем не менее, это – ситуация «консервативной революции», необходимой для того, чтобы найти ответы на «вызовы сегодняшнего дня». Контекст будущих изменений, как подчеркивалось, вовсе не будет означать «слепого заимствования западных ценностей». Напротив, страна будет сочетать их с «собственными ценностями и ценностями соседей – арабских стран зоны Залива». Даже планируемый авторами цитировавшегося документа – «Стратегическое видение будущего родины» – общенациональный конгресс должен был стать «национальным органом, включающим элиту искренне преданных родине сыновей, выбранных пасырем высказанной инициативы (принцем Абдаллой бен Абдель Ази-

зом, – авторы)». Их будущие действия будут исходить из «интересов родины и неизменных принципов ее курса»¹³⁹. Но в какой мере эта «консервативная революция», призванная придать дополнительную легитимацию саудовскому режиму, влияла на традиционные направления саудовской внешней политики? Проблема отношений с Соединенными Штатами в связи с этим двигалась на передний план.

Саудовские интеллектуалы вовсе не ставили под сомнение важность американского направления в саудовской внешней политике и даже, напротив, они усиливали его значение для национальных интересов страны. США, подчеркивали они, представляют собой «единственную супердержаву современного мира», экономика этой страны «определяет ход развития всего мирового сообщества», неотъемлемым элементом которого является и Саудовская Аравия¹⁴⁰. Было бы «самоубийственно», по их мнению, «идти на бойкот Соединенных Штатов», одним из проявлений которого стал бы отказ от инвестирования саудовских капиталов в американскую экономику и, соответственно, американских – в саудовское королевство¹⁴¹. Но все это не означало, что в контексте отношений между двумя странами саудовские интересы должны были подвергаться маргинализации.

Эти интересы требовали, чтобы «мир» (речь шла о Соединенных Штатах) смотрел бы на королевство не как на некий «культурно-цивилизационный феномен», но как на «государство институтов». Лишь тогда будет четко определена суть саудовского общества «как национального, плюралистического и реально осознающего свои интересы в современном мировом сообществе»¹⁴². Эти интересы требовали также, чтобы деятельность апеллирующих к исламской риторике благотворительных фондов была бы поставлена под еще более жесткий контроль государства. Иными словами, «саудовский жертвователь должен знать, кто является конечным получателем еще пожертвованый», как и то, «каковы цели этого получателя»¹⁴³.

Военная акция в Ираке подталкивала саудовскую интеллигенцию к еще более четкой постановке вопроса о необходимости модернизации государства и общества. Публикуя заявление в канун начала военных действий на территории соседней страны, сторонники реформ подчеркивали: «Арабские лидеры (саудовские руководители назывались в связи с этим первыми, – авторы) должны инициировать процесс цивилизационной модернизации, предусматривающий, в первую очередь, развитие институтов национального государства. Только на этой основе народы арабской нации смогут достойно участвовать в политико-экономической и общественной жизни всего мирового сообщества»¹⁴⁴. Конечно же, это заявление поддерживало официальную позицию саудовского истеблишмента в отношении кризиса вокруг Ирака. Более того, его авторы не мыслили какой-либо возможности отказа от сохранения роли королевства в качестве ведущего «центра силы» арабского геополитического пространства.

Наконец, уже после кровавых террористических актов 12 мая 2003 г. в Эр-Рияде саудовский «новый образованный класс» начинал ставить вопрос о том, почему мир связывает международный терроризм и Саудовскую Аравию? Этот вопрос ставился открыто, в ходе непосредственных встреч с западными дипломатами и представителями средств массовой информации. Некоторые из выступлений на эту тему, в частности главного редактора газеты «Ар-Рияд» Турки бен Абдалла Ас-Судейри в канадском посольстве, состоявшееся 24 мая 2003 г., заслуживают внимания.

Для руководителя одной из влиятельных саудовских газет было важно заявить своим собеседникам, что в Саудовской Аравии отдают себе отчет в том, что «в религиозном саудовском обществе существуют замкнутые группы, среди представителей которых имеют хождение искаженные и опасные идеи, воспринимаемые этими людьми в качестве богооткровенных поучений». Продолжая эту мысль, Т.А.Ас-Судейри подчеркивал, что в среде все тех же групп «распространяются *фетвы*, на основании которых не возбраняется не только убийство человека, принадлежащего к иной религии, но и убийство мусульманина, поддерживающего отношения с представителем иной религии». Конечно, говоря об этом, он подчеркивал, что соответствующие группы численно незначительны, но, по сути дела, Т.А.Ас-Судейри признавал наличие причин, способных вызвать экстремистские настроения и действия в самой саудовской среде.

Тем не менее, он был уверен в том, что государство найдет силы и возможности, чтобы противостоять существующему злу. Более того, он считал, что «правительство королевства решит трудную задачу уничтожения тех, кто верит в террор и составляет меньшинство в окружающем его консервативном и религиозном мусульманском океане». Залогом того, по его мнению, является значительная прослойка в стране по-современному образованных и знакомых с Западом людей, как и тесные связи королевства с его экономическими партнерами в США и Европейском Союзе. Свой же долг журналиста Т.А.Ас-Судейри видел в том, чтобы «просвещать граждан, говоря им о том, что в своих бедах они должны винить не правительство, а ту небольшую, руководствующуюся искаженными идеями группу в нашем обществе, которая уверовала в террор и пытается сделать его своей практикой, нанося удар по нашему национальному единству»¹⁴⁵. Это было движение к обретению участия в процессе принятия политического решения. Но оно демонстрировало не только тесную зависимость «нового образованного класса», но и единство дискурса и этого «класса», и политического истеблишмента.

Тем не менее, в какой степени на практике саудовское государство демонстрировало свою готовность идти по пути реформ? Последствия акций 12 мая 2003 г. позволяли предположить, что в достаточной большой.

В уже цитировавшемся выступлении короля Фахда перед депутатами Консультативного совета подчеркивалось: «Саудовский народ не позволит, чтобы в его стране существовали идеи, поощряющие на совершение террористических актов»¹⁴⁶. С идентичными заявлениями выступили все представители высшей иерархии королевства.

Как отметил министр внутренних дел принц Найеф бен Абдель Азиз, в подчиненном ему ведомстве произойдут перестановки, которые «усилят готовность министерства противостоять возможным акциям»¹⁴⁷. Более того, он выступил с резкими угрозами в адрес «ведущих фигур радикального течения, действующих в королевстве (лидеров оппозиционных исламистских группировок, – *авторы*)». По словам принца, «тот, кто оправдывает терроризм именем мусульманской религии, – предатель своей религии и родины»¹⁴⁸.

Эта позиция благословлялась представителями институционализированного корпуса улемов. Два дня спустя после террористических акций в Эр-Рияде, генеральный секретарь Лиги исламского мира, член президиума Совета высших улемов королевства Абдалла бен Абдель Мухсин Ат-Турки заявил, что тех, кто совершает такие акции «в день воскресения будет ждать суд Господа»¹⁴⁹. Выражая точку зрения Совета высших улемов, его глава шейх Абдель Азиз бен Абдалла Ааль Аш-Шейх не только подчеркивал, что те, «кто спланировал и осуществил акции 12 мая – отступники от верного пути ислама». Он заявлял и о том, что реформы ни в коем случае не должны «означать ликвидации комитетов общественной морали»¹⁵⁰.

Наконец, говоря о внешней политике королевства в свете событий 12 мая 2003 г. и начавшейся «демократической реформе», принц Абдалла недвусмысленно подчеркивал, что «королевство было и остается частью глобального мира. Никакие акты террора не заставят его изменить эту позицию»¹⁵¹.

¹ Абдель Азиз Аль Сауд С. Аль-Маджалис аль-мафтуха ва аль-мафхум аль-ислямий ли-ль хукм фи сиясат Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Открытые *меджлисы* и исламское понимание власти в политике Королевства Саудовская Аравия). Эр-Рияд, 2000. С. 11.

² Здесь и далее см.: Нофель А.М. Суна аль-кадар ас-сиясий фи Аль-Мамляка. Аль-Малик, маджлис аль-вузара, аль-визарат, Маджлис аш-шура (Принятие политического решения в Королевстве. Король, совет министров, министерства, Консультативный совет). – Ас-Сияса аль-хариджийя лиль Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм. С. 385–387.

³ Наряду с Основным законом правления, были приняты также Закон о Совете министров (*Низам маджлис аль-вузара*), Закон о Консультативном совете (*Низам маджлис аш-шура*). – Тексты этих законов, а также Закона о судопроизводстве (*Низам аль-када*) см. в: Бен Баз А.А. Ан-Низам ас-сиясий ва ад-дустурий ли-ль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Политическая и конституционная система Королевства Саудовская Аравия). Эр-Рияд, 2000. С. 264–336.

В число этих конституционных актов входит также и Закон об управлении провинциями (*Низам аль-манатык*). – Текст закона см. в: Ас-Суэйг А.Х. Аль-Ислям фи ас-сияса аль-хариджийя ас-саудийя (Ислам в саудовской внешней политике). Эр-Рияд, 1992. С. 287–293.

⁴ Авторы не считали необходимым для себя детально рассматривать проблемы, связанные с функционированием саудовской политической системы, поскольку в российской библиографии уже существуют посвященные этому работы. Сошлемся, в частности, на две последних среди них: Александров И.А. Монархии Персидского залива: этап модернизации. М., 2000; а также Гукасян Г. Политическая система Саудовской Аравии. – Ат-Турки М. А.-А. (сост.) Король-реформатор. Видение российской интеллигенции. М., 2002.

⁵ Ст. 44 Основного закона правления. – Цит. по: Бен Баз А.А., цит. произв. С. 271. См. русский перевод этого документа, хотя во многих отношениях и спорный, в: Александров И.А., цит. произв. С. 464–478.

⁶ Ст. 45 Основного закона правления провозглашает, что «источником правовых суждений» в королевстве является «Книга Всевышнего Господа и Сунна Его Пророка», а ст. 46 – что юридическая власть «при принятии решений подчиняется только власти исламского шариата». – Бен Баз А.А., цит. произв. С. 271.

⁷ Ст. 44 Основного закона правления // Там же.

⁸ Ст. 6 Основного закона правления // Там же. С. 265.

⁹ В этом своем качестве король «избирает наследника престола», является высшей инстанцией по отношению к каждой из трех ветвей власти, выступает в роли верховного главнокомандующего вооруженными силами, объявляет чрезвычайное положение, утверждает «законы, международные договоры и соглашения и вносит в них изменения на основе королевских декретов». – Ст. 5, 60, 61, 62 и 70 Основного закона правления. – Там же. С. 265, 274–275.

¹⁰ Определяя сферу его полномочий, ст. 55 Основного закона правления подчеркивает: «В соответствии с нормами ислама король осуществляет шариатскую политику нации, руководит претворением в жизнь исламского шариата, законодательных постановлений, общей политики государства, обеспечивает безопасность страны и ее оборону». – Там же. С. 273.

Ст. 56 Основного закона власти (как и ст. 1 Закона о Совете министров) включает в число полномочий короля «председательство в Совете министров» и «помощь членам Совета в осуществлении ими возложенных на них полномочий». – Там же. С. 273 и 312.

Согласно же ст. 57, назначение заместителей председателя Совета министров и министров правительства является неотъемлемой прерогативой саудовского монарха. – Там же. С. 273.

¹¹ См. ст. 55 Основного закона правления. Цит. по: Там же. С. 273.

Одновременно, ст. 56 Основного закона власти (как и ст. 1 Закона о Совете министров) включает в число полномочий короля «председательство в Совете министров» и «помощь членам Совета в осуществлении ими возложенных на них полномочий». – Там же. С. 273 и 312.

Согласно же ст. 57, назначение заместителей председателя Совета министров и министров правительства является неотъемлемой прерогативой саудовского монарха. – Там же. С. 273.

¹² Ст. 63 Основного закона правления определяет короля в качестве единственного представителя государства в сфере международных отношений. Лишь он «принимает монархов и президентов иностранных государств, назначает своих представителей в этих государствах и принимает верительные грамоты у представителей представленных при нем государств». – Там же. С. 274.

¹³ Кроме министерств, рассматриваемых в качестве «институтов поддержания суверенитета», саудовская традиция выделяет «институты обслуживания» (министерства здравоохранения, просвещения, коммуникаций, информации, труда, социальных дел, мусульманских дел, вакфов, призыва и руководства, общественных работ, жилищного строительства, почты, телефона и телеграфа, высшего образования), «институты производства» (министерства нефти и минеральных ресурсов, промышленности и электроэнергии, сельского хозяйства, водных ресурсов, торговли). Наконец, министерство муниципальных и провинциальных дел предстает в качестве «института местного самоуправления», а министерства финансов и экономики, а также планирования в качестве «дополнительных институтов обслуживания». – Нюфель А.М., цит. произв. С. 409–410.

¹⁴ Эти «указания» различны по форме. Речь может идти о «королевском указе», не предполагающем предварительных консультаций монарха с Советом министров, или о «высочайшем повелении» короля в качестве главы Совета министров. – Там же. С. 396–397.

¹⁵ Там же. С. 390.

¹⁶ Ст. 3, 4, 5 и 6 Закона о Совете министров. – Цит. по: Бен Баз А.А., цит. произв. С. 312–313.

Текст этой присяги был произнесен, например, в прошлом послом Саудовской Аравии в Лондоне Г.Аль-Гусейби при вступлении в новую должность министра водных ресурсов. – Вазир аль-миях юадди аль-касм байн ядей Хадим аль-харамейн аш-шарифейн (Министр водных ресурсов приносит клятву Хранителю двух благородных святынь). – Аль-Джазира, Джидда, 26 сентября 2002. – <http://www.al-jazirah.com/>

¹⁷ Ст. 57 Основного закона правления. – Там же. С. 273.

¹⁸ Ст. 19 Закона о Совете министров. – Там же. С. 315.

¹⁹ Ст. 20 Закона о Совете министров. – Там же. С. 315–316.

Саудовская пресса регулярно публикует значительные по объему сообщения о заседаниях возглавляемого королем Совета министров. Эти сообщения стандартны и обычно содержат отчеты о деятельности наследника престола и того или иного министра в сфере (в случае наследника престола) поручений короля и подчиненной ему (в случае министра) области. Наряду с этим, в сообщениях о заседаниях Совета министров включаются и сообщения короля о его встречах с лидерами зарубежных стран, их представителями или министрами. – См., например, сообщение о заседании 21 октября

2002 г., в ходе которого наследник престола принц Абдалла проинформировал кабинет о своих встречах с президентом ОАЭ. Кроме того, на том же заседании члены Совета министров были проинформированы о переговорах короля Фахда и наследника престола с премьер-министром Малайзии. – Хадим аль-Харамейн рааса джалъса Маджлис аль-вузара духра амс (Хранитель Двух святынь возглавил вчера во второй половине дня заседание Совета министров). – Аль-Джазира, 22 октября 2002. – <http://www.al-jazirah.com/>

²⁰ См. об этом: Al-Farsy F. *Op. cit.* P. 43.

²¹ Ст. 10 Закона о Совете министров. Цит. по: Бен Баз А.А., цит. произв. С. 313. В свою очередь, обсуждение на заседаниях правительства вопросов, связанных с деятельностью того или иного министерства возможно «только в присутствии соответствующего министра или его заместителя». – Ст. 15 Закона о Совете министров. – Там же. С. 314.

²² Ст. 22 Закона о Совете министров. – Там же. С. 316.

²³ Нофель А.М., цит. произв. С. 390.

²⁴ Здесь и далее см.: Al-Farsy F., *op. cit.* P. 65; а также сайт министерства иностранных дел Королевства Саудовская Аравия: <http://www.mofa.gov.sa/>

²⁵ В первую очередь, речь идет об ООН и ее специализированных организациях. Это управление специализируется также на вопросах прав человека, разоружения и охраны окружающей среды. – См.: <http://www.mofa.gov.sa/org/>

²⁶ Выделение этого подразделения в самостоятельный отдел связывается с тем, что «палестинская проблема играет важную роль во внешней политике королевства». – См. об этом: <http://www.mofa.gov.sa/>

²⁷ Создан в начале 80-х годов XX в. на основании специального королевского указа. Главой административного совета Института является министр иностранных дел. Институт публикует немало исследований, посвященных различным аспектам саудовской политики в прошлом и настоящем, а также издает два специализированных печатных издания – журналы «Ад-Дипломасий (Дипломат)» и «Шуун саудийя (Саудовские проблемы)». Немалое число преподавателей Института (экономика, политология, иностранные языки) являются иностранцами, работающими в нем по контракту, заключенному между министерством и Институтом ООН по вопросам профессиональной подготовки и исследований (UNETAR). – <http://www.mofa.gov.sa/>

²⁸ Принц Сауд Аль-Фейсал родился в 1940 г. в Таифе, в 1964 г. получил степень бакалавра экономики в Принстонском университете (штат Нью-Джерси). Его карьера началась в министерстве нефти и минеральных ресурсов, где он работал советником по экономическим вопросам, а затем была продолжена в государственной Генеральной организации нефтяных и минеральных ресурсов «Петромин», где он возглавлял бюро по связям с государством в области производства нефти, а затем стал заместителем генерального директора этой компании по вопросам планирования. В 1971 г. Сауд Аль-Фейсал был назначен заместителем министра нефти и минеральных ресурсов, а в октябре 1975 г. министром иностранных дел. – <http://www.mofa.gov.sa/>

²⁹ Низар бен Убейд Мадани родился в 1941 г. в Медине. В 1964 г. получил степень бакалавра политических наук на факультете экономики и политологии Каирского университета, а в 1971 г. степень магистра международных отношений Вашингтонского университета, где в 1977 г. защитил диссертацию и стал доктором международных отношений. Начал свою карьеру в 1965 г. в министерстве иностранных дел в ранге атташе. В дальнейшем, с 1968 г. работал в саудовском посольстве в Вашингтоне, где получил ранг поверенного в делах. С 1978 г. вновь работал в министерстве иностранных дел, став заместителем генерального директора бюро министра, а затем, с 1987 г. главой управления по делам Запада, получив ранг посла. В 1993 г. по указу короля был назначен депутатом Консультативного совета первого созыва, где возглавил комиссию по внешнеполитическим делам и стал членом комиссии по проблемам безопасности. С 1995 г. заместитель министра иностранных дел. Автор многих работ по вопросам саудовской внешней политики. – <http://www.mofa.gov.sa/>

³⁰ Здесь и далее применительно к социальной структуре современного саудовского общества цит. точка зрения С.Х. Аз-Захрани. – См.: Аз-Захрани С.Х., цит. произв. С. 129.

³¹ См., в частности, список членов консультативного совета Мекки того времени в: Нофель А.М., цит. произв. С. 302–303.

Работа А.А.Бен База содержит текст документа – Основные законы Хиджазского королевства, действовавшего в эпоху Ибн Сауда и содержавшего в своей четвертой главе положения, связанные с регулированием деятельности этих советов. – Бен Баз А.А., цит. произв. С. 253–263.

³² «Консультативный совет состоит из председателя и шестидесяти членов, которых «выбирает король». – Ст. 3 Закона о Консультативном совете. – Цит. по: Там же. С. 319.

Король имеет полное право роспуска и возобновления деятельности Консультативного совета. – Ст. 68 Основного закона правления. – Там же. С. 275.

³³ Ст. 2 Закона о Консультативном совете. – Цит. по: Там же. С. 319.

Эта статья, тем не менее, шире процитированного отрывка, включая, в частности, упоминание необходимости *«держаться за вервь Всевышнего»* – положения одного из часто прокламируемых и известных коранических *айятов*, обычно понимаемого как указание на обязанность верующих содействовать сохранению единства мусульманской *уммы*.

³⁴ Ст. 3 Закона о Консультативном совете. – Там же. С. 319.

³⁵ Ст. 1 Закона о Консультативном совете. – Там же.

³⁶ Здесь и далее ст. 14 и 15 Закона о Консультативном совете. – Там же. С. 321.

³⁷ Ст. 44 Основного закона правления. – Там же. С. 271.

³⁸ Здесь и далее ст. 17 и 18 Закона о Консультативном совете. – Там же. С. 322.

³⁹ Ст. 19 Закона о Консультативном совете. – Там же.

⁴⁰ Наряду с другими комитетами Совета – по мусульманским вопросам, по экономическим вопросам, по социальным вопросам, по правовым вопросам, по вопросам образования, по вопросам безопасности и по вопросам инфра-

структуры. – См. об этом информационный сайт Консультативного совета – <http://www.shura.gov.sa>

⁴¹ Переходившие к оседлости группы бедуинского населения. Этот процесс активно поощрялся Ибн Саудом, создавшим из числа *ихванов* ударные отряды своей армии и осуществлявшим, опираясь на них, свою экспансию в направлении государственных образований Аравийского полуострова. См. об этом: Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М., 1982.

⁴² Здесь и далее см.: Аз-Захрани С.Х., цит. произв. С. 129–147.

⁴³ Впервые вопрос об отмене рабства был поставлен в подписанном в 1927 г. в Джидде договоре между Ибн Саудом и Великобританией, включившем обязательство основателя современного саудовского государства прекратить работорговлю. В 1936 г. в саудовском королевстве был принят закон, запрещающий ввоз в страну рабов и обращение в рабство въезжавших на территорию Хиджаза свободных паломников. Этот закон предусматривал всего лишь годичное тюремное заключение для его нарушителей. Однако, действительно решительные действия, связанные с искоренением рабства в стране, были предприняты только в первой половине 60-х годов XX столетия. – См. об этом: Васильев А.М., цит. произв. С. 493–494.

⁴⁴ Их арабское название *Мудирийят аль-амр би-ль-мааруф ва ан-нахи ан-аль-мункир*.

⁴⁵ Если в 1932 г. численность саудовских кочевников составляла (данные оценочны) 68% всего населения страны, то по переписи 1974 г. их было уже 27%, а по данным переписи 1992 г. только 6,6%. Хотя в некоторых районах страны кочевое население было значительно, – 44% жителей Северной провинции, 18,1% – Южной (Асир) и 6,1% – Восточной (Аль-Хаса) провинции. – Аз-Захрани С.Х., цит. произв. С. 127–128.

⁴⁶ По данным Фейсала бен Машалья бен Сауда бен Абдель Азиза, 29 парламентариев-участников его опроса считали, что «деятельность Совета испытывает недостаток информации, которую должно предоставлять правительство». В свою очередь, 24 парламентария отмечали, что «влияние и полномочия Совета ограничены». Это, в частности, относилось и к вопросам внешней политики страны. – Фейсал бен Машаль бен Сауд бен Абдель Азиз. Ат-Татаввур ас-сиясий фи Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя: такийим Маджлис аш-шура (Политическое развитие Королевства Саудовская Аравия: оценка Консультативного совета). Б/м, б/г. С. 241–242.

⁴⁷ Здесь и далее см. ст. 4 Закона о Консультативном совете. – Бен Баз А.А., цит. произв. С. 320.

⁴⁸ См.: Аль-Ляиха ад-дахилийя ли Маджлис аш-шура (Регламент Консультативного совета). – Там же. С. 325–336.

⁴⁹ Фейсал бен Машаль бен Сауд бен Абдель Азиз, цит. произв. С. 209.

⁵⁰ Здесь и далее сведения о депутатах Консультативного совета цит. по: Фейсал бен Машаль бен Сауд бен Абдель Азиз, цит. произв. С. 196–246.

⁵¹ Парламентская сессия Консультативного совета равна «четырем годам по Хиджре». – Ст. 13 Закона о Консультативном совете. – Бен Баз А.А., цит. произв. С. 321.

⁵² Наибольшее число документов обсуждали комитет по экономическим вопросам (19%), комитет по вопросам инфраструктуры (15%), комитет по вопросам безопасности (14,5%), комитет по социальным вопросам (13%) и комитет по вопросам образования (12,5%). – См.: Фейсал бен Машаль бен Сауд бен Абдель Азиз, цит. произв. С. 224.

⁵³ Там же. С. 225.

⁵⁴ Кроме него, в число специализированных комитетов современного Консультативного совета входят еще десять. Это комитеты по исламским делам, по социальным делам, здравоохранению и охране окружающей среды, по вопросам сферы услуг и общественных учреждений, по вопросам законодательства и управления, по вопросам культуры и информации, по финансовым вопросам, по вопросам безопасности, по вопросам транспорта и коммуникаций, по вопросам образования и научных исследований, по экономическим вопросам. – См.: <http://www.shura.gov.sa/>

⁵⁵ Здесь и далее сведения о членах этого комитета цит. на основе сайта Консультативного совета. – <http://www.shura.gov.sa>

⁵⁶ Так, в 2000–2002 гг. (1421–1423 гг. Х.) комитет по внешнеполитическим делам обсуждал и принимал решения, в частности, по вопросам заключения саудовско-йеменского двустороннего соглашения о демаркации межгосударственной границы, присоединения Саудовской Аравии к Монреальскому соглашению 1999 г. об унификации правил воздушных перевозок, как и подписанную министерствами иностранных дел Саудовской Аравии и Индии ноту о координации действий и взаимных консультациях. – <http://www.shura.gov.sa/>

⁵⁷ Маджлис аш-шура ас-саудий ябхас истратиджийят мукафахат ат-татарруф (Саудовский Консультативный совет обсуждает стратегию борьбы с экстремизмом). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 8 января 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

⁵⁸ Ст. 9 Закона о Консультативном совете запрещает «совмещение членства в Консультативном совете с занятием государственной должности или участием в управлении какой-либо компании за исключением случаев, когда король сочтет это совмещение уместным». – Бен Баз А.А., цит. произв. С. 320.

⁵⁹ Целью его принятия становилось «повышение уровня административной работы и активизация развития регионов королевства, как и поддержание безопасности, правопорядка и гарантированное уважение прав и свобод граждан в рамках исламского шариата». – Ст. 1 Закона об управлении провинциями. – Цит. по: Ас-Суэйг А.Х., цит. произв. С. 287.

⁶⁰ В Джидде сконцентрировано немало посольств и консульств государств, имеющих дипломатические представительства в Саудовской Аравии. Консульские представительства некоторых стран расположены и в Даммаме. Это обстоятельство и способствовало открытию там местных представительств министерства иностранных дел. Кроме того, для многих паломников, посещающих святые места ислама во время хаджа или *умры*, въезд в Саудовскую Аравию разрешен через два этих города. – <http://www.mofa.gov.sa/>

⁶¹ Здесь и далее: Ст. 16, 17 и 38 Закона об управлении провинциями. – Ас-Суэйг А.Х., цит. произв. С. 290.

⁶² См.: Ст. 18, 23, 24 и 29 Закона об управлении провинциями. – Там же. С. 290–292.

⁶³ См.: Ст. 33, 34, 35 и 36 Закона об управлении провинциями. – Там же. С. 292–293.

⁶⁴ С. 1 и 7 Основного закона правления. – Бен Баз А.А., цит. произв. С. 264–265.

⁶⁵ Однако, если следовать духу и смыслу религиозных установок, то перевод этого титула должен звучать как «*Слуга двух Благородных Святых*», поскольку суть сугубо монотеистического вероучения предполагает, что *Хранителем* этих *Святых* может быть только Бог, но не человек.

⁶⁶ Ст. 23 и 24 Основного закона правления. – Там же. С. 268.

⁶⁷ Ст. 45 и 46 Основного закона правления. – Там же. С. 271.

⁶⁸ Ст. 50 Основного закона правления. – Бен Баз А.А., цит. произв. С. 272.

⁶⁹ Там же. С. 391.

⁷⁰ См. об этом: Тумейм Д.А. Сун аль-карар ас-сиясий фи Аль-Мамляка. Аль-Муассасат аш-шаръийя (Принятие политического решения в Королевстве. Институты юридической власти). – Ас-Сияса аль-хариджийя ли-ль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм. С. 432–433.

⁷¹ Тумейм Д.А., цит. произв. С. 432.

⁷² См. об этом более подробно: Bahgat K., Dessouki H. The Foreign Policies of the Arab States. Cairo, 1984. P. 260–261.

⁷³ Национальная традиция легитимирует специфику взаимоотношений саудовского правящего семейства и высшего эшелона страты улемов указанием на продолжение следования соглашению, заключенному еще в 1744 г. правителем неждийского эмирата Дарийя Мухаммедом бен Саудом и ханбалитским богословом М.Абдель Ваххабом и ставшему основой для придания законности саудовской экспансии на территории Аравийского полуострова. – См. об этом, например: Шахин С.-Д.Х. Лямахат тарихий ан таухид Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Исторические очерки объединения Королевства Саудовская Аравия). Эр-Рияд, б/г. С. 17; а также, в том числе: Фейсал бен Машаль бен Сауд бен Абдель Азиз, цит. произв. С. 100.

⁷⁴ Ст. 25 Основного закона правления. – Цит. по: Бен Баз А.А., цит. произв. С. 268.

Комментируя эту статью, официальное издание указывает: «Королевство Саудовская Аравия ... представляет собой ведущее государство в сфере обеспечения исламской солидарности, оказания помощи исламским государствам и той благородной позиции, которую оно занимает в отношении их справедливых чаяний. Вместе с тем, королевство добилось блестящего успеха в деле установления дружеских отношений, наряду с Соединенными Штатами, со многими западными государствами». – Лямахат ан савабит ас-сияса ас-саудийя, С. 136–137.

⁷⁵ См. текст Закона в: Бен Баз А.А., цит. произв. С. 279–299.

⁷⁶ Ст. 1 Закона о судопроизводстве. – См.: Там же. С. 279.

⁷⁷ Ст. 6, 7, 8 и 9 Закона о судопроизводстве. – Там же. С. 280–281.

⁷⁸ Ст. 55 Закона о судопроизводстве. – Там же. С. 290.

⁷⁹ Ст. 38 Закона о судопроизводстве. – Там же. С. 287.

⁸⁰ Ст. 55 Закона о судопроизводстве. – Там же. С. 290.

Без специального разрешения Высшего юридического совета, санкционированного министерством юстиции, он не мог «оставлять место своей постоянной работы» или совмещать свое пребывание в составе «юридического корпуса» с занятием «торговлей или какой-либо иной службой или работой, не совместимой с независимостью юридической власти и честью правоведа». – Ст. 58, 60 и 61 Закона о судопроизводстве. – Там же. С. 291.

⁸¹ См. об этом, сайт министерства юстиции Саудовской Аравии. – <http://www.moj.gov.sa>

⁸² Здесь и далее: Ст. 87–89 Закона о судопроизводстве. – Бен Баз А.А., цит. произв. С. 292–293.

⁸³ Аль-Манашит ас-сакафийя ли Визарат аш-шуун аль-ислямийя ва аль-аукаф ва ад-дава ва аль-иршад. С. 17.

⁸⁴ См. об этом. – Ст. 71–84 Закона о судопроизводстве. – Бен Баз А.А., цит. произв. С. 293–295.

⁸⁵ «Саудовские граждане – мусульмане». – Faisal Bin Mishal Al – Saud. The Democratic Experience in the Saudi “Open Meeting”. Chicago, 1988. P. 3.

⁸⁶ Видимо, первое в отечественной литературе указание на начало этого процесса содержится в: Георгиев А.Г., Озолинг В.В. Нефтяные монархии Аравии. Проблемы развития. М., 1983. С. 186–188.

⁸⁷ Здесь и далее см.: Ас-Сунейди А.Р. Марахиль татаввур танзым аль-идара аль-хукумийй татавалли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Этапы развития организации государственного управления, применяемого в Королевстве Саудовская Аравия). Эр-Рияд, 1418 Х. С. 198.

⁸⁸ См. об этом: Мелкумян Е.С. Потенциальные возможности Саудовской Аравии в регионе Персидского залива и за его пределами. – Роль ключевых стран Азии в международных отношениях в 1990-е годы. М., 1995.

⁸⁹ В то время – Халеда бен Абдель Азиза.

⁹⁰ Текст фетвы см. в: Тумейм Д.А., цит. произв. С. 438–439.

⁹¹ Важнейшей прерогативой этого управления становилось повторное рассмотрение суждений всех координируемых министерством юстиции юридических инстанций «с точки зрения их соответствия положения законодательных актов и в свете изменяющихся условий деятельности судопроизводства». – Ст. 89 Закона о судопроизводстве. – Цит. по: Бен Баз А.А., цит. произв. С. 297.

⁹² Текст фетвы цит. по: Тумейм Д.А., цит. произв. С. 430–431.

⁹³ Текст фетвы и выступления верховного муфтия см. в: Ben Baz A.A., Abdallah A. – A. Position of Islamic Sharia about the Iraqi Aggression on the State of Kuwait. Wash., Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia, 1990. P. 34.

⁹⁴ Текст фетвы в: Тумейм Д.А., цит. произв. С. 430.

⁹⁵ Здесь и далее: Калимат муфти амм Аль-Мамляка хауля аль-инфиджарат фи Нью-Йорк ва Вашингтон (Заявление верховного муфтия Королевства о взрывах в Нью-Йорке и Вашингтоне). – <http://www.mofa.gov.sa/>

⁹⁶ Буш яалян анна бен Ладен матлуб хаййян ау майатан (Буш заявляет, что бен Ладен нужен живым или мертвым) // Аш-Шарк Аль-Аусат, Л., № 8330, 18 сентября 2001. – <http://www.asharqalawsat.com/>

⁹⁷ Аш-Шейх Ас-Судейс фи хутбат аль-джума (Шейх Ас-Судейс произносит пятничную проповедь). – Аль-Джазира, № 10593, 29 сентября 2001. – <http://iplog4.suhuf.net.sa/>

⁹⁸ Первоначально саудовские власти категорически опровергали факты присутствия саудовских добровольцев на территории Ирака и их участия в формировании отрядов «*фидаинов* Саддама». – См., в частности, заявление министра внутренних дел принца Наифа бен Абдель Азиза газете «Аш-Шарк Аль-Аусат». – Аль-Амир Наиф: инша ляджнатайн ли хукук аль-инсан карибан (Принц Наиф: скоро будут созданы две комиссии по правам человека). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 6 апреля 2003. – <http://www.asharqalawsat.com/>

⁹⁹ См., например, фетву одного из лидеров саудовского «движения исламского возрождения» шейха Сальмана бен Фахда. – Алим дин саудий юхарим мушарака аль-джунуд аль-муслимин ва ад-дуваль аль-ислямийй фи дарб Аль-Ирак (Саудовский улем запрещает солдатам-мусульманам и мусульманским государствам участвовать в нанесении удара по Ираку). – Elaph publication, 8 марта 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>

¹⁰⁰ Имам Аль-Масджид Аль-Харам яду укаля ад-дин иля набз ат-таассуб ва истифаз аш-шууб (Имам Главной мечети призывает законоучителей искоренить шовинизм и провокации народов). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 22 февраля 2003. – <http://www.asharqalawsat.com/>

¹⁰¹ Здесь и далее текст заявления цит. по: Фи баян ли Хейа кибар аль-уляма ас-саудийин: Ас-Саудийя хавалят таджниб Аль-Ирак аль-харб аль-ляти нарфуд истимраруха (Заявление Совета высших саудовских улемов: Саудовская Аравия пыталась устранить от Ирака войну, продолжение которой мы отвергаем). – Elaph publication, 26 марта 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>

¹⁰² Муфти амм Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя юфти би «аль-канут» ли ан-назиля (Верховный муфтий Королевства Саудовская Аравия выносит суждение о молитве в связи со случившимися событиями). – Elaph publication, 2 апреля 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>

В том же сообщении подчеркивается, что министерство юстиции и министерство мусульманских дел, вакфов, призыва и руководства рекомендовали имамам мечетей отказаться от каких-либо высказываний и проповедей в отношении событий в Ираке до тех пор, пока по этому поводу к ним не поступит точка зрения верховного муфтия.

¹⁰³ Уляма ад-дин ас-саудийюн юталибуна би мухараба аль-ирхаб аль-фикрий (Саудовские законоучители требуют бороться с идейным терроризмом). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 9 мая 2003. – <http://www.asharqalawasad.com/>

¹⁰⁴ Сколько-нибудь реалистические статистические данные о численности саудовских улемов отсутствуют. Однако цитируемые М.Абиром и относящиеся к первой половине 90-х годов данные показывают, что в 1994 г. на строительство мечетей в королевстве было израсходовано не менее 1 млрд.

долл., а наряду с уже работавшими в действовавших мечетях 54 тыс. «религиозных деятелей», саудовские власти были готовы в 1992 г. принять на работу еще 7,3 тыс. выпускников религиозных факультетов и университетов. – Abir M. Saudi Arabia. Op. cit. P. 203.

Впрочем, и сегодня эта ситуация вряд ли изменилась. Так, в начале 2003 г., по заявлению министра вакфов, призыва и руководства шейха Салеха бен Абдель Азиза Аль Аш-Шейха, саудовское правительство в рамках Программы заботы о мечетях выделило на ремонт и строительство новых мечетей в Мекке 18 млн. сауд. риалов. – Аль Аш-Шейх юваджих би сура хадм ва иадат бина салясат масаджид фи Мекка Аль-Мукаррама (Аль Аш-Шейх считает необходимым как можно быстрее перестроить три мечети в Благоградской Мекке). – Ар-Рияд, 21 января 2003. – <http://www.alriyadh.com.sa/> Одновременно, в рамках все той же Программы был выделен 31 млн. сауд. риалов для ремонта и строительства мечетей в районе Аль-Джауф (Северная провинция). – Тармим ва сыяна джавами ва масаджид ва мусаллият аль-ид би Аль-Джауф би 31 миллион риал (31 миллион риалов на реставрацию и ремонт мечетей и молитвенных домов в Аль-Джауфе). – Аль-Джазира, 24 января 2003. – <http://www.al-jazirah.com/>

В преддверии сезона хаджа 2003 г. лагерь для паломников «Ан-Нур», расположенный в Муне (по дороге из Джидды в Мекку) и предназначенный для 40 паломников, предполагал предоставить в их распоряжение 7 «шейхов» и «группу студентов богословия». При этом подчеркивалось, что каждый из паломников будет иметь «наставника» из числа этих студентов. – <http://www.alnoor.com.sa/>

¹⁰⁵ Применительно ко времени кризиса вокруг Кувейта, когда на территории Саудовской Аравии были размещены американские войска, а также вооруженные силы союзников США по антииракской коалиции, вопрос о политической активности саудовских улемов подробно рассматривается М.Абиром: Abir M. Op. cit. P. 180–185.

¹⁰⁶ Здесь и далее см.: Вазир аш-шуун аль-ислямийя яльтаки аимат аль-масаджид (Министр мусульманских дел встретился с имамами мечетей). – Аль-Джазира, № 10612, 18 октября 2001. – <http://iplog4.suhuf.net.sa/>

¹⁰⁷ См.: Вазир аш-шуун аль-ислямийя асна ликаихи маа талабат аль-ильм ва ад-дуат (Министр мусульманских дел во время встречи со студентами религиозных дисциплин) // Аль-Джазира, № 10613, 19 октября 2001 // <http://iplog4.suhuf.net.sa/>

¹⁰⁸ См., в частности, заявление наследного принца Абдаллы в ходе состоявшейся в конце декабря в Маскате встречи в верхах глав государств Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. – Al Jazeera discrediting GCC. – <https://www1.columbia.edu/>

¹⁰⁹ Здесь и далее см.: Фи калима вуджихат иля аль-муватанин ва иля джамиъи аль-муслимин (В обращении к гражданам и всем мусульманам). – Айн аль-Якин, 21 декабря 2001. – <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

¹¹⁰ Здесь и далее: Маали аш-шейх Бен Хамид: аля аль-хатыб ан юфаррик байн аль-хутба аль-ляти юлькыха фи аль-масджид ва аль-хутба ас-сиясийа (Его превосходительство шейх Бен Хамид: проповедник должен проводить грань между проповедью, произносимой им в мечети, и политическим выступлением). – Аль-Джазира, 24 января 2003. – <http://www.al-jazirah.com/>

¹¹¹ Здесь и далее см.: Нофель А.М., цит. произв. С. 385–386.

¹¹² Ст. 1 Основного закона правления. – Цит. по: Бен Баз А.А., цит. произв. С. 264.

¹¹³ Лямахат ан савабит ас-сияса ас-саудийа. С. 114.

¹¹⁴ Абдель Азиз Аль Сауд С., цит. произв. С. 108–109.

¹¹⁵ См. об этом, например: Абна аль-кабаиль кад юсбихун кабусан ли-ль-кувват аль-амрикийя из газзат Аль-Ирак (Племена могут стать кошмаром для американских войск, если они вторгнутся в Ирак). – Аш-Шарк Аль-Аусат, Л., 6 января 2003 // <http://www.asharqalawsat.com/>

¹¹⁶ В январе 2000 г. в рамках общесаудовского телевизионного марафона «помощи народу Чечни» дар принца Аль-Валида составил 10 млн. саудовских риалов. – Massive Response to Saudi TV's Chechnya Relief campaign – <http://www.islamicvoice.com/>

¹¹⁷ Включая, например, Citigroup, Motorola, Four Seasons Hotels & Resorts, Trans World Airlines, Planet Hollywood, Xerox, Kodak, America Online, Apple Computer, AT & T, Compaq, Walt Disney Co., Gillette, Proctor & Gamble, Coca-Cola, Internet Capital Group, InfoSpace, а также телевизионные каналы CNN, CNBC и FOX. – <http://www.itp.net/>

– См. интервью принца Аль-Валида газете «Уолл-Стрит джорнел» от 8 ноября 2002 г. Цит. по опубликованному в саудовской газете «Аль-Джазира» переводу: Аль-Амир Аль-Валид бен Таяля ли сахифат «Уолл-Стрит джорнел»: Сиясат Буш мунхаза дыдд аль-филистынийин би шакль хатыр (Принц Аль-Валид бен Таяля заявляет газете «Уолл-Стрит джорнел»: Политика Буша опасно направлена против палестинцев). – <http://www.al-jazeera.com/> В феврале 2003 г. американский журнал «Форбс» вновь включил Аль-Валида бен Таяля в список богатейших людей мира. – См.: Аш-Шарк Аль-Аусат, 1 марта 2003. – <http://www.asharqalawsat.com/>

¹¹⁸ Сразу же после 11 сентября 2001 г. принц Аль-Валид выписал чек на сумму 10 млн. долл. в фонд поддержки пострадавших и их родственников во время террористических актов в американских городах, а также опубликовал заявление, в котором осудил «террористические действия Аль-Каиды», призвав одновременно США пересмотреть их «ближневосточную политику, заняв более взвешенную позицию по отношению к палестинской проблеме». В итоге мэр Нью-Йорка Р.Джулиани отказался принять выписанный чек. Это, однако, не означало, что принц Аль-Валид прекратил свою деятельность в США, где только в 2002 г. доходы возглавленной им компанией составили более 2 млрд. долл. – Аль-Амир Аль-Валид бен Таяля ли сахифат «Уолл-Стрит джорнел».

¹¹⁹ Тем не менее, по сообщениям саудовской прессы, в 2002 г. в стране предпринимались попытки (хотя и недолговременные и ограниченные) бойкота

американских товаров в ответ на «проводимую Соединенными Штатами в регионе политику поддержки Израиля» и в качестве акции протеста против проводимой в США антисаудовской кампании. – Риджаль аамаль юхаззирун: аль-харб аль-мухтамала фи Аль-Ирак кад туассир аля ат-тиджара ас-саудийя аль-америкийя (Предприниматели предостерегают: возможная война в Ираке может повлиять на саудовско-американскую торговлю). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 25 февраля 2003. – <http://www.asharqalawsat.com/>

¹²⁰ Уже после начала военных действий в Ираке принц Аль-Валид в ходе встречи, состоявшейся 31 марта 2003 г. между ним и послом США в Эр-Рияде Р.Джорданом (по просьбе американской стороны), подчеркивал «необходимость скорейшего завершения военных действий». Одновременно он считал важным заявить, что «война в Ираке никоим образом не должна увести в сторону вопрос о страданиях палестинского народа». Принц Аль-Валид отмечал, что «Израиль обязан выполнять резолюции ООН в той же мере, в какой требования подобного рода выдвигались к Ираку». Он приветствовал американо-британскую инициативу выдвижения «дорожной карты» решения проблемы палестино-израильского противостояния, сказав послу США, что «таким образом американская администрация отчетливо дает понять, что она стремится к проведению более взвешенной политики в регионе Ближнего Востока». – Аль-Валид бен Таяль яараб ан амалихи би интиха аль-харб сариан (Аль-Валид бен Таяль выражает надежду на скорейшее завершение войны). – El-aph publication, 2 апреля 2003. – <http://www.elaph.com>.

¹²¹ Аль-Амир Аль-Валид бен Таяль ли сахифат «Уолл-Стрит джорнел».

¹²² См. об этом: «Айн Аль-Якин» таншур ан-насс аль-харфий ли баян ас-сафара ас-саудийя фи Вашингтон хауля джухуд Аль-Мамляка фи аль-харб аля аль-ирхаб («Айн Аль-Якин» публикует полный текст заявления саудовского посольства в Вашингтоне об усилиях, предпринимаемых Королевством в ходе войны с терроризмом). – Айн Аль-Якин, Эр-Рияд, 13 декабря 2002. – <http://www.ain-al-yaqeen.com/>

¹²³ Представители этих торгово-промышленных палат входят в состав руководящих органов различных саудовских благотворительных фондов, деятельность которых координируется Саудовским комитетом Красного полумесяца. – См. об этом, в частности: 72 дауля фи арджа аль-алям истафадат мин аль-аун са-саудий (72 государства в различных регионах мира воспользовались саудовской помощью). – Аль-Игаса ас-саудийя, апрель 2001. С. 21.

¹²⁴ В 2003 г. журнал «Форбс» включил, по крайней мере, двух представителей семейства Ар-Раджхи – Сулеймана Абдель Азиза и Салеха бен Абдель Азиза в число самых богатых людей мира. – См.: Аш-Шарк Аль-Аусат, 1 Марта 2003 г. – <http://www.asharqalawsat.com/>

¹²⁵ См. об этом, в частности: 6 джамийят хейрийя саудийя муттахам фи Америка таттафик аля иджраат канунийя ли муваджхат дава таавидат аилят дахая 11 септембер (6 обвиненных в Америке саудовских благотворительных организаций договариваются о совместных юридических мерах для

того, чтобы противостоять искам семей жертв 11 сентября). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 29 декабря 2002 // <http://www.asharqalawsat.com/>

¹²⁶ Здесь и далее см.: «Айн Аль-Якин» таншур ан-насс аль-харфий ли баян ас-сафара ас-саудийя фи Вашингтон хауля джухуд Аль-Мамляка фи аль-харб аля аль-ирхаб.

¹²⁷ Это относилось к Боснии и Герцеговине. В ноябре 2002 г. саудовский посол в Сараево подчеркивал, что «посольство контролирует» координирующей деятельность благотворительных фондов в этой стране саудовский культурный центр. Отвечая на вопрос о том, как связаны посольство и благотворительные фонды, посол отметил: «Все эти фонды не являются государственными. Они частные организации. Но мы разъясняем поставленные правительством перед ними цели, мы действуем в направлении недопущения свершения ими каких-либо ошибок». Далее он заявлял: «Мы активно взаимодействуем с государственным муфтиятом Боснии и Герцеговины. Все решения о благотворительной помощи мусульманам этой страны принимаются только на основе запросов главы муфтията и руководителей боснийского государства». – См.: Тасрих ас-сафир ас-саудий ляда Аль-Босна ва Аль-Херцок (Заявление саудовского посла в Боснии и Герцеговине). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 16 ноября 2002 г. // <http://www.asharqalawsat.com/>

¹²⁸ По данным саудовского министерства торговли, из 500 тыс. зарегистрированных в стране частных предприятий не менее 90% являются «предприятиями малого и среднего бизнеса». – См. об этом: 30% мин аль-муншаат ас-сагара тафшиль фи ас-сана аль-уля ва 50% баад 18 ашхур (30% мелких предприятий терпят крах в течение года после их создания и 50% – через 18 месяцев). – Ар-Рияд, Эр-Рияд, 21 января 2003 // <http://www.alriyadh.com.sa/>

¹²⁹ Одним из начинаний торгово-промышленной палаты Эр-Рияда должен стать Эр-Риядский экономический форум, проведение которого, начиная с октября 2003 г., будет патронироваться наследным принцем Абдаллой. Цель этого Форума будет заключаться в оказании содействия правительству со стороны членов столичной и региональных торгово-промышленных палат в «определении стратегических проблем саудовской экономики», а также «вовлечению частного капитала в экономическое развитие страны в свете новых тенденций в развитии мировой экономики». Соответствующие предложения участников Форума, по заявлению председателя столичной палаты А.-Р.А. Аль-Джурейси, «будут передаваться творцам политического решения». – Гурфат Ар-Рияд таса иля тарх руая мутакамиля ли аль-куттаа аль-хасс хауля аль-исляхат аль-хайкалийя ли аль-иктисад аль-ватаний (Палата Эр-Рияда стремится выдвинуть предлагаемое частным капиталом всеобъемлющее видение структурных реформ национальной экономики). – Аль-Джазира, 26 января 2003 // <http://www.al-jazirah.com.sa/>

¹³⁰ По данным «Аш-Шарк Аль-Аусат», в течение 2002 г. товарообмен между двумя странами снизился по сравнению с 2001 г. на 20%. – Риджаль аамаль юхаззирун... 25 февраля 2003 г.

Х. Аш-Шабкаши, глава одной из крупнейших саудовских промышленных корпораций «Группа Аш-Шабкаши развития и торговли» заявлял корреспонденту «Аш-Шарк Аль-Аусат», что введенные американскими властями ограничения на въезд саудовских граждан в США, как и антисаудовская кампания в американской прессе «разрушили веру предпринимателей обеих сторон друг в друга». По его словам, «люди стали искать альтернативных партнеров в Европе и Азии». Говоря о возможных последствиях войны в Ираке, он отметил: «Саудовцы с еще большим вниманием будут искать альтернативу. Если начнется война, то мы можем столкнуться с полным бойкотом Америки». – Там же.

В свою очередь, глава компании «S.A.G.», занимающейся вопросами информационной технологии, В.Аба Аль-Хейль подчеркнул: «Многие саудовские предприниматели раздражены американской позицией в отношении Саудовской Аравии и арабских стран. То, что мы слышим и читаем (в американской прессе, – *авторы*) абсолютно неверно. В таких условиях люди не готовы сотрудничать с американскими компаниями. Они ищут сотрудничества с европейцами, канадцами, азиатами и другими для того, чтобы создавать новые проекты». – Там же.

¹³¹ См.: Выступление принца Абдаллы на организованной в январе 2003 г. под его эгидой конференции в Эр-Рияде «Что хочет общество от преподавателей, и что хотят преподаватели от общества?». – Аль-Амир Абдалла яду аттарбауйин иля иадад джилль лиль мустакбаль ямляк насыят ат-такнийя ва юшарик фи суниха (Принц Абдалла призывает преподавателей готовить поколение будущего, обладающего знанием техники и участвующего в ее создании). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 22 января 2003. – <http://www.asharqalawsat.com/>

¹³² Здесь и далее см. текст этого документа в: Мусаккафун саудийюн юнакишун аль-васика аль-ватанийя ли аль-ислях (Саудовские интеллигенты обсуждают документ национальной реформы). – Elaph publication, 20 марта 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>

¹³³ Впрочем, как косвенно свидетельствовали и настроения в среде улемов, идея демократизации государственных структур не была чужда и саудовским законоучителям. – См. об этом, в частности: Аль-Хамад Т. Муашшират джадида фи Ас-Саудийя (Проявления новых настроений в Саудовской Аравии). – Elaph publication, 1 января 2003. – <http://www.elaph.com/>; а также: Харб Аль-Ирак кад туаттыль аль-ислях фи Ас-Саудийя (Война в Ираке может сорвать реформы в Саудовской Аравии). – Elaph publication, 31 марта 2003. – <http://www.elaph.com/>

¹³⁴ Аль-Амир Наеф: инша ляджнатайн ли хукук инсан карибан.

¹³⁵ Заявление генерального секретаря Консультативного совета Х.Аль-Бадра: Амин амм Маджлис аш-шура ас-саудий: аль-интихабат ва удвийят аль-мара мумкина (Генеральный секретарь саудовского Консультативного совета: выборы и членство женщин возможны). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 30 марта 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

¹³⁶ Х.Аль-Бадр отрицал, что в своем интервью он сообщал, что в состав делегации Консультативного совета на сессию Межпарламентского союза в

Чили в апреле 2003 г., где будет обсуждаться вопрос о приеме саудовского парламента в эту организацию, включены женщины-эксперты. Кроме того, он отрицал, что говорил об обращении Консультативного совета в ходе его работы к экспертам женского пола. – Аль-Бадр: лям усаррих би шей (Аль-Бадр: я этого не заявлял). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 1 апреля 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

¹³⁷ Текст выступления короля Фахда цит. по: Аш-Шарк Аль-Аусат, 18 мая 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

¹³⁸ Обзор этих дискуссий см. в: Аль-Хамид Т. Надва «Аш-Шарк Аль-Аусат» (Форум «Аш-Шарк Аль-Аусат»). – <http://www.asharqalawasat.com/>

¹³⁹ Аль-Хальян И.А. Аль-Мамляка амам муфтарак хасим (Королевство находится на судьбоносном перекрестке). – Мусаккафун саудийюн юнакишун аль-васика аль-ватанийя ли аль-ислях.

¹⁴⁰ Надва «Аш-Шарк Аль-Аусат». Руая ва асия тахуд фи ильтибасат аль-иякат ас-сиясийя маа Аль-Вилайят Аль-Муттахида (Форум «Аш-Шарк Аль-Аусат»). Взгляды и вопросы в связи с поворотами политических отношений с Соединенными Штатами). – «Аш-Шарк Аль-Аусат», 15 марта 2003. – Цит. по: Elaph publication, 15 марта 2003. – <http://www.elaph.com/>

¹⁴¹ Надва «Аш-Шарк Аль-Аусат». Аль-Маль ва аль-аамаль фи аль-иякат ас-саудийя аль-американийя: истисмар ам мукатаа (Форум «Аш-Шарк Аль-Аусат»). Капитал и бизнес в саудовско-американских отношениях: инвестиции или бойкот). – «Аш-Шарк Аль-Аусат», 16 марта 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

¹⁴² Надва «Аш-Шарк Аль-Аусат». Руая ва асия тахуд фи ильтибасат аль-иякат ас-сиясийя маа Аль-Вилайят Аль-Муттахида.

¹⁴³ Надва «Аш-Шарк Аль-Аусат»: Рихля ар-рияль ас-саудий мин джейб аль-мутабарри иля яд аль-мустафид аль-ахир (Форум «Аш-Шарк Аль-Аусат»: Путешествие саудовского риала из кармана жертвователя в руки конечного получателя). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 18 марта 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

¹⁴⁴ Мусаккафун ва муфаккарун саудийюн. Баян би шаан аль-харб аль-американийя аль-мухтамаля аля Аль-Ирак (Саудовские интеллигенты и мыслители. Заявление в связи с возможной американской войной против Ирака). – Elaph publication, 17 марта 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>

¹⁴⁵ Раис тахрир «Ар-Рияд»: юттахим кадат фикр исламийин (Главный редактор «Ар-Рияд» обвиняет лидеров исламской мысли). – Elaph Publication, 27 мая 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>

¹⁴⁶ Аш-Шарк Аль-Аусат, 18 мая 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

¹⁴⁷ Иадат хайкалят аль-куттаа аль-аманий фи визарат ад-дахилийя (Реструктуризация службы безопасности министерства внутренних дел). – Elaph Publication, 27 мая 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>

¹⁴⁸ Аль-Амир Найеф: санухариб румуз ат-тайяр аль-муташаддид (Принц Найеф: мы будем бороться с ведущими фигурами радикального течения). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 14 мая 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

¹⁴⁹ Амин Рабита аль-алям аль-ислямий юхаззир аль-ирхабийин мин аль-хисаб аль-илихий (Секретарь Лиги исламского мира предупреждает терро-

ристов о Божественном суде). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 21 мая 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

¹⁵⁰ Муфти Ас-Саудийя янфи ан аль-муассаса ад-динийя шубхат ат-таксыр (Муфтий Саудовской Аравии отрицает подозрение в упущении со стороны религиозного истеблишмента). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 21 мая 2003. – <http://www.asharqalawasat.com/>

¹⁵¹ Аль-Мамляка лян татахавин маа куль ман юхаддид аль-амн ва аль-истикрар (Королевство не будет мириться с теми, кто угрожает безопасности и стабильности). – Elaph Publication, 14 мая 2003. – <http://www.elaph.com.:9090/>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Саудовская внешняя политика последовательна. Принципы внешнеполитической деятельности, заложенные основателем современного саудовского королевства Абдель Азизом Ибн Саудом, были сохранены и при его приемниках. Исламский характер внешней политики остается неизменным, хотя и наполняется адекватным современному этапу развития системы международных отношений содержанием. Идеологическая основа внешней политики, базирующаяся на исламских принципах, определила приоритетность мусульманского направления во внешнеполитической деятельности Саудовской Аравии. Ее целью было укрепление исламской солидарности, а также утверждение лидирующего положения саудовского королевства в мусульманском мире.

Отличительной чертой саудовской внешней политики является ее умеренность. Саудовские руководители являются сторонниками решения всех конфликтов и споров мирными средствами. Они выдвигают инициативы и вносят предложения, направленные на поиск выхода из конфликтных ситуаций не только в мусульманском сообществе, но и в регионе Ближнего Востока, частью которого является Саудовская Аравия. Принадлежность к арабскому миру определяет еще одно приоритетное направление во внешнеполитической деятельности саудовского королевства. Оно стремится к лидирующей роли в арабском сообществе и реализует ее, используя свой авторитет в мусульманском мире, а также свое положение ведущего поставщика углеводородов на мировой рынок, что определяет его широкие внешнеполитические связи и уровень влияния на принятие решений, имеющих как региональное, так и глобальное значение.

Используя свои потенциальные возможности, Саудовская Аравия активно участвует в решении палестинского вопроса, который рассматривается ею в качестве ключевой проблемы, воздействующей на развитие арабского, а также мусульманского сообществ. Саудовская Аравия заинтересована в конструктивном разрешении палестинского вопроса, что создаст условия для всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта, препятствующего достижению региональной безопасности и стабильности.

Для повышения своего влияния в арабском мире Саудовская Аравия активно использует ССАГПЗ – региональную организацию, членами которой стали ближайшие соседние государства. Они объединены общими устремлениями, направленными к стабилизации ситуа-

ции в зоне Залива и на создание условий для ускоренной экономической и политической модернизации, необходимой для успешной интеграции в мирохозяйственные связи и полноценного участия в принятии важнейших политических решений.

Саудовское понимание взаимосвязанности современного мира, единства стоящих перед мировым сообществом проблем, поддержания стабильности и обеспечения безопасности, определяет отношения королевства с ведущими мировыми державами, а также его позиции по современным глобальным проблемам, среди которых на первое место выходит проблема международного терроризма. Неприятия террористической деятельности, объектом которой саудовское королевство стало с конца 70-х годов и продолжает оставаться вплоть до сегодняшнего дня, подкрепляется конкретной практической деятельностью, направленной на пресечение действий террористов путем ужесточения контроля над источниками их финансирования, их идеологической поддержки и репрессивных мер в отношении участников террористических группировок внутри страны.

Отношения саудовского королевства с западными странами определяются их взаимной заинтересованностью в укреплении экономических связей, а также политическим сотрудничеством с целью обеспечения региональной безопасности. Соединенные Штаты являются основным союзником Саудовской Аравии в западном мире. Уровень их отношений определяется прежде всего тем, что саудовское королевство является основным поставщиком нефти на американский рынок. Кроме того, их взаимная заинтересованность в сохранении высокого уровня взаимоотношений определяется финансовым сотрудничеством, а главное тем, что Саудовская Аравия осознает особое место, занимаемое США в мире, и на этой основе пытается сглаживать возникающие между ними противоречия и расхождения во взглядах.

Одной из ситуаций, вызвавших серьезные разногласия в позициях саудовской и американской сторон, стал иракский кризис, завершившийся американским военным вмешательством и свержением существовавшего в Ираке режима. Несмотря на объективную заинтересованность саудовской стороны в таком развитии событий, Саудовская Аравия была вынуждена, в интересах сохранения своего престижа в мусульманском и арабском мире, критиковать действия американцев и их союзников в Ираке за «неоправданное» использование военной силы, что привело к значительным жертвам среди иракского населения.

Сохранение престижа и влияния в арабских и мусульманских странах является одним из императивов саудовской внешней политики. Для реализации этой цели оно активно использует свои огромные финансовые возможности, которыми обладает королевство в качестве крупнейшего мирового производителя нефти. Оказание финансовой помощи становится одним из важнейших инструментов внешнеполитической деятельности, с помощью которого Саудовская Ара-

вия укрепляет свое положение не только на региональном уровне, но и в системе международных отношений в целом. После распада Советского Союза и Югославии королевство стало оказывать значительную помощь мусульманским районам этих бывших государств, таким образом включая их в сферу своего влияния. Саудовская финансовая деятельность развивается в сотрудничестве с международными финансовыми организациями и под контролем со стороны правительства. Помощь отдельным мусульманским районам независимых государств осуществляется на основе уважения их территориальной целостности и при тесном взаимодействии с их правительственными структурами. Этому способствует четко отлаженная система принятия внешнеполитических решений, созданная саудовским истеблишментом.

Процесс принятия решений, касающихся внешнеполитической деятельности саудовского королевства, отличается многоуровненностью. Помимо короля и правящей семьи Аль Сауд, узаконивших свое право на власть в силу исторических традиций и положений Основного закона правления, определенными полномочиями в этой сфере обладает правительство, министерство иностранных дел, Консультативный совет и религиозные законоучители, представленные в Совете высших улемов и других структурах власти и на общегосударственном, и на региональном уровнях.

Расширение круга лиц, оказывающих влияние на разработку внешней политики и принимаемые в этой сфере решения, – постоянный процесс. По мере укрепления в стране позиций страты предпринимателей или численного роста «нового образованного класса», их интересы становятся одним из факторов, воздействующих на принимаемые решения, включая и те, которые касаются внешнеполитической деятельности королевства. Противоречивые устремления различных представителей саудовского общества, среди которых наиболее консервативные позиции занимает духовенство, гармонируются благодаря целенаправленной деятельности государственных структур, заинтересованных в сохранении общественного согласия и поступательном развитии страны по пути прогресса и дальнейшей интеграции в общемировые экономические и политические структуры.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко**
"Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства
в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко,
З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества
(израильская модель)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономи-
ческий потенциал стран Ближнего и Среднего Востока"
(информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском
Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".

30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии". (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг."
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности".
Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей
(Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки".
(Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Вирабов** "Алжир: кризис власти".
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков** "Арабские страны и ислам в России".
72. **Зеев Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)".
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)".
Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров** "Египет в последней трети XX века".
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев** "Талибы (религиозно-политический портрет)".
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин** "Турция и США: основные этапы
торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко** "Нефть и газ Египта
и Алжира на рубеже XX–XXI вв."

94. **Д.Полисар** "Выбирая диктатуру".
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей. (совместно с ИВ РАН, ИСАА)
96. **А.Д.Эпштейн** " Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Кувейт: Контурь экономических перемен". (совместно с ИВ РАН)
98. **О.В.Плешов** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане". (совместно с ИВ РАН)
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст".
Сборник.
102. "Иран и СНГ". Сборник.
103. **М.З.Ражбадинов** "Радикальный исламизм в Египте".
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

Адрес в Интернете: www.iimes.ru
--

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev
and A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection
of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"
 31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
 32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
 33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
 34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 1999**
35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
 36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
 37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
 38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
 39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
 40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
 41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
 42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
 43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays)
(In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State
Creation" by **K.Polyakov and A.Hasyanov**
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays)
In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**
81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries."
by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed"
by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives"
(collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" {collection of essays}.
100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)
101. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
102. "Iran and CIS" (collection of essays)
103. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
104. "The Contemporary Middle East" № 18, (collection of essays)

Internet: www.iimes.ru

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА САУДОВСКОЙ АРАВИИ.
ПРИОРИТЕТЫ, НАПРАВЛЕНИЯ,
ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ

Подписано в печать 11.08.2003 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 14,75 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 83

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»